

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 4 (139)

Гуманитарные науки

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информа-
ции Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора Д.Л. КОВАЛЕНКО,
канд. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора А.Р. МИРОТИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор
Зам. главн. редактора Г.Г. ГОНЧАРЕНКО,
д-р биол. наук, профессор, чл.-корр. НАН Беларуси

Члены редакционной коллегии:

Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
Н.Н. Мезга, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук, проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus High-
er Attestation Commission list of scientific publications
of the Republic of Belarus, which publish the main re-
sults for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief D.L. KOVALENKO,
PhD, Associate Professor
Deputy editor-in-chief A.R. MIROTIN,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief G.G. GONCHARENKO,
Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB

Members of editorial board:

F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
N.N. Mezga, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

© Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», 2023

© Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State
University», 2023

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2023, № 4 (139) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

История

Жук С.А. Восстановление организационной структуры АН БССР в период эвакуации и первые послевоенные годы	5
Келлер О.Б. Переход от монастырских, соборных и частных школ к средневековым европейским университетам	11
Климко М.К. Деятельность Минского губернского комиссариата по военным делам в 1920 г.	16
Косов А.П. Торгово-экономическое взаимодействие России с США в 1990-е гг.	21
Мязга М.М. Рыжскі дагавор 18 сакавіка 1921 г. у сучаснай расійскай гістарыяграфіі	27
Рожкова С.Н. Белорусская историография советско-германских отношений 1918–1939 гг.: важнейшие концептуальные положения.....	32
Старовойтов М.И. Социальная структура городского населения БССР (1920–1930-е годы)	36
Чаропка С.А. Бітва за Слуцк 1648 г.: малавядомы эпізод казацка-сялянскай вайны	42

ФИЛОЛОГИЯ

Батурына А.Л. Творчасць Я. Чачота і традыцыі класічнай нямецкай літаратуры канца XVIII – пачатку XIX ст.	47
Воінава-Страха М.М. Магічны рэалізм у апавесцях А. Казлова	54
Дакукін А.Д. Дзейнасць Алеся Разанава на перакладзе мастацкай літаратуры з літоўскай, латышскай, эстонскай моў	60
Завтрикова П.С. Специфика значения слова пространство в составе конструкции пространство для чего-либо	66
Заголовец А.В. Тестирование на коммутативность как способ разграничения сложных знаков и устойчивых сочетаний знаков в китайском языке	71
Карёбо О.Н. Персуазивная составляющая публицистического дискурса (на примере жанра интервью немецкоязычного авто / мотожурнала).....	76
Коваль В.И. К славянско-китайским лингвокультурным параллелям (слав. *jarъ- и кит. чунь 春)	82
Литвинова Л.А. Обращения и другие средства выражения адресации в англо- и русскоязычном дискурсе мошенников.....	88
Петрова Н.Е. О соотношении понятий 'идиолект' и 'идиостиль'	94
Сажина Е.В. Полемический компонент дискурса печатных СМИ и его структурные закономерности.....	99

Цімашэнка Н.П. <i>Ужыванне параўнальных канструкцый у мове рамана І.П. Шамякіна «Сэрца на далоні»</i>	104
Шестакова Е.В. <i>Оценочный компонент семантики лексических единиц в дипломатическом дискурсе (на материале английского языка)</i>	109
ФИЛОСОФИЯ	
Корнюхов Д.В. <i>Духовное лидерство в социальном измерении</i>	114
Малахов Д.В. <i>Социально-политические измерения философии и теологии «после Освенцима»</i>	121
Новік І.М. <i>Погляды Юзэфы Кодзіс-Крыжаноўскай на жаночае пытанне: «Сямейнае пытанне ў жаночай справе»</i>	127
Романова А.С. <i>Социокультурная обусловленность саморазвития личности</i>	133
Степанюк В.К. <i>Перспективы глобального моделирования деформаций социобиосферного комплекса</i>	139
Яхно В.Н. <i>Информационная этика: актуальные проблемы и поиск новых стандартов.</i>	143

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999

Released bimonthly

• 2023, № 4 (139) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

Zhuk S.A. Restoration of the organizational structure of the Academy of Sciences of the BSSR during the period of evacuation and the first post-war years.....	5
Keller O.B. Transition from monastic, cathedral and private schools to medieval European universities	11
Klimko M.K. Activities of the Minsk Provincial Commissariat for Military Affairs in 1920 ..	16
Kosov A.P. Trade and economic interaction between Russia and the US in the 1990s.....	21
Miazga M.M. Treaty of Riga of March 18, 1921 in modern Russian historiography	27
Rozhkova S.N. Belarusian historiography of Soviet-German relations in 1918–1939: the most important conceptual provisions	32
Starovoitov M.I. The social structure of the urban population of the BSSR (1920s–1930s)....	36
Czaropka S.A. The battle for Sluck in 1648: a little-known episode of the Cossack-peasant war	42

PHILOLOGY

Baturina E.L. Jan Czeczot's heritage and traditions of classical German literature of the late 18 th – early 19 th centuries.....	47
Voinava-Straha M.M. Magical realism in A. Kozlov's stories.....	54
Dakunin A.D. Ales Razanau's activity in translating fiction from the Lithuanian, Latvian, and Estonian languages	60
Zavtrikova P.S. The specificity of the meaning of the word space in the construction space for something	66
Zagolovets A.V. Testing for commutativity as a way to distinguish between complex characters and stable combinations of characters in the Chinese language.....	71
Karebo O.N. The persuasive component of publicist discourse (on the example of the interview genre of a German auto / moto magazine).....	76
Koval V.I. To the Slavic-Chinese linguocultural parallels (slav. *jar- and chin. chun 春).....	82
Litvinova L.A. Appeals and other means of expressing addressing in the English and Russian discourse of fraudsters.....	88
Petrova N.E. On the relationship between the concepts of 'idiolect' and 'idiostyle'	94
Sazhyna E.V. The polemic component of the discourse of the print media and its structural patterns.....	99
Tsimashenka N.P. The use of comparative constructions in the language of the novel by I.P. Shamyakin «Heart in the palm of your hand».....	104
Shestakova E.V. Evaluative component of the semantics of lexical units in diplomatic discourse (on the material of the English language)	109

PHILOSOPHY

Korniuhov D.V. <i>Spiritual leadership in the social dimension</i>	114
Malahov D.V. <i>Social and political dimensions of «after Auschwitz» philosophy and theology</i>	121
Novik I.M. <i>Views of Józefa Krzyżanowska-Kodisowa on the women's issue: «The family issue in women's affairs»</i>	127
Romanova A.S. <i>Sociocultural conditioning of personality self-development</i>	133
Stepanyuk V.K. <i>Perspectives on global deformation modeling of sociobiospheric complex</i> ..	139
Yakhno V.N. <i>Informational ethics: current problems and the search for new standards</i>	143

История

УДК 94(476)

Восстановление организационной структуры АН БССР в период эвакуации и первые послевоенные годы

С.А. Жук

В статье рассмотрено восстановление организационной структуры Академии наук БССР. Установлено, что первым научным учреждением, возобновившим работу, стал Институт торфа (1942 г.). Определены основные векторы научно-организационной работы в первые послевоенные годы, включавшие в том числе концентрацию отраслевых институтов в составе академической науки, а также разработку новых прикладных направлений исследований. Кадровая проблема являлась ключевым фактором замедления роста научного потенциала Академии, что, в свою очередь, оказывало негативное влияние на возможности реализации крупных научных проектов. Вместе с тем на процессы, рассматриваемые в статье, значительное влияние оказывал субъективный фактор (позиция ведущих ученых, возможности лоббирования на уровне республиканских органов власти, приоритеты руководства Академии наук и республиканских политических элит).

Ключевые слова: Белорусская Советская Социалистическая Республика, Академия наук, организация науки, управление наукой, Великая Отечественная война, научно-исследовательский институт, социальные и гуманитарные науки, естественные науки, технические науки, сельскохозяйственные науки, научный потенциал.

The article discusses the restoration of the organizational structure of the Academy of Sciences of the BSSR. It is established that the first scientific institution to resume work was the Peat Institute (1942). The main vectors of scientific and organizational work in the first post-war years were determined, including the concentration of branch institutes as part of academic science, as well as the development of new applied research directions. The personnel problem was a key factor in slowing down the growth of the scientific potential of the Academy, which, in turn, had a negative impact on the possibilities of implementing large scientific projects. At the same time, the processes considered in the article were significantly influenced by a subjective factor (the position of leading scientists, the possibilities of lobbying at the level of republican authorities, the priorities of the leadership of the Academy of Sciences and republican political elites).

Keywords: Belarusian Soviet Socialist Republic, Academy of Sciences, organization of science, management of science, the Great Patriotic War, research institute, social and humanitarian sciences, natural sciences, technical sciences, agricultural sciences, scientific potential.

Оптимальная организация науки является ключевым фактором обеспечения устойчивости и стабильности научного прогресса, создания условий для научного поиска, обобщения, систематизации и внедрения результатов изысканий. Советская практика управления научно-технологическим комплексом предполагала создание крупных государственных учреждений, причем центральное место в обеспечении прорывных достижений в области фундаментальных исследований должна была обеспечивать академическая наука. Неслучайно, что в научном и общественно-политическом дискурсе АН СССР зачастую называлась «штабом советской науки». Сходные функции в союзных республиках должны были выполнять республиканские Академии.

В годы Великой Отечественной войны в связи с оккупацией территории БССР и невозможностью организации планомерного процесса эвакуации Академия наук фактически перестала функционировать. Успехи на фронтах оказали определяющее влияние в активизацию деятельности по возобновлению и нормализации работы научных учреждений. Таким образом, восстановительный период в истории академической науки Беларуси является важным с точки зрения анализа поиска эффективных управленческих решений по сохранению и усилению научного потенциала в экстремальных условиях.

В отечественной науке рассматриваемая тематика становилась предметом внимания исследователей. Так, в юбилейной «Академии наук БССР» (1979) в конспективной форме

перечислены даты восстановления отделений и НИИ [1]. Несколько более подробно обстоятельства процесса воссоздания структурных подразделений представлены в монографии Н.В. Токарева «Академия наук Белорусской ССР: годы становления и испытаний (1929–1945)» (1988), которые концептуально повторялись в совместной с В.И. Кузьменко монографии «Политика немецко-фашистских оккупационных властей в отношении научной интеллигенции Беларуси (1941–1944 гг.)» (2008) и книге «Академия наук Белорусской ССР: годы восстановления и развития (1945–1991)» (2016) [2]–[4]. М.В. Глеб и Д.А. Крент в статье «Восстановление Академии наук БССР» (2021) в значительной степени обобщают достижения историографии по этой проблеме [5].

В изданиях, посвященных отдельным НИИ, спорадически предпринимались попытки анализа развития организационных форм. Причем высказываемые позиции не всегда корректно отражают реальные процессы. Наиболее подробно обстоятельства и факторы, катализировавшие и ингибировавшие процесс восстановления Института истории, представлены в издании, приуроченном к 80-летию научного учреждения [6]. В «Институте экономики НАН Беларуси» (2001) тема возобновления работы в период реэвакуации не освящается, а в одном из первых изданий по истории академических НИИ – «Физико-техническом институте» (1981) процессы его ликвидации в 1938 г. и восстановления в 1947 г. замалчиваются [7], [8]. В книге «Институт философии НАН Беларуси: источник и символ самосознания культуры» (2011), опубликованной к 80-летию учреждения более подробно показан период послевоенного восстановления. Например, упоминается создание самостоятельного сектора философии (1946 г.), который, правда, называется сектором истории философии [9, с. 380]. По-видимому, авторы путают проект его организации в структуре Института истории (июнь 1944 г.) и решения ЦК КП(б)Б по созданию самостоятельного сектора философии (август 1946 г.).

В отечественной науке сложилось мнение, что процесс восстановления Академии наук проходил достаточно успешно несмотря на некоторые некритичные затруднения. Вместе с тем в связи с недостаточным использованием документальных источников не в полной мере установлено влияние субъективного фактора в условиях возобновления работы учреждений.

Таким образом, целью статьи является определение характерных черт восстановления организационной структуры АН БССР. Хронологические рамки статьи ограничены 1942 г. (возобновление работы органов управления первых НИИ) и 1947 г. (завершение восстановления организационной структуры Академии наук, существовавшей до Великой Отечественной войны).

В связи с невозможностью проведения организованной эвакуации работа Академии наук как единого научного подразделения была приостановлена. Только в начале 1942 г. начинают предприниматься попытки возрождения институциональных форм научной работы и деятельности органов управления. В январе 1942 г. в столице Узбекской ССР проходит заседание Президиума, на котором по предварительному согласованию с республиканским ЦК принято решение о проведении Сессии общего собрания (состоялась 12–13 марта в г. Казань) [10], [11], на которой отдельными руководящими работниками (В.И. Шемпель, К.В. Горев, Якуб Колас) осторожно высказывались мнения о необходимости скорейшего восстановления организационной структуры.

Несмотря на трудности весной 1942 г. ЦК КП(б)Б и СНК БССР утверждены штаты Академии (80 человек), а в ноябре того же года бюро ЦК принимается постановление «О возобновлении работы Института торфа Академии наук БССР», который предполагалось разместить на базе лаборатории Института торфяной промышленности (Москва) и полузаводских установок опытной станции (станция Редькино Калининской области) [12, л. 279]. Восстановление института стало возможным в связи с тем, что большинство ведущих специалистов в области торфопедологии (члены-корреспонденты И.Г. Блох, В.Г. Горячкин, В.Е. Раковский) на постоянной основе работали на территории РСФСР.

В связи с недостатком кадровых и материально-технических ресурсов процесс открытия НИИ шел гораздо медленнее, чем рассчитывало руководство Академии наук и БССР. Положительные тенденции стали намечаться только в 1943 г. после размещения АН БССР в Москве в помещениях бывшей разведшколы БШПД [2, л. 225]. В течение 1943 г. удалось восстановить три Отделения: общественных (группы истории, экономики, литературы), технических (Институт торфа (директор член-корреспондент В.Е. Раковский), самостоятельные лаборатории физикохимии коллоидов (академик С.М. Липатов), кинетики и катализа (академик

Б.В. Ерофеев), технической физики (академик Н.С. Акулов) и естественных и сельскохозяйственных наук (Институт социалистического сельского хозяйства, группы геологии, мелиорации, водохозяйствования и метеорологии) [1, с. 53, 54]. Научно-исследовательская работа начала возобновляться в основном на базе профильных групп, которые должны были стать базой для воссоздания исследовательских институтов. Кроме того, в целях увековечивания памяти о народном поэте БССР академике Янке Купале в марте 1944 г. Президиумом принято решение о создании музея, директором которого назначена жена покойного В.Ф. Луцевич.

30 мая президент К. В. Горев предложил реорганизовать группу литературы в Институт литературы и языка белорусского народа [13, л. 16], [14, л. 9]. Однако уже спустя несколько недель учреждение, несмотря на отсутствие соответствующих решений на республиканском уровне, начало именоваться Институтом литературы, языка и искусства. Более сложной являлась проблема восстановления Института химии. В конце 1943 – начале 1944 гг. на повестку дня ставился вопрос о принятии этого решения. Однако Отделение технических наук критично относилось к нему, считая, что распыленность лабораторий по разным научным учреждениям и вузам не позволит дирекции эффективно контролировать НИР. К.В. Горев, О.К. Кедров-Зихман, А.Р. Жебрак высказались о необходимости его восстановления, их поддержал и Н.Ф. Ермоленко [13, л. 18], [14, л. 13]. Б.В. Ерофеев артикулировал более осторожную позицию и предложил для начала создать специальную комиссию. Решение о возрождении Института было принято в составе лабораторий физикохимии коллоидов и кинетики и катализа (директор Б.В. Ерофеев) [13, л. 19].

Многочисленные инициативы ученых-медиков, объединенных не позднее весны 1944 г. в группу медицины («ярославская группа медиков»), способствовали активизации работы по воссозданию профильного института. В июне 1944 г. Президиум принял решение о восстановлении Института теоретической и клинической медицины с уменьшенным штатом в 15 единиц (планировалось 24) [13, л. 18]. Произошли трансформации и в Отделении естественных и сельскохозяйственных наук. Напротив, решением Президиума, принятым без обсуждения, в состав ИССХ были переданы группы мелиорации, геологии и метеорологии [14, л. 13].

На повестке дня стояла реорганизация группы истории в Институт. С этим предложением на заседании Президиума 16 июня 1944 г. выступил Н.М. Никольский, которое получило поддержку К.В. Горева и О.К. Кедрова-Зихмана. Кроме того, в порядке обсуждения президентом АН БССР была высказана идея о целесообразности организации сектора философии с целью «изучения истории отдельных философских течений и взглядов выдающихся людей БССР, а в дальнейшем для разработки теоретических вопросов в области марксистско-ленинской философии» [6]. Однако в связи с недостатком кадров реализована она не была.

Все названные решения получили поддержку со стороны ЦК КП(б)Б: утверждены штатные расписания и директора, а планы НИР предлагалось предоставить в месячный срок в ЦК для утверждения [6], [15, с. 11, 12]. В прениях по постановлению П.К. Пономаренко, соглашаясь с необходимостью восстановления институтов, резонно акцентировал внимание на перспективы заполнения штатов квалифицированными работниками [15, л. 47]. Постановления о восстановлении Институтов химии и теоретической и клинической медицины были приняты СНК БССР в начале июля 1944 г. Возобновление работы научных учреждений в период начала реэвакуации имело важное имиджевое значение и позволило расширить штаты НИУ, увеличить финансирование, создать возможности для кадрового роста.

В целом подготовка реэвакуации и ее начало катализировали процесс восстановления организационной структуры. По мере оценки ситуации в Минске становились более ясными перспективы скорейшего возрождения работы по разным направлениям. Так, торфогидролизный завод, бывший до войны основной экспериментальной базой Института торфа, находился в состоянии непригодном для эксплуатации [16]. Опытная сельскохозяйственная станция «Устье» несмотря на значительные разрушения в сентябре включена в состав ИССХ, а с 1945 г. на ней была запущена работа опытных полей [13, л. 34]. 14 сентября 1944 г. Президиум принял решение о восстановлении Ботанического сада [13, л. 37]. Следует отметить, что Сад продолжал работать в период оккупации, война пощадила часть оранжерей и вегетационных павильонов, что позволило сохранить ценные коллекции флоры и часть опытной и лабораторной базы.

31 октября 1944 г. директивными органами приняты решения по ускорению восстановления работы научного учреждения, согласно которым возобновлялась работа Академии в составе трех отделений [17, л. 35]: общественных (Институты истории и экономики, литера-

туры, языка и искусства), технических (Институты химии, торфа, физико-техническая лаборатория), естественных и сельскохозяйственных наук (Институт социалистического сельского хозяйства (с опытной станцией «Устье»), теоретической и клинической медицины, геологических наук, водно-хозяйственная группа, Ботанический сад). Кроме того, воссозданы Фундаментальная библиотека и издательство. Решения о возрождении Института экономики (организован на базе одноименного сектора и лаборатории члена-корреспондента А.Н. Лозового), геологических наук (создан на базе группы геологии Института социалистического сельского хозяйства), физико-технической лаборатории, водно-хозяйственной группы были приняты на республиканском уровне без решений Президиума Академии наук и конституировали сложившееся положение. Например, в докладной записке на имя секретаря ЦК КП(б)Б по идеологии М.Т. Иовчука (январь 1949 г.) отмечалось, что «Институт экономики восстановлен в 1944 г., но работать начал только в 1946 г.» [18, л. 29], [19, л. 3, 4].

К осени 1944 г. Академия наук смогла практически полностью восстановить свою организационную структуру по состоянию на июнь 1941 г. за исключением Института биологии, функции которого на себя взял Ботанический сад. Вместо ликвидированного в 1938 г. Физико-технического института (ФТИ) организована профильная лаборатория. Остро стоял вопрос о создании исследовательского учреждения философского профиля. Однако, несмотря на очевидные успехи в деле восстановления НИИ, говорить о возможностях для проведения крупных НИР не приходится. Академия наук до конца 1945 г. продолжила активно эвакуироваться, в Минске на это время надлежащих опытно-экспериментальных, материально-бытовых и финансово-технических условий не имелось.

В течение 1944 – начале 1946 гг. вырабатывается консолидированная позиция директивных органов власти и Президиума по перспективам восстановления Академии наук. Предполагалось реализовать стратегию ускоренного возобновления работы НИИ, которая не всегда релевантно отражала объективную реальность. Основными ее векторами стали уточнение профиля академических организаций и расширение их организационной структуры; восстановление НИИ, существовавших до войны; создание новых исследовательских учреждений по приоритетным направлениям развития науки и для содействия восстановлению «критических» секторов экономики; концентрация в Академии наук учреждений отраслевой науки.

Так, в контексте курса институционализации новых направлений в ноябре 1944 г. по инициативе профессора С.В. Гродзовского создан сектор архитектуры и строительства, на базе которого в середине в 1957 г. будет создан Институт строительства и архитектуры [13, л. 47]. В 1945–1946 гг. предпринята попытка организации сектора железочугунного литья и железочугунных конструкций. Однако по причине невозможности укомплектовать штат он был ликвидирован, а освободившиеся единицы переданы Физико-техническому сектору, созданному в апреле 1946 г. на базе одноименной лаборатории. Среди новых научных учреждений, которые предполагалось создать в первые послевоенные годы согласно различным проектам и планам, назывались Институты животноводства, механизации сельского хозяйства, энергетики, архитектуры, строительства и строительных материалов. Кроме того, систематически поднимался вопрос о передаче в академическое подчинение Белорусской научно-исследовательской станции механизации и электрификации сельского хозяйства и Белорусского института мелиорации и болотного хозяйства.

Для выполнения задачи по восстановлению сети НИИ, функционировавших до Великой Отечественной войны, было необходимо организовать Институты биологии, философии и права, а также Физико-технический институт. Процесс повторного создания Физико-технического института ускорился летом 1946 г. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР «О мерах неотложной помощи Академии наук БССР» (17 июня 1946 г.) и расширенным вариантом, принятым на республиканском уровне 3 августа, Государственная штатная комиссия должна была утвердить штаты в количестве 53 человек [20, с. 1–4]. Видимо, идея принадлежала К.В. Гореву, которую он лоббировал. Вместе с тем развитие исследований в области физико-математических наук являлось важной задачей Академии, что, в свою очередь, требовало укрепление кадрового потенциала. Научно-организационная работа несколько ускорилась в мае 1947 г. после назначения К.В. Горева директором НИИ [21, л. 23]. Таким образом, все формальные процедуры восстановления Физтеха завершились не позднее декабря 1946 г., а с 1947 г. финансового года он вошел в состав действующих институтов АН БССР.

В 1946 г. активизировалась работа по восстановлению Института биологии, что было связано как с институциональными факторами (Ботанический сад имел статус сектора), так и с необходимостью развития исследований в области ботаники, зоологии, вирусологии и микробиологии. Упомянутое постановление «О мерах неотложной помощи Академии наук Белорусской ССР» восстанавливало научное учреждение в составе 51 штатной единицы [10, л. 1об]. В его структуру вошли отделы экспериментальной эволюции, зоологии, физиологии растений и Ботанический сад, получивший статус отдела. Практически весь 1947 г. велась научно-организационная работа, разграничивались зоны ответственности с ИССХ, развернулось строительство новых оранжерей. Важным фактором в работе Института биологии стали последствия августовской (1947 г.) сессии ВАСХНИЛ, что привело как к кадровым перестановкам, так и к изменению планов НИР [22].

В течение 1944–1945 гг. предпринимались попытки восстановить институт философского профиля, в том числе с помощью привлечения специалистов из Москвы. Так, в 1945 г. было получено согласие заместителя начальника управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М.Т. Иовчука на избрание действительным членом Академии [23]. Однако по причине отмены выборов весной 1945 г. проект был отложен. В 1946 г. руководством Академии наук вновь приняты попытки создания профильного НИИ. 30 июля бюро ЦК рассматривало вопрос о создании сектора философии [24, л. 21]. Положительному решению воспрепятствовала дискуссия о кадрах. По предложению председательствовавшего секретаря ЦК КП(б)Б В.Н. Малина принятие постановления отложили до согласования кандидатур работников сектора всеми заинтересованными учреждениями [24]. 6 августа со второй попытки постановление «О секторе философии при Академии наук БССР» принято. Согласно ему предписывалось в месячный срок разработать и предоставить в ЦК перспективные планы работы на 1946–1950 гг., Президиуму поручалось «вовлечь в работу в секторе всех имеющихся в этой области специалистов» [25, л. 58].

Только в 1947 г. благодаря активной работе главного ученого секретаря И.Н. Лущицкого и секретаря ЦК КП(б)Б по идеологии М.Т. Иовчука активизировалась организационная работа. 21 января постановление Совета Министров БССР «О восстановлении сектора философии Академии наук Белорусской ССР», принятое по инициативе К.В. Горева и И.Н. Лущицкого, оформило решение партийной власти [26, л. 1–5]. Ситуация начала меняться после назначения в 1947 г. на должность секретаря ЦК КП(б)Б по идеологии М.Т. Иовчука. 25 марта 1947 г. Совет Министров БССР во изменение январского решения принял постановление «О восстановлении Института философии и права Академии наук БССР» [26, л. 7]. Формулировка подчеркивала историческую преемственность институциональных форм организации философских исследований в Академии наук. Уже 23 апреля совместное постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР утвердило решение республиканских органов власти, а 25 июня Государственной штатной комиссией принято штатное расписание, подготовленное Президиумом АН БССР [26, л. 14].

Таким образом, до 1947 г. Академии наук удалось в полном объеме восстановить организационную структуру, существовавшую к началу 1940-х гг. Кроме того, возобновили свою деятельность Физико-технический институт и Институт философии и права, ликвидированные в 1938 г. Начало работы по концентрации кадров, создание условий для проведения НИР, запуск работы управленческих структур, прежде всего, в заключительный, московский период эвакуации создали условия для исследовательской работы в институциональных формах. Значительное негативное влияние оказал фактор неорганизованной эвакуации, вследствие чего небольшие научные силы оказались без собственных производственных площадей, опытно-экспериментальных площадок, лабораторного оборудования.

Определяющую роль в динамике процессов сыграли политико-программные установки политических элит по скорейшему созданию образа успешной работы, что на системном уровне использовалось в пропагандистской деятельности. Таким образом, с точки зрения имиджевой стратегии такой подход являлся достаточно результативным. Вместе с тем в условиях советской бюрократической модели принятие решений о работе НИИ позволяло расширять штаты, получать дополнительное государственное финансирование, что создавало условия для дальнейшего развития. Наиболее целесообразным с точки зрения научного потенциала виделось восстановление институтов гуманитарного профиля, которые смогли в кратчайшие сроки укрепить свой кадровый потенциал.

Системное влияние на динамику научно-организационной работы оказывала кадровая проблема. Нехватка квалифицированных исследователей, способных к управлению научными коллективами, не позволяла равномерно развивать различные направления исследований. Что касается естественных и технических наук, то необходимо учитывать обеспеченность производственными площадями и лабораторным оборудованием. Вместе с тем на рассматриваемый в статье процесс значительное влияние оказывал субъективный фактор (позиция ведущих ученых, возможности лоббирования, приоритеты руководства Академии наук и республиканских политических элит).

Таким образом, была создана организационная среда для роста научного потенциала в области общественных, сельскохозяйственных, а также отдельных естественных и технических наук.

Литература

1. Академия наук БССР / Н. А. Борисевич [и др.] ; под ред. Н. А. Борисевича. – Минск : Беларус. сов. энцикл. 1979. – 598 с.
2. Токарев, Н. В. Академия наук Белорусской ССР : годы становления и испытаний (1929–1945) / Н. В. Токарев – Минск : Наука и техника, 1988. – 264 с.
3. Кузьменко, В. И. Политика немецко-фашистских оккупационных властей в отношении научной интеллигенции Беларуси (1941–1944 гг.) / В. И. Кузьменко, Н. В. Токарев. – Минск : Беларус. наука, 2008. – 132 с.
4. Токарев, Н. В. Академия наук Белорусской ССР : годы восстановления и развития (1945–1991) / Н. В. Токарев. – Минск : Беларус. навука, 2016. – 247 с.
5. Глеб, М. В. Восстановление Академии наук БССР / М. В. Глеб, Д. А. Крент // Наука и инновации. – 2021. – № 6. – С. 12–16.
6. Институт истории НАН Беларуси, 1929–2009 / А. А. Коваленя (рук.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2009. – 627 с.
7. Институт экономики Национальной академии наук Беларуси: (к 70-летию создания). 1931–2001 / П. Г. Никитенко, В. С. Фатеев, О. С. Булко [и др.] ; под ред. П. Г. Никитенко и В. С. Фатеева. – Минск : Право и экономика, 2001. – 168 с.
8. Физико-технический институт АН БССР : к 50-летию со дня образования / Н. И. Галенчик. – Минск : Наука и техника, 1981. – 190 с.
9. Институт философии НАН Беларуси : источник и символ самосознания культуры / А. А. Лазаревич (рук.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 380 с.
10. Материалы мартовской сессии Академии наук Белорусской Советской Социалистической Республики : (12–13 марта 1942 г.) : город Казань : сборник / Академия наук БССР. – М. : Молодая гвардия, 1942. – 126 с.
11. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). – Ф. 1. Д. 80. Л. 85.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 81а. Д. 2. Л. 352.
13. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 504. Л. 166.
14. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 96. Л. 91.
15. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 48. Л. 183.
16. Токарев, Н. В. Ущерб, нанесенный захватчиками материальной базе Академии наук БССР / Н. В. Токарев // Наука и инновации. – 2015. – № 5. – С. 23–29.
17. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 72. Л. 245.
18. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 196. Л. 29.
19. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 92. Л. 274.
20. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 533. Л. 327.
21. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 151. Л. 162.
22. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 505. Т. 2. Л. 233.
23. ЦНА НАНБ. – Ф. 2. Личное дело Михаила Трифионовича Иовчука. Л. 19.
24. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 300. Л. 21.
25. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 304. Л. 58.
26. ЦНА НАНБ. – Ф. 12. Д. 13. Л. 14.

Переход от монастырских, соборных и частных школ к средневековым европейским университетам

О.Б. КЕЛЛЕР

Новая статья профессора О.Б. Келлер посвящена одному из важнейших процессов в сфере образования средневековой Европы, берущему свои истоки ещё в XII в., а именно: процессу перехода от монастырских, соборных и частных школ к более высоким ступеням образования – университетам. В качестве отдельных аспектов данного процесса рассматриваются предпосылки перехода от школ к университетам, а также анализируются мотивы образования / появления новых средневековых высших школ в Европе. Наряду с этим автор данной статьи уделяет определённое внимание рассмотрению следующих моментов: «лицензий на преподавание», критериев для поступления, уровня знаний новичков в университетах и др.

Ключевые слова: Монастырские школы, соборные школы, частные школы, лицензия на преподавание, мотивы появления / образования, термины и понятия, критерии для поступления, уровень знаний новичков в университетах, имматрикуляция, реестр зачисленных в университет.

A new article by Professor O.B. Keller is devoted to one of the most important processes in the field of education of medieval Europe, which originated in the XII century, namely: the process of transition from monastic, cathedral and private schools to higher levels of education, i.e. universities. As separate aspects of this process, the prerequisites for the transition from schools to universities are considered, and the motives of education / the emergence of new medieval higher schools in Europe are analyzed. Along with this, the author of this article pays some attention to the consideration of the following points: «teaching licenses», criteria for admission, the level of knowledge of beginners in universities, etc.

Keywords: monastic schools, cathedral schools, private schools, teaching license, motives of appearance / education, terms and concepts, criteria for admission, the level of knowledge of beginners in universities, immatriculation, register of university enrollees.

Прежде всего хотелось бы отметить тот факт, что в рассматриваемый период времени церковь продолжала сохранять свою монополию на обучение; разрешалось преподавать только обладателям «лицензии на преподавание» («*licentia docendi*»), выданной церковными властями. Для получения этой самой «лицензии на преподавание» («*licentia docendi*») все кандидаты должны были, в первую очередь, пройти процедуру проверки способностей, затем обязательно принять клятву повиновения (произнести определённую формулу клятвы), и, наконец, им следовало уплатить определённый гонорар, вне всякого сомнения, являвшийся желанным источником дохода средневековой европейской духовной элиты [1, s. 96].

В 1179 г. своё влияние на данный процесс оказало папство, а именно: на Третьем Латеранском Соборе¹ было принято новое постановление, согласно которому всем квалифицированным кандидатам был гарантирован свободный доступ к преподаванию, причём степень компетентности кандидатов надлежало оценивать исключительно философам-схоластам². При Соборах, а также при других храмах и монастырях надлежало организовать бесплатные школы для клириков и «бедных школяров» («*scholares pauperes*»). Главе школы – магистру – предписывалось выделить особую пребенду. Согласно 3 канону III Латеранского Собора устанавливались требования к кандидатам на церковные должности: зрелый возраст, а именно: не менее 30 лет для епископа и 25 лет для любого иного поста, связанного с пастырскими обязанностями, серьёзный характер («*morum gravitas*») и образование («*scientia litterarum*»), в том числе знание обязательное владение латынью. Согласно 18 канону III Латеранского Собора запрещалось брать плату за «разрешение на преподавание» («*licentia docendi*»), а также препятствовать достойным кандидатам, имеющим такое право, вести преподавательскую деятельность. Тем не

¹III Латеранский Собор (или XI Вселенский Собор в традиции римско-католической церкви) был созван в марте 1179 г. римским папой Александром III – О.К.

²Схоластика – это направление средневековой систематической философии в Европе, представляющей собой синтез христианского (католического) богословия и философии Аристотеля – О.К.

менее, несмотря на эту попытку центрально урегулировать данный вопрос о бесплатном предоставлении «лицензии на преподавание» («*licentia docendi*») со стороны высшей власти, «разрешение на преподавание» снова и снова становилось предметом спора между местными церковными властями и преподающими (преподавателями, магистрами, учителями) [2], [3], [4].

С течением времени во многих европейских странах увеличилось количество желающих обучаться в школах при Соборах. Приток мечтавших обучаться у конкретных известных учителей, например, во Франции, вырос до такой степени, что зачастую ведение обычного упорядоченного школьного процесса (процесса обучения) становилось уже невозможным. Безусловно, вышеупомянутый приток стольких уверенных в себе молодых людей из разных стран, в большинстве своём сыновей аристократов, имевших оружие, принёс с собой социальные и материальные проблемы. К этому добавился изменившийся статус учителей: в то время как ранее здесь преподавали постоянно оплачиваемые священнослужители, теперь это в большинстве своём были бесплатные учителя, которые селились в школах (зачастую лишь временно) и преподавали за плату; им приходилось прилагать усилия для привлечения студентов, а также полемизировать с конкурентами-коллегами. В качестве прототипа таких учителей можно назвать Пьера Абеляра³. Однако, как бы продуктивно не превалировал в интеллектуальной жизни того времени интерес к интеллектуальному познанию мира со всевозможными инновационными подходами, внешние обстоятельства зачастую выглядели беспорядочно и даже хаотично. Возможно, именно эти моменты и породили новые упорядоченные формы организации и способствовали появлению университетов [1, s. 97].

В качестве первых значимых университетов нового типа в Европе, пожалуй, нужно отметить такие пять, как: 1) первый «магистерский университет» в Париже (Франция); 2) первый «студенческий» университет в Болонье (Италия); 3) первый «государственный» университет в Неаполе (Италия); 4) первая «высшая медицинская школа» в Салерно (Италия) и 5) первый «имперский» университет в Праге (Чехия).

Некоторые учёные и исследователи уделили своё внимание рассмотрению мотивов образования / появления этих новых «высших школ».

Так, один немецкий исследователь середины XX в. Герберт Грундман в качестве «первичных и конструктивных для происхождения и сущности университетов, как совершенно новых образований в сообществе», не видел «ни потребностей в профессиональном обучении, ни государственных, ни церковных или социально-экономических импульсов или мотивов»; а видел скорее «эрудированный, научный интерес, а также желание знать и познавать» («*Primär aber und konstruktiv, wahrhaft grundlegend und richtungsweisend für Ursprung und Wesen der Universitäten als ganz neuartiger Gemeinschaftsbildungen, Lehr- und Lernstätten sind weder die Bedürfniss der Berufsausbildung oder der Allgemeinbildung noch staatliche, kirchliche oder sozialökonomische Impulse und Motive, sondern – kurz gesagt – das gelehrte, wissenschaftliche Interesse, das Wissen- und Erkennen-Wollen*») [5, s. 39].

Другой немецкий учёный середины XX в. Петер Классен считал, что «свою важную, значимую роль в данном процессе сыграло тесное взаимодействие между научными и практическими интересами, особенно среди юристов, а также среди богословов» [6, s. 156].

Для обоснования обеих точек зрения, безусловно, можно найти ссылки в источниках.

Так, Гуго Сен-Викторский⁴ в своём знаменитом сочинении XII в. «Дидаскаликоне, или Семь книг назидательного обучения» («*Didascalicon*») писал: «Изучай всё, позже ты увидишь, что нет ничего лишнего. Ограниченная наука не радуется» [7, buch IV, kap. 3, s. 182].

А Бернард Шартрский⁵ в своём стихотворении поэтически описал ключ к мудрости: «Смирение в уме, ревностные исследования, спокойная жизнь; Молча и упорно познавая и прозябая в бедности, находясь далеко за границей; Многие были склонны открывать то, что было неизвестно в ходе процесса изучения», затем процитировал только что упомянутого Гуго Сен-Викторского [7, buch III, kap. 13, s. 155–156].

³Пьер Абеляр (годы жизни: 1079–21.04.1142) – средневековый французский философ-схоласт, теолог, поэт и музыкант, а также один из основоположников и представителей доктрины под названием «концептуализм» – О.К.

⁴Гуго Сен-Викторский (годы жизни: 1096–1141) – средневековый французский философ-схоластик, богослов, писатель, педагог – О.К.

⁵Бернард Шартрский (годы жизни: 1070/1080 – ок. 1130) – средневековый французский философ-платоник, представитель шартрской философской школы.

Гуго Сен-Викторский (знаток парижских реалий) прокомментировал стихи Бернарда Шартрского следующим образом: «Что смогут сказать об этом студенты нашего времени, которые не только презирают лишения в учёбе, но даже стремятся казаться еще богаче, чем они есть на самом деле? Вы хвастаетесь не тем, что вы узнали, а тем, что вы потратили! Но, может быть, они просто хотят подражать своим учителям? Я не знаю, что о них сказать...» [7, buch III, cap. 18, s. 172].

Французский богослов, поэт и общественный деятель XII в. Пьер де Блуа (годы жизни: ок. 1135 – ок. 1211), изучавший помимо прочих мест юриспруденцию в Болонье, позже писал в одном из писем, вспоминая: «Есть две вещи, которые толкают человека к юриспруденции: охота за должностями и тщеславная жажда славы» [1, s. 98].

Сохранились также старые студенческие письма и других болонских студентов, которые раскрывают, чего именно ожидали их семьи от юридического образования сыновей: 1) славы и престижа; 2) материальных преимуществ.

В общем, надо понимать, что речь шла о синтезе мотивов и целей, которые так метко охарактеризовал в своей научной статье, изданной в 1966 г., немецкий исследователь Петер Классен: «Жажда знаний и стремление к социальному прогрессу сочетаются: культура двора, культура бюргеров и культура учёного круга пронизывают друг друга настолько, что сперва заполняют школы, а после способствуют образованию университетов» [6].

Теперь о терминах и понятиях. Изначально для нового учреждения не было определённого, конкретного, фиксированного названия. Название **«studium generale»** подчёркивало широту тематики, а также надрегиональность новой инстанции, переходящей границы статуса и происхождения. В период Средневековья для характеристики ассоциаций лиц различного рода в смысле корпораций, кооперативов или объединений (к примеру, если речь шла о духовенстве епархии, о крестьянах деревень или о мастерах цехов / гильдий) обычно использовалось название **«universitas»**. Теперь был основан и «кооператив магистров» (**«universitas magistrorum»**), из которого берут свои истоки, во-первых, Парижский классический университетский тип **«universitas magistrorum et scholarium»**, как сообщество преподавателей и студентов, а, во-вторых, альтернативный тип – Болоньский – **«universitas scholarium»**, в котором только студенты являются членами корпорации. Неоднократно выдвигаемое исследователями использования в этой связи термина **«universitas litterarum»**, подразумевающего «совокупности наук», с современной точки зрения учёных, релевантным считать нельзя [1, s. 97].

Если сегодня «школьник» и «студент» чётко дефинируемые понятия, то мы можем смело утверждать, что о подобной дефиниции в Средние века касательно терминов **«scholaris»** или **«studens»** не могло быть и речи. Переход между школой и университетом был плавным. Уже среди посетителей монастырских, соборных и коллегиальных школ мы говорим о «студентах» и «учёбе», так как там обучалась не только молодёжь, чтобы изучать «элементарные искусства» (**«artes»**), но и молодые люди, изучающие теологию (богословие).

Великие магистры, такие как Пьер Абеляр, можно сказать, уже «читали лекции» своим «слушателям». Ну а новые «высшие школы», университеты, практически не предъявляли специальных требований к поступлению или допуску. Единственными само собой разумеющимися требованиями были крещение по-христиански и законнорожденность человека; даже минимальный возраст был в то время не важен. Кстати, действительно ли молодой абитуриент был способен учиться, решало не университетское учреждение; решение на этот счёт принимали исключительно преподаватели университета [1, s. 117].

Каждый новичок должен был найти магистра, к кругу которого он присоединялся: в основном, это и был решающий критерий для поступления. Уже в первые годы существования Парижского университета действовал принцип, что **«никто не является парижским студентом, пока у него нет постоянного учителя»** (**«nullus sit scholaris Parisius, qui certum magistrum non habeat»**). Сообщество образованных, сформированное вокруг учителя (**«schola, familia»**), составляло ядро университетской жизни; студенты, которые часто были ещё молодыми студентами, с одной стороны, находились под защитой, а, с другой, подчинялись дисциплине своего магистра. «В принципе, университет можно понимать как сумму магистерских семей или магистерских школ», – полагает современный исследователь XXI в. Райнер Кристоф Швингес [8]. Тогда вполне понятно, почему почти на всех без исключения изображениях периода Средневековья мы видим читающего или рассказывающего что-либо магистра в кругу его учеников. Центральное / главное здание, как символ высшей школы, встречается уже в период Нового времени.

Таким образом, специальное школьное образование не требовалось, хотя в период Позднего Средневековья – особенно в городах – помимо духовных всё чаще появлялись школы бюргеров, расширявшие возможности школьного образования и подготавливавшие к поступлению в университет. Уровень знаний новичков отличался. Стандартные установки по поводу «вступительной квалификации в университет» тогда тоже отсутствовали. Если магистры замечали у молодых людей слишком большие пробелы в знаниях, то они сами предлагали будущим студентам частные уроки за дополнительную плату, особенно если необходимо было «подтянуть» уровень их знаний по латинскому языку. Безусловно, нельзя не отметить, что некоторая институционализация имела место постольку, поскольку вскоре наряду с «факультетами искусства» появилась «педагогика» (**«paedagogia»**), где преподавались недостающие базовые знания. Однако эту задачу часто брали на себя и городские школы изучения латинского языка, которые в некоторых городах контролировались университетами и преподаватели которых, в большинстве своём, сами часто принадлежали к самому университету. В целом, обычные школы (в нашем современном смысле этого слова) «по-видимому, были нормальной основой для посещения высших школ, начиная с XIV в.» [8].

Хотя почти каждый мог посещать университет без предварительных условий, для окончательного присоединения к **«universitas»** был необходим формальный правовой акт: зачисление ректором или имматрикуляция, которое должно было произойти в течение определённого периода (обычно в течение первого месяца). Примерно с конца XIV в. налицо «реестры зачисленных в университет» («*Matrikel*»), представляющие собой одну из наиболее важных групп для изучения университетской истории в Европе в Средние века [9]. Перед внесением данных в «реестр зачисленных в университет» поступающий должен был принести присягу («*iuramentum*»). В итоге можно утверждать, что каждый университет представлял собой конкретную ассоциацию с элементами клятвы точно так, как, к примеру, гильдии ремесленников или гильдии торговцев. Во время торжественного акта студент либо вкладывал руки в руки ректора, либо держался пальцами за листки «реестра о зачислении» («*Matrikel*»). Кстати, интересно, что рукопожатие вновь зачисленных студентов ректором в некоторых университетах существовало вплоть до 60-х гг. XX в.

Остальным аспектам новых университетов будет посвящена специальная статья.

Таким образом, проанализировав предпосылки процесса перехода от монастырских, соборных, коллегияльных и частных школ к учреждениям нового типа – университетам, и затронув некоторые моменты этого процесса, можем сделать следующие выводы:

- во-первых, данный процесс уходит корнями в XII в. Именно тогда мы можем увидеть начало перехода от монастырских, частных либо соборных школ к новым структурам / общностям, получившим впоследствии название «университеты»;
- во-вторых, данный процесс перехода был неизбежен по причине стремления молодых людей познавать новое (в его более сложной интерпретации);
- в-третьих, особой необходимости иметь какое-то специальное школьное образование тому, кто хотел стать слушателем этих самых новых структур / общностей в виде первых университетов, не было. В качестве само собой разумеющихся критериев выступали законнорожденность, крещение по христианскому обычаю плюс приверженность молодого человека к кругу конкретного учителя (мастера);
- в-четвёртых, несмотря на то, что любой интересующийся мог слушать лекции учителя (мастера) без выполнения дополнительных условий, тем не менее для фиксации определённой принадлежности к новой структуре / общности следовало зачислиться (иными словами, имматрикулироваться) в данную высшую школу официально;
- в-пятых, уровень знаний новичков варьировал, однако, если учитель (мастер) видел в нём отсутствие должных знаний, то стараясь помочь ему, предлагал дополнительные занятия за соответствующую плату. В большинстве своём это касалось пробелов знаний в области латинского языка;
- и, наконец, в-шестых, акт зачисления ректором (имматрикуляции) новичка в новую, высшую школу проходил, как правило, в течение месяца после зачисления и представлял собой торжественную церемонию, в ходе которой поступающий приносил присягу.

Литература

1. Nonn, U. Mönche, Schreiber und Gelehrte : Bildung und Wissenschaft im Mittelalter / U. Nonn. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2012. – 200 s.
2. Secundus tomus consiliorum tam generalium quam patricularium. – Coloniae : Agippinae, 1551.
3. Blumenthal, U.-R. Das Dritte Laterankonzil, seine Beschlüsse und die Rechtspraxis / U.-R. Blumenthal // Die Ordnung der Kommunikation und die Kommunikation der Ordnungen. – Bd. 2 : Zentralität : Papsttum und Orden in Europa des 12. und 13. Jh. / Hrsg. von Cristina Andenna. – Stuttgart : Steiner, 2013. – 331 s.
4. Summerlin, D. The Reception and Authority of Conciliar Canons in the Later-Twelfth Cent. : Alexander III's 1179 Lateran Canons and Their Manuscript Context / D. Summerlin // ZSRG. K. 2014. – Bd. 100. – S. 112–131.
5. Grundmann, H. Vom Ursprung der Universität im Mittelalter. 2., mit einem Nachtrag versehene Auflage / H. Grundmann. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976. – 68 s.
6. Classen, P. Die hohen Schulen und Gesellschaft im 12. Jahrhundert / P. Classen // Archiv für Kulturgeschichte. – 1966. – № 48. – S. 155–180.
7. Didascalicon de studio legend : (el afan por el studio) / Hugo de San Victor. Ed. bilingüe prep. por Carmen Munoz Gamero. – Madrid : Biblioteca de Autores Crisianos (u.a.), 2011. – VIII, 130, 329 s.
8. Schwinges, R. C. Studenten und Gelehrte. Studien zur Sozial- und Kulturgeschichte deutscher Universitäten im Mittelalter / R. C. Schwinges. – Leiden/Boston : Brill, 2008. – XII, 663 s.
9. Hawicks, H. Universitätsmatrikeln im deutschen Südwesten. Bestände, Erschließung und digitale Präsentation. Beiträge zur Tagung am 16. und 17. Mai 2019 im Universitätsarchiv Heidelberg / H. Hawicks, I. Runde. – Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2020. – 434 s.

Деятельность Минского губернского комиссариата по военным делам в 1920 г.

М.К. КЛИМКО

Исследуются основные направления работы Минского губернского комиссариата. Анализируется проведенная мобилизационная, агитационно-пропагандистская работа, мероприятия по допризывной подготовке. Рассматриваются принимаемые меры поощрения и взыскания к сотрудникам военных структур. Указывается на важность подготовки военных кадров. Делается вывод о том, что деятельность Минского губернского комиссариата по военным делам способствовала становлению и укреплению советской власти в Беларуси.

Ключевые слова: Красная Армия, губвоенкомат, мобилизация, агитационно-пропагандистская работа, политико-просветительская работа, помощь семьям красноармейцев, допризывная подготовка, военные кадры.

The main directions of work of the Minsk provincial Commissariat are investigated. The conducted mobilization, agitation and propaganda work, pre-conscription training activities are analyzed. The measures of rewards and sanctions to employees of military structures are being considered. The importance of training military personnel is pointed out. It is concluded that the activities of the Minsk Provincial Commissariat for Military Affairs contributed to the formation and strengthening of the Soviet government in Belarus.

Keywords: the Red Army, provincial military commissariat, mobilization, agitation and propaganda work, political and educational work, help to the families of the Red Army soldiers, pre-conscription training, military personnel.

Введение. Сложная обстановка на освобожденных от польской оккупации в 1920 г. территориях Беларуси – разруха, бандитизм, внешняя агрессия, неграмотность и непросвещенность населения, требовали быстрых и решительных мер по удержанию и укреплению советской власти. Для реализации этих мер лидерами большевиков были привлечены ресурсы и возможности Красной Армии. Так, работа Минского губернского военкомата (Мингубвоенкомат), по прибытии 14.07.1920 г. в г. Минск, была направлена на создание и налаживание связей между окружными, уездными и волостными военкоматами, войсковыми частям. Для проведения агитации и просветительской работы среди красноармейцев и населения в данных войсковых структурах были созданы политико-просветительные отделения, также были задействованы клубы, организованные при войсковых частях. Эффективной формой проведения агитации и политпросветработы стали созданные агитационные тройки. Эта своевременно проведенная Мингубвоенкоматом работа позволила успешно осуществить мобилизацию, создать положительный имидж Красной Армии и укрепить позиции советской власти в Беларуси. Принимаемые в 1920 г. руководством меры поощрения отличившихся бойцов и командиров Красной Армии, развернувшаяся помощь их семьям и агитационно-пропагандистская работа обеспечили перелом настроений в обществе в пользу власти Советов.

В отечественных диссертациях, статьях и монографиях в контексте польско-советской войны П.А. Селивановым исследована деятельность исполкомов Советов, партийных и военных органов по укреплению Красной Армии [1], А.В. Тихомировым раскрыты дипломатические отношения [2], Г.Г. Лазько, А.М. Кротовым, Н.Н. Мезгой освещены политические процессы [3], В.Ф. Гигиным раскрыто становление однопартийной системы [4], С.А. Третьяком уделено внимание национально-демократическим процессам [5], В.В. Даниловичем исследовано участие молодежи в общественно-политическом, социально-экономическом и культурном строительстве Беларуси [6], В.Д. Крюковским проанализирован успешный опыт подготовки командных кадров низшего звена [7], в работах А.Н. Куксы впервые указано на стремление советской системы привлечь студенческую молодежь на свою сторону предоставлением отсрочек от трудовой и воинской повинности, расширением сети высшей школы, посредством которой гарантировалось социальное обеспечение, но при этом учащиеся должны были проходить обязательное военное обучение [8]. Однако вопрос проводимой губернским военным комиссариатом комплексной работы малоисследован. Между тем его изучение позволяет более детально раскрыть роль военных структур в укреплении советской власти в 1920 г. на территории Беларуси.

Основная часть. Второму провозглашению БССР предшествовала большая работа «тройки» по организации советской власти в составе А.Г. Червякова, В.Г. Кнорина и

И.А. Адамовича, которая была создана после того, как «РККА очистила г. Минск от польской шляхты и ее защитников белогвардейских банд» и на всей освобожденной «из-под гнета банд территории» была установлена 11 июля 1920 г. «власть рабочих и крестьян – Власть Советов», Приказ № 1 Минского губернского революционного комитета (Губревком) [9, л. 45]. В условиях продолжавшихся военных действий одно из центральных мест в укреплении позиций советской власти отводилось военному комиссару Минской губернии (Мингубвоенком), члену Губревкома и председателю Минской губернской Комиссии по борьбе с дезертирством И.А. Адамовичу [9, л. 48]. Именно под его умелым руководством в деле проведения мобилизации, поднятия боевого духа красноармейцев и борьбы с дезертирством была выкована победа в становлении и укреплении советской власти в Беларуси. После заключения Рижского мирного договора И.А. Адамович был назначен наркомом военных дел БССР.

Уже 14 июля 1920 г. Минский губернский военный комиссариат приступил к своим обязанностям, которые были изложены в положении о Губернских Военных Комиссариатах, объявленных в приказе РВСР 1919 г. № 106 [10]. Первые дни работы И.А. Адамовича были заполнены вопросами о приеме сотрудников, снаряжении, закупке имущества, графике работы Губвоенкомата, установлении связи с существовавшими окружными и уездными военкоматами, местными учреждениями и войсковыми частями, а также вопросами быстрее формирования новых войсковых частей, уездных и волостных военкоматов.

Исходя из понимания важности учета военнообязанных и всех категорий призывного возраста и в виду предстоящей мобилизации И.А. Адамович подписал 15 июля 1920 г. приказ № 4, в соответствии с которым предлагалось «немедленно приступить к подготовительным работам по восстановлению учета военнообязанных и лошадей и призыву лиц всех категорий призывного возраста» [10, л. 5]. Сразу же И.А. Адамович обращал самое серьезное внимание на политико-просветительскую работу среди красноармейских частей, военных учреждений и местного населения. Учитывая сложные условия для проведения этой работы – только что освобожденные от польской оккупации территории, Приказом № 5 предписывал Политпросветотделу Губвоенкомиссариата установить «тесную и постоянную связь» с партийными организациями и Союзами коммунистической молодежи. Для этого необходимо было организовать «во всех уездах при Военкомиссариатах Чрезвычайные Агитационные Тройки из представителей Уездвоенкомиссариата (Пом. Уездвоенкома), Укомпарта и Союза Коммунистической молодежи» [11, л. 87].

С первых дней работы Мингубвоенкомата было уделено внимание развитию физического воспитания и общей военной подготовки лиц допризывного возраста. Так, § 7 приказа войсковым частям и учреждениям Минского губернского комиссариата по военным делам № 7 от 25.07.1920 г. по Минскому территориальному полковому округу в целях развития физического воспитания и общей военной подготовки лиц допризывного возраста было приказано «всем гражданам мужского пола (а женщинам по желанию), достигшим к 1-му января 1920 г. 16–17 ½ лет, зарегистрироваться в помещении штаба полка, имея при себе документ о времени рождения или удостоверение личности с указанием возраста». Планировалось провести регистрацию в течение трех дней, начиная с 29.07.1920 г. с 10.00 до 22.00. Так же § 8 данного приказа предписывалось всем спортсменам, проживающим в Минске, немедленно явиться для регистрации в штабе полка. Далее «по испытании, спортсмены будут назначены в территориальные части (бывшие всеобщие), расположенные в г. Минске». Должны были немедленно зарегистрироваться все спортивные общества, существующие в Минске, с указанием места расположения и рода общества. За неисполнение настоящего приказа предвиделось привлечение «к законной ответственности» [11, л. 90.]

Проведение дальнейшей массовой мобилизации требовало активизации и агитационно-пропагандистской работы, усиления ответственности за невыполнение приказов и создания соответствующей инфраструктуры. Все это нашло отражение в приказе № 8 от 26.07. 1920 г., в котором § 2 по административно-мобилизационному отделу начинался текстом агитационно-пропагандистского содержания: «Неудержимо движущаяся вперед Красная Армия наносит сокрушительные удары зарвавшейся польской шляхте. Уже гордо развевается над омытой кровью красных героев и освобожденной от кошмарного польского ига Белоруссии алое знамя власти Советов. Израненный зверь в панике бежит в буржуазную Атланту, отвести от панской головы смертельную карающую десницу красного пролетариата России. **Необходимо пополнить ряды славной Красной Армии, соединившись с польским пролетариатом, водрузив Красное Знамя Советов над Варшавой** (М.К. – выделено в тексте приказа). Пролетариату освобожденной Белоруссии необходимо принять активное участие в деле закрепления завоеваний свободы и освобождения пролетариата Польши – пойти в Красную Армию на место убывающих бойцов» [12, л. 12]. Поэтому всем уездным военным комиссариатам губернии бы-

ло приказано начать с 30.07.1920 г. прием на службу добровольцев в Красную Армию, руководствуясь «указаниями и наставлениями, объявленными в приказах Р.В.С.Р. 1920 г. за № 78 и 204», а также в качестве добровольцев принимать «лиц, года коих признаны ранее Советской властью по Минской губернии». Был установлен недельный срок добровольной явки (со дня опубликования на местах настоящего приказа), по истечении которого, не явившиеся «будут считаться злостными дезертирами и с ними будет поступлено по всей строгости законов военного времени» [12, л. 12]. Для того, чтобы население ознакомить с приказом, предписывалось расклеить его на видных местах, на станциях железных дорог и т. п.

Успешному проведению агитационно-пропагандистской работы способствовал Циркуляр № 123 от 28 июля 1920 г. за подписью начальников политико-просветительского отдела губвоенкомата и организационно-осведомительного отдела Минского губполитпросвета о срочной организации «агиттройки». Циркуляр был дополнен Приложением с развернутым планом «Агитационной кампании в связи с предстоящей мобилизацией добровольцев» [13, л. 10]. Согласно данного циркулярного распоряжения одиннадцать уездвоенкоматами была проделана масштабная работа [13, л. 30, 82–83, 89]. Таким образом, уже в первые месяцы работы Мингубвоенкомата была проведена агитационно-пропагандистская и политико-просветительская работа среди красноармейцев, дезертиров и населения Беларуси.

В это время хозяйственная разруха, обнищание жителей Беларуси, сложности со снабжением и обеспечением армии были естественными, но требовали принятия быстрых мер. Так, приказами Мингубвоенкомата, Минуездвоенкомата у населения реквизировались как предметы первой необходимости – «пуговицы бельевые, нитки, иголки, шилья сапожные, ложки, ножи, ушаты ...» (в перечне более 90 предметов), так и обмундирование, снаряжение, оружие [14, л. 138] и средства передвижения – «велосипеды объявляются мобилизованными», изымаются повозки военного типа [11, л. 174, 248].

В такой сложной обстановке губернский военный комиссар И.А. Адамович уделял важное и должное внимание борьбе с неграмотностью. Так, § 20 Приказа № 11 от 30.07.1920 г. всем войсковым частям и учреждениям Мингубкомиссариата был объявлен для сведения и исполнения приказ Западному военному округу от 26 июля 1920 г. № 1672, в котором, в виду «громادного значения ликвидации безграмотности для усиления боевой мощи Красной Армии», предписывалось всех мобилизуемых, возвращающихся из отпуска по болезни или госпиталей и прибывающих в уездвоенкоматы красноармейцев – школьных работников, направлять в распоряжение соответствующих губернских политическо-просветительных отделов «для равномерного распределения в части войск» [11, л. 108]. Дальнейшая работа по ликвидации неграмотности, проводимая Красной Армией совместно с РКП(б), органами народного образования и общественными организациями, позволила БССР в 1930 г. первой из советских республик отчитаться о ликвидации неграмотности.

Одновременно с проведением агитационной работы и борьбой с ликвидацией неграмотности возможностями Красной Армии советская власть понимала значение поддержки семей красноармейцев для укрепления своего авторитета у населения. Так, 25.03.1920 г. принят Декрет СНК «Об оказании хозяйственной помощи семьям красноармейцев», а Инструкцией «опубликованной в Собр. УказСобр. Узак. и Распор. Правит. 1920 г., № 27, ст. 134» эта помощь осуществлялась путем: создания Комиссий; составления списков нуждающихся в помощи красноармейских хозяйств и «учета недостатков»; устранения указанных недостатков «по преимуществу из запасов всех граждан селения» и «обязательной трудовой повинности». Всем отделениям Рабоче-крестьянской Инспекции (РКН), «в виду государственной важности возложенной на Комиссии», циркуляром № 13156 от 12.10.1920 г., предлагалось произвести немедленную ревизию деятельности данных Комиссий [9, л. 129]. В циркуляре № 123 от 28.07.1920 г. уездным тройкам предписывалось принять меры к тому, чтобы через волкомячейки и другими способами следить за удовлетворением интересов семей добровольцев «согласно советского законодательства и «постановления 7 Р.К.П. /Об обработке полей/» [13, л. 10]. В дальнейшем семьи красноармейцев поддерживались денежными выплатами, бесплатными обедами. Так, в акте о пособиях семьям красноармейцев № 848, от 3 августа 1921 г., за подписью члена комдеза РКСБЕЛ, председателя Рабоче-крестьянской инспекции и представителей Наркомсобеза, указывалось, что «по Городскому отделу за февраль месяц подлежало и оказано помощи семьям красноармейцев в количестве 3460 из коих деньгами 1438 семействам в сумме на всех 4 999 697 рублей». Кроме денежного пособия за указанный месяц семьям красноармейцев «роздано 18 000 обедов на 33336 семей и 1040 пудов дров на 500 семейств» [15, л. 237].

Однако проводимая масштабная агитационно-пропагандистская и политико-просветительская работа, оказываемая помощь и материальная поддержка семьям красноармейцев не могли сразу же, одномоментно, укрепить власть большевиков и авторитет Крас-

ной Армии. Тем более, что на местах представителями советской власти не всегда на должном уровне исполнялись обязанности, распоряжения и предписания. Такие нарушения, а также принимаемые меры, были зафиксированы в документах (приказах окружных комиссий по борьбе с дезертирством Западного военного округа (Окркомдезертир), протоколах заседаний Инспекционной комиссии Западного Окркомдезертир). Так, в приказе № 189 Окркомдезертира от 30 июля 1920 г. были «преданы» Суду Реввоентрибунала Запфронта по обвинению в попустительстве к дезертирству: Городокский уездвоенком Котов за систематическое нарушение приказов о предоставлении сведений мобилизованных в Уездсобез, из-за чего значительное количество семей красноармейцев осталось без обеспечения; Председатель Витебского Губкомкрасхозарма за «допущенный им развал» в деле оказания помощи семьям красноармейцев; Председатель Городковского Уездкомкрасхоза за «преступное отношение к делу», в результате чего оказались «не разассигнованными полностью по волости суммы, полученные от собеза еще в прошлом году, организованный Волкомкрасхоз по декрету от 25-го марта» [11, л. 102]. Исполнение данного приказа было возложено на Окркомдезертир.

В целях поднятия воинской дисциплины, борьбы с должностными преступлениями по Военному Ведомству и преступной дезорганизацией тыла, «вносимой всеми шкурниками и предателями – подрывающими строительство Рабоче-Крестьянской Красной Армии» [11, л. 92], при губвоенкомиссариате была выделена судно-следственная часть. В это же время Минский губвоенкомат усилил работу по организации борьбы с дезертирством. Всем уездкомдезертир было приказано немедленно сформировать отряд для ловли дезертиров и бандитов «в количестве не менее 60-ти человек, на коих 15 должно быть конных. Соответствующее количество красноармейцев выделить из каррот или карбат Уездвоенкоматов» [16, л. 21].

Важно отметить, что советской властью принимались и меры поощрения сотрудников за успешно проведенную работу. Так, 16 августа 1920 г. Минским губернским комиссариатом объявлен Приказ по Западному военному округу № 1521, в котором была отмечена выполненная «колоссальная работа по призыву, учету и препровождению бывших офицеров» отделением по командному составу штаба Западного военного округа. Начальника Отделения тов. П.Ф. Лизункова Революционный Военный Совет Западного фронта постановил наградить «за его честную, добросовестную и усердную службу серебряными часами от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов». Занести его имя на Красную доску в штабе округа, а также данный приказ «прочитать и вывесить на видном месте во всех Штабах, управлениях, учреждениях, заведениях и канцеляриях Округа» [11, л. 138].

22 августа 1920 г. Минским губернским комиссариатом по военным делам был объявлен приказ № 46 окружного комиссара Западного военного округа от 22 августа 1920 г., в котором «за проявленную энергию, честную и усиленную работу по организации Минского Губвоенкомиссариата и его отделов и за успешное проведение в пределах Белоруссии в короткий срок мобилизации Комсостава и лиц Административно-Хозяйственной службы» шести военнослужащим Мингубвоенкома была объявлена «от лица службы благодарность» и приказано выдать «в наградном порядке безвозмездно» по одному комплекту обмундирования [11, л. 162]. И в дальнейшем советской властью применялись меры поощрения успехов и достижений сотрудников, так, например, 11 декабря 1920 г. Минским губернским комиссариатом по военным делам был объявлен приказ Западного военного округа № 2505, в котором «целя выдающиеся результаты работы военнослужащих – центральными военными властями награждены особо отличившиеся своею усердной и полезной деятельностью на благо Социалистической Революции» ответственные работники: Минский Губвоенком И.А. Адамович – Революционным Военным Советом Республики награжден золотыми часами; военрук Минского губвоенкома Н.Л. Шестаков награжден окружным военным комиссаром Западного военного округа от имени РВСР серебряными часами; начальник снабжения Минского губвоенкома В.С. Пряников награжден окружным военным комиссаром Западного военного округа от имени РВСР металлическими часами [14, л. 258].

Лидерам большевиков было очевидно, что для укрепления советской власти и имиджа Красной Армии остро необходимы квалифицированные, идейные военные кадры. Подготовка красных командиров как на курсах, так и в рамках учебного процесса допризывной военной подготовки в вузах Беларуси стала решением этого вопроса. Так, 26 декабря 1919 г. приказом Революционного военного совета (РВС) № 1477 были созданы Минские пехотные курсы по подготовке командиров отделений, которые подчинялись Западному фронту и были расположены не в Минске, так как с 8 августа 1919 г. город был оккупирован польскими войсками. 23 июля 1920 г. приказом № 10 Минского Губернского Революционного Комитета по г. Минску всем гражданам, гражданским учреждениям и владельцам книжных магазинов «у коих имеются кни-

ги ВОЕННОГО ХАРАКТЕРА (военно-научные книги, уставы, инструкции, правила и пр.)» предписывалось в трехдневный срок представить списки имеющихся книг в «экспедицию политпросветотдела Минского Губвоенкомиссариата» [9, л. 54]. 29 января 1921 г. предписанием за № 108/с., Л.П. Клауз был назначен начальником 81-х пехотных Минских советских командных курсов с «приказанием отправиться с ячейкой курсантов (выделенных 2-ми Московскими курсами) в г. Минск, и открыть курсы» [17, л. 7]. Данные курсы – первое военное учебное заведение, открывшееся в г. Минске, которое впоследствии стало основой кузницы военных кадров – Объединенной белорусской военной школой (ОБВШ). Допризывная военная подготовка в белорусских вузах была начата в 1920 г. Так, в ноябре 1920 г. для студентов БГПИ назначен инструктор для «ежедневных занятий по 96 часовой программе на предмет подготовки их красными командирами». В 1922 г. в штате БНТУ числились руководители допризывной подготовки и спорта [8, с. 51]. 4 ноября 1926 г. приказом РВС № 670 была создана военная кафедра в БГУ. В последующем военные кафедры, создаваемые при вузах Беларуси, обеспечивали квалифицированную подготовку гражданских специалистов, одновременно являющихся командирами запаса.

Заключение. Таким образом, за период польско-советской войны значительно изменились условия борьбы за власть. Получив колоссальный опыт в борьбе с внутренней оппозицией и внешней интервенцией, командование Красной Армии и партийное руководство использовало на территории Беларуси тактику и стратегию, которые обеспечили им победу в борьбе за симпатии местного населения. В условиях внешнеполитической изоляции и борьбы с Польшей в 1920 г. определяющее место заняли структуры Мингубвоенкомата, который во взаимосвязи с общественными организациями проводил эффективную борьбу с дезертирством, бандитизмом и мародёрством, сформировал мощную сеть агитационно-пропагандистских и политико-просветительских структур. Проведенная ими работа позволила как привлечь значительное количество белорусов в ряды Красной Армии, так и обеспечить положительный имидж армии в восприятии местного населения, которое включилось в мероприятия по оказанию помощи семьям красноармейцев и самим бойцам Красной Армии.

Литература

1. Селиванов, П. А. Военное строительство в Белоруссии в период разгрома походов Антанты / П. А. Селиванов. – Минск : Наука и техника, 1973. – 208 с.
2. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду паслеваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.) / А. В. Ціхаміраў. – Мінск : Экаперспектыва, 2003. – 399 с.
3. Лазько, Р. Р. Беларусь у еўрапейскай палітыцы, 1918–1925 гг. / Р. Р. Лазько, А. М. Кротаў, М. М. Мязга. – Гомель : ГДУ, 2003. – 126 с.
4. Гигин, В. Ф. Формирование однопартийной системы в Беларуси (1917–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Ф. Гигин. – Минск, 2003. – 17 с.
5. Трацяк, С. А. Брэсцкі мір і грамадзянска-палітычныя працэсы ў Беларусі : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / С. А. Трацяк. – Мінск, 2005. – 22 с.
6. Даніловіч, В. В. Моладзь у грамадска-палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным будаўніцтве Савецкай Беларусі (1921–1939 гг.) / В. В. Даніловіч. – Мінск : Бел. навука, 2020. – 730 с.
7. Крюковский, В. Д. Подготовка младших командиров в городских пунктах военного обучения СССР / В. Д. Крюковский // Вестник ПГУ. – 2021. – № 1. – С. 116–121.
8. Кукса, А. Н. Военно-патриотическая подготовка в системе высшей технической школы Беларуси (1920–1930 гг.) / А. Н. Кукса // Труды БГТУ. – 2022. – № 1 (252). – С. 50–54.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 32. Оп.1. Д. 1420.
10. НАРБ. – Ф. 32. Оп. 2. Д. 15.
11. НАРБ. – Ф. 32. Оп. 2. Д. 17.
12. НАРБ. – Ф. 32. Оп. 2. Д. 19.
13. НАРБ. – Ф. 32. Оп. 1. Д. 2.
14. НАРБ. – Ф. 32. Оп. 2. Д. 18.
15. НАРБ. – Ф. 101. Оп. 1. Д. 212.
16. НАРБ. – Ф. 32. Оп. 2. Д. 20.
17. НАРБ. – Ф. 101. Оп. 1. Д. 1228.

Торгово-экономическое взаимодействие России с США в 1990-е гг.

А.П. КОСОВ

В статье рассмотрены основные аспекты становления и развития торгово-экономической составляющей российско-американских отношений в 1990-е гг. Автор проследил эволюцию политики России в сфере торговли с Соединенными Штатами, изучил организационно-правовые основы экономического сотрудничества двух стран, выявил различные факторы, влиявшие на степень развития торгово-экономических отношений РФ и США.

Ключевые слова: Россия, США, торгово-экономическое взаимодействие, российско-американские отношения, экспорт, импорт.

The article considers the main aspects in the formation and development of the trade and economic component of Russia-US relations in the 1990s. The author traced the evolution of Russia's policy in the field of trade with the United States, studied the organizational and legal foundations of economic cooperation between the two countries, and identified various factors that influenced the level of development of trade and economic relations between the Russian Federation and the United States.

Keywords: Russia, USA, trade and economic cooperation, Russia-US relation, export, import.

В 1990-е гг. Россия и США открыли новую страницу в истории двусторонних отношений. Особенностью нового этапа взаимодействия двух держав стала асимметричность их положения в мире. Соединенные Штаты после окончания Холодной войны остались единственной сверхдержавой, претендующей на мировое лидерство. Посткоммунистическая Россия, наоборот, оказалась в глубоком упадке, лишившись статуса великой державы. Правда, российское руководство не желало признавать данного факта. Именно в таких условиях стали выстраиваться новые отношения России и США в 1990-е гг., в том числе и в экономической сфере. Обе державы надеялись вывести двустороннюю торговлю на новый уровень, поскольку советско-американское наследие здесь было довольно скромным [1].

Цель статьи – рассмотреть взаимодействие России с США в торгово-экономической сфере в условиях ослабления российской государственности в 1990-е гг. Источниками для ее написания стали двусторонние документы, а также научные публикации и материалы СМИ, посвященные взаимоотношениям РФ и США. В историографии отдельные аспекты данной темы рассматривались в работах Ю.Н. Глущенко [2], М. Рожански [3], А.Г. Савойского [4], В.Б. Супяна [1], [5]–[7] и других авторов, которые с разных ракурсов изучили уровень развития экономических связей между двумя державами. Однако российско-американские отношения столь многогранны, что еще одно исследование этой проблемы не будет лишним.

Основная часть. В 1990-е гг. Россия и США осуществили ряд шагов, направленных на укрепление двусторонних связей в торгово-экономической сфере. Они находились в прямой зависимости от развития внутривнутриполитической обстановки в обеих странах. В Соединенных Штатах вопрос о сотрудничестве с РФ был в центре борьбы различных групп в американском истеблишменте. В России проблема двусторонних отношений также постоянно находилась во внутривнутриполитической повестке страны. Как справедливо отмечали российские исследователи В.Б. Супян и М.А. Портной, «экономическая составляющая отношений между Москвой и Вашингтоном всегда была обусловлена уровнем и характером их политического взаимодействия. Периоды потепления всегда сопутствовали подъему торгово-экономических связей, а обострения неизменно приводили к стагнации или уменьшению масштабов взаимной торговли и других форм экономических связей» [5, с. 3]. При этом в обеих странах внешнеторговая сфера рассматривалась правящими элитами в качестве одного из эффективных инструментов влияния на противоположную сторону.

В 1990-е гг. Москвой и Вашингтоном была заложена организационно-правовая основа торгово-экономического сотрудничества. Так, с 1992 по 1996 гг. они заключили примерно такое же количество торговых соглашений, как за все годы советско-американского взаимодействия [7, с. 3]. основополагающим документом, регулирующим сферу двусторонней торговли, было «Соглашение от 1 июня 1990 г. о торговых отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», предполагавшее

создание режима наибольшего благоприятствования, а также расширение и поощрение торговли. Оно вступило в силу 17 июня 1992 г. после обмена дипломатическими нотами, в которых стороны уведомили друг друга о выполнении всех юридических требований [8]. В последующие годы договорно-правовая база российско-американских отношений пополнилась новыми документами. Так, 16 декабря 1992 г. после обмена ратификационными грамотами вступил в силу «Договор от 17 июня 1992 г. между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал» [9]. В целях развития более тесных экономических отношений 17 июня 1992 г. Москвой и Вашингтоном был подписан «Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о поощрении и взаимной защите капиталовложений» [10]. Однако российская сторона его не ратифицировала, поскольку в нем содержались обязательства, противоречившие заявленным позициям РФ относительно вступления страны во Всемирную торговую организацию [11, с. 42]. 18 февраля 1993 г. Москва и Вашингтон подписали «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия», которое разрешало РФ продажу переработанного оружейного урана американским АЭС [12, с. 286].

По мнению официальной Москвы, договорно-правовая база должна была содействовать скорейшему переходу РФ к рыночной экономике и реформированию страны по западному образцу. Вашингтон же стремился навязать России свое видение не только ее внешнеполитического поведения, но и внутривнутриполитического развития. В этом плане обе стороны надеялись на реализацию ванкуверовских договоренностей Б.Н. Ельцина и Б. Клинтона. Их встреча 3 апреля 1993 г. заложила основные направления сотрудничества двух держав. Именно в Ванкувере президент Б. Клинтон пообещал Б.Н. Ельцину безвозмездную финансовую помощь и кредиты под реализацию целевых экономических программ в РФ.

Принятие в 1993 г. в Соединенных Штатах законов «О дружбе с Россией и другими новыми независимыми государствами» и «О содействии реформе в новых демократических странах» привело к пересмотру более 70 законодательных актов дискриминационного характера, которые тем или иным образом касались РФ. Кроме того, Конгрессом были отменены поправки Берда и Стивенсона, устанавливавшие лимит в 300 млн долл. для общего объема кредитов, предоставляемых РФ Эксимбанком США, которые препятствовали развитию двусторонних торгово-экономических отношений, а также запреты по линии Товарно-кредитной корпорации [7, с. 4]. В рамках обозначенной тенденции Москве оказалось выгодным решение о деятельности Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю (КОКОМ), который на протяжении сорока с лишним лет контролировал поставки в страны социалистического блока товаров стратегического назначения. В интересах РФ было и решение администрации Клинтона о распространении на нее генеральной системы торговых преференций. Оно позволило российской стороне поставлять отдельные виды сырьевых товаров на американский рынок без пошлин. Тем самым Вашингтон фактически стимулировал ввоз в США необходимого для своих ТНК сырья [13, с. 8–9]. Но, с другой стороны, данное решение позволило российским компаниям беспошлинно ввозить на американский рынок около 4400 наименований товаров, в основном, из числа металлургической и химической продукции [14, с. 306]. В результате произошло снятие ограничений на экспорт в Россию отдельных позиций из числа высокотехнологичной продукции, что позитивно отразилось на развитии торгово-экономического сотрудничества и открыло новые возможности [15, с. 186].

Параллельно с наполнением договорно-правовой базы шла институционализация российско-американских отношений. У истоков становления деловых связей стояли такие структуры, появившиеся в России и США, как Фонд российско-американского экономического сотрудничества (ФРАЭС), Российский Союз промышленников и предпринимателей (РСПП), Американско-российский деловой совет (АРДС), Американская торговая палата в России и др. Так, основанный в 1989–1990 гг. в Сиэтле ФРАЭС стал центром, координировавшим взаимодействие общественных организаций, НКО, деловых кругов, федеральных и региональных руководителей. В 1990-е гг. фонд принимал активное участие в организации приема высших российских должностных лиц, включая Б.Н. Ельцина, С.В. Степашина, В.П. Лукина, Ю.М. Воронцова и других [11, с. 45].

Основанный еще летом 1990 г. РСПП, получивший в СМИ прозвище «профсоюз олигархов», консолидировал усилия российских промышленников и предпринимателей, направлен-

ные на улучшение деловой среды, модернизацию экономики, а также усиление роли российского бизнеса в стране и мире. В рамках международного сотрудничества союз начал развивать взаимодействие с деловыми кругами США, в том числе Американо-российским деловым советом, основанным в Калифорнии 11 января 1993 г. по инициативе бывшего посла США в России Р. Страусса. АРДС – некоммерческая организация деловых кругов Америки лоббистского толка. В 1997 г. был открыт Московский офис совета. АРДС давал рекомендации правительствам двух стран по расширению притока частных инвестиций на российский рынок. В совет вошли топ-менеджеры из 260 компаний, которые обеспечивали порядка 80 % американских инвестиций в РФ – Боинг, Банк Америки, Катерпиллер, Ситигрупп, Шеврон, Кока-кола и др. Впрочем, намного большим влиянием в российских кругах власти пользовался Консультативный совет по иностранным инвестициям при правительстве России, который обладал необходимыми возможностями для проталкивания своих идей – совместные с российскими министерствами рабочие группы [16, с. 3]. А во время церемонии Американской торговой палаты в Москве в январе 1994 г. ее президент Дж. Тилли заявил, что на российской территории уже работало около 600 компаний из США, и выразил надежду, что их число будет расти и дальше. Однако тогдашний председатель РСПП А.И. Вольский отмечал сдержанность многих американских предпринимателей относительно идеи расширения своего бизнеса на постсоветском пространстве [4, с. 405]. Преградами этому были низкий жизненный уровень россиян, бюрократические препоны, коррупция среди чиновников, а также неуверенность американских бизнесменов в будущем России и российских реформ [17, с. 5].

Зоной наиболее активного развития торгово-экономического сотрудничества РФ и Соединенных Штатов стал Тихоокеанский регион. Активизации контактов между дальневосточными регионами России и тихоокеанскими штатами Соединенных Штатов содействовала созданная в 1994 г. под эгидой Минэкономразвития РФ и Министерства торговли США рабочая группа «Российско-американское тихоокеанское партнерство» (РАТОП). В ее работе участвовали представители органов власти, а также деловых кругов держав. Заседания РАТОП проходили ежегодно в России и США [2, с. 151].

Однако наибольший вклад в развитие двусторонних отношений внесла Российско-американская комиссия по экономическому и технологическому сотрудничеству, о создании которой во время своей встречи в Ванкувере в апреле 1993 г. договорились Б. Клинтон и Б.Н. Ельцин. Они поручили вице-президенту США А. Гору и премьер-министру РФ В.С. Черномырдину «разработать программу реализации новой взаимовыгодной повестки дня в сфере энергетики, освоения космоса, а также науки и техники» [3, с. 25]. Впоследствии диапазон деятельности комиссии расширился за счет дополнительных сфер российско-американского сотрудничества: развития делового климата, охраны окружающей среды, конверсии оборонно-промышленного комплекса, здравоохранения и агропрома. Первая ее сессия состоялась 1–2 сентября 1993 г. в Вашингтоне. До отставки с поста премьер-министра В.С. Черномырдина в марте 1998 г. заседания комиссии проходили два раза в год поочередно в США и РФ. На ее сессиях стороны заявляли о запуске совместных предприятий, об инициативах в сферах малого бизнеса, агробизнеса, экологии, науки и техники. В своих заявлениях В.С. Черномырдин неоднократно заявлял о необходимости устранения имевшихся преград в сфере экспортного контроля, а также многих препятствий для российских производителей на американском рынке [18, с. 49–50].

Хотя официально «Комиссия Гор – Черномырдин» подразумевала двустороннее сотрудничество по каждому направлению, в силу российских политических и экономических реалий середины 1990-х гг., как правило, взаимодействие носило, по сути, односторонний характер [3, с. 29]. Американцы давали советы относительно того, как необходимо реформировать Россию, а россияне пытались эти реформы осуществить. Так, 21 марта 1997 г. на российско-американской встрече в Хельсинки Б.Н. Ельцин и Б. Клинтон подчеркнули необходимость завершения скорейшего перехода РФ к рыночной экономике. Они подтвердили важность расширения потенциала экономического сотрудничества двух держав. По их мнению, ситуация требовала активизации работы комиссии. Президенты отметили, что она добилась существенных результатов, поэтому следует продолжать поступательное развитие взаимодействия двух стран в экономической сфере [19, с. 99]. В контексте перехода РФ к рыночной экономике администрация Клинтона обещала применять свое торговое законодательство недискриминационным образом [20, с. 280]. Выполнение изложенных сторонами планов работы «Комиссии Гор – Черномырдин» должно было способствовать более тесному двустороннему сотрудничеству в экономической сфере. Правда, после отставки В.С. Черномырдина с поста главы правительства России ее заседания проходили еще несколько раз под руководством А. Гора и новых сопредседателей с российской стороны. С августа

1999 г. она прекратила свое существование, сменив заседание сессий на иные формы двустороннего экономического сотрудничества. Всего на 9 состоявшихся сессиях «Комиссии Гор – Чернобырдин» было принято около 200 различных документов, составивших организационно-правовую основу экономической составляющей российско-американского взаимодействия. По мнению известного американского политолога М. Рожански, она внесла заметный вклад в развитие двусторонних отношений, но создать прочную основу для разнопланового сотрудничества ей так и не удалось. Во многом практическое взаимодействие двух держав полностью зависело от политической конъюнктуры и от лидеров, находившихся у власти [3, с. 30–32].

Тем не менее, наполнение договорной базы и институционализация российско-американских экономических отношений положительным образом отразились на их развитии. В 1990-е гг. масштабы экономического взаимодействия России и США нарастали довольно быстрыми темпами. За десятилетие объем взаимной торговли заметно увеличился. Если в 1992 г. товарооборот составлял 2,6 млрд долл., то в 1998 г. – уже 9,3 млрд долл. или 6 % внешнеторгового оборота РФ. Затем наступил заметный спад, который был связан с дефолтом 1998 г. в России, составив 8 млрд долл. в 1999 г., но с 2000 г. товарооборот вновь стал расти, достигнув уровня в 9,8 млрд долл. [1]. В результате, к началу XXI в. США заняли второе место после ФРГ в торговле с РФ. Однако, несмотря на интенсификацию торгово-экономических связей, им не принадлежало ведущее место в общем товарообороте обеих держав. В конце 1990-х гг. доля ЕС во внешней торговле России составляла около 30 %, а США – лишь 6 %. Россия находилась только на 31 месте среди торговых партнеров Америки [4, с. 404]. При этом в российско-американской торговле наблюдалась явная асимметрия между экспортом и импортом в пользу первого. В начале 1990-х гг. американцы осуществляли крупные поставки продовольствия в рамках оказания гуманитарной помощи, поэтому у РФ было пассивное сальдо: минус 1,6 млрд долл. в 1992 г. и минус 1,2 млрд долл. в 1993 г. [1]. С 1994 г. у России в торговле с США появилось положительное сальдо.

В 1990-е гг. на американский рынок вышли такие компании из РФ, как Роснефть, Лукойл, Северсталь, ЕвразГрупп, Группа НЛМК, Норильский никель, Интеррос, Сибал, СУАЛ, ВСМПО-Ависма, Техснабэкспорт, Агрохимэкспорт, Союзплодоимпорт, Госкомрыболовство, SPI и др. Правда, во многих случаях их продукция реализовывалась в Соединенных Штатах не напрямую, а через американских или европейских трейдеров.

Основу российского экспорта в США составляла продукция металлургической отрасли (более 50 %), нефтяной и химической промышленности (более 20 %), а также рыболовства (15 %). Удельный вес машин, оборудования и транспортных средств составлял лишь около 13 % экспорта [4, с. 407]. Самым заметным из экспортеров готовой продукции был Энергомаш, который являлся разработчиком и производителем ракетных двигателей РД-180.

Во второй половине 1990-х гг. приход российских металлургов вызвал усиление конкуренции на американском рынке сталелитейной промышленности. В результате металлургическое лобби США добилось ввода антидемпинговых санкций в отношении производителей из России. В создавшихся условиях в июле 1999 г. российская сторона пошла на подписание «Соглашения между Министерством торговли Соединенных Штатов Америки и Министерством торговли Российской Федерации о приостановлении антидемпингового расследования в отношении некоторых видов горячекатаной плоской углеродистой сталепродукции из Российской Федерации». Этот шаг привел к снижению экспортных поставок российской стали в США [21].

Основу импорта России из Соединенных Штатов составляли изделия общего машиностроения, авиационная техника, высокотехнологическое оборудование (около 60 %), а также зерно и мясные продукты [4, с. 407]. Правда, в конце 1990-х гг. в российском импорте из США мяса и субпродуктов стала прослеживаться тенденция к их постепенному сокращению – с 30 % в 1996 г. до 24 % в 2000 г. [1].

Как видим, в 1990-е гг. в российском экспорте поставки сырья и морепродуктов составляли более 80 %. Доля готовой продукции была достаточно низкой. В российском импорте, наоборот, ведущие позиции занимали технологии и продовольствие. Закупки техники и оборудования содействовали развитию промышленности страны [4, с. 407–408].

В целом, в рассматриваемый период российский экспорт и импорт были сбалансированы за счет резкого сокращения закупок американского зерна и увеличения поставок на американский рынок продукции российской металлургии, атомной промышленности и промышленности драгоценных металлов. При этом на протяжении 1990-х гг. развитие экономических отношений

между РФ и США имело двойственный характер. Очевидно, что в процессе сотрудничества обе стороны преследовали свои интересы. Однако в условиях сложной социально-экономической ситуации в стране реальные шаги Москвы, включавшие в себя получение кредитов для закупок американского продовольствия, поставки в Соединенные Штаты переработанного оружейного урана с высокими заградительными пошлинами (112 %), освоение космоса на американских условиях, свидетельствовали о соглашательской политике. Стремление тогдашнего руководства РФ сохранить статус великой державы, занять достойное место рядом с США в постбиполярном мире на деле вело к сдаче позиций страны на международной арене [4, с. 395].

Со своей стороны, Вашингтон, пользуясь временным ослаблением Москвы, активно продвигал свою повестку на российском направлении, навязывая российским властям создание «мира по-американски». В интересах политической и деловой элиты Соединенных Штатов было иметь прозападную Россию с рыночной экономикой. При этом американцы не желали видеть в лице РФ мощного экономического конкурента. Поэтому в 1990-е гг. США продолжали политические игры вокруг имевшихся преград и барьеров, препятствовавших налаживанию продуктивных российско-американских отношений. Например, сохранявшая свое действие поправка Джексона – Вэника к Закону о торговле 1974 г., а также неоправданно вводимые санкции против ряда российских предприятий, чья деятельность не устраивала американцев, снижали значимость заключенных Москвой и Вашингтоном договоров и соглашений в экономической сфере [6, с. 22]. В результате равноправное стратегическое партнерство с США, к которому стремилась Россия, находилось под большим сомнением. По сути, завышенные ожидания Москвы от сотрудничества с Вашингтоном в рассматриваемый период так и не оправдались.

Заключение. Таким образом, в 1990-х гг. в торгово-экономических отношениях между двумя странами наступил новый этап, связанный с институционализацией и созданием договорно-правовой базы, что содействовало их дальнейшему развитию. Особую роль в двустороннем сотрудничестве играла «Комиссия Гора – Черномырдина», которая содействовала активизации российско-американского взаимодействия по ряду направлений. На декларативном уровне стороны заявляли о намерениях развивать равноправные отношения. Однако на деле, в том числе в сфере торговли, они носили асимметричный характер. В первую очередь, именно Россия представляла собой для США огромный рынок сырья, товаров и услуг, а не наоборот. В торговле с Соединенными Штатами у РФ наблюдалось положительное сальдо, но данный факт не давал стране ощутимых преимуществ. В российском экспорте в США преобладала сырьевая составляющая, а в импорте из Америки – высокотехнологическая продукция и продовольствие. Правда, экспорт в США все же помог отдельным отраслям российской промышленности выстоять в трудные времена. Конечно, говорить о ее полной зависимости от американских поставок нельзя, так как взаимодействие двух стран не являлось основным во внешнеэкономической деятельности России.

Несмотря на стремление РФ развивать конструктивное торгово-экономическое сотрудничество, отношение Вашингтона к Москве как к проигравшей стороне в Холодной войне, по сути, сводило на нет, все усилия заинтересованных субъектов в политических и деловых кругах обеих стран двигаться в данном направлении. В результате это вело к нарастанию у россиян вполне понятного недоверия к американским партнерам и их истинным намерениям. В Москве все больше убеждались, что Вашингтон пытается укрепить свое влияние в мире за счет ослабления РФ. Тем не менее, заложенный в 1990-е гг. фундамент двусторонних торгово-экономических отношений России и США на какое-то время дал позитивный эффект их дальнейшего развития. Но в конечном итоге имевшиеся противоречия привели к усилению антиамериканизма в РФ и нарастанию напряженности между двумя державами.

Литература

1. Супян, В. Б. США и Россия в мировой торговле в начале XXI века : состояние и перспективы [Электронный режим] / В. Б. Супян // Россия и Америка в XXI веке. – 2015. – № 3. – Режим доступа : <https://rusus.ru/?act=read&id=462>. – Дата доступа : 22.06.2022.
2. Глушенко, Ю. Н. Состояние, проблемы и перспективы сотрудничества России и США в экономической сфере / Ю. Н. Глушенко // Проблемы национальной стратегии. – 2013. – № 6. – С. 148–164.
3. Рожански, М. Незаменимые институты : Комиссия Обамы–Медведева и пятьдесят лет американо-российского диалога / М. Рожански ; пер. с англ. М. Коробочкина ; Моск. Центр Карнеги. – М. : ООО «Пресс Клуб Сервис», 2010. – 83 с.

4. Савойский, А. Г. Россия – США : 200 лет экономической дипломатии (1807–2007) : монография / А. Г. Савойский. – М.–Пятигорск : РИА-КМВ, 2011. – 756 с.
5. Супян, В. Б. Российско-американские экономические отношения : значения, проблемы, перспективы / В. Б. Супян, М. А. Портной // США – Канада : экономика, политика, культура. – 2002. – № 4. – С. 3–21.
6. Супян, В. США и Россия : мирохозяйственные позиции и перспективы экономических отношений / В. Супян // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 7. – С. 14–23.
7. Супян, В. Б. Экономические отношения России и США : торговля и инвестиции в начале XXI века / В. Б. Супян // США – Канада : экономика, политика, культура. – 2014. – № 1. – С. 3–25.
8. Соглашение от 1 июня 1990 г. о торговых отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки [Электронный режим] // Контур Норматив. – Режим доступа : <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=24186>. – Дата доступа : 31.10.2022.
9. Договор от 17 июня 1992 года между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал [Электронный режим] // Контур Норматив. – Режим доступа : <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=1929>. – Дата доступа : 31.10.2022.
10. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о поощрении и взаимной защите капиталовложений [Электронный режим] // Кодекс. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа : <https://docs.cntd.ru/document/1901203>. – Дата доступа : 31.10.2022.
11. Воробьева, О. В. Институционализация российско-американского бизнес-диалога (середина 1990-х – 2000-е годы) / О. В. Воробьева // Мир современной науки. – 2013. – № 2. – С. 41–47.
12. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Соединенных Штатов Америки об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия. 18 февраля 1993 г. // Внешняя политика России : сборник документов. 1993 : в 2 кн. / редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.]. – М. : Международные отношения, 2000. – Кн. 1 : Январь–май. – С. 285–290.
13. Давыдов, А. Ю. Российско-американские торгово-экономические связи : потенциал «перезагрузки» / А. Ю. Давыдов // США – Канада : экономика, политика, культура. – 2011. – № 4. – С. 3–18.
14. Аршаров, А. Г. Государственная внешнеэкономическая политика Российской Федерации / А. Г. Аршаров. – СПб. : Питер, 2012. – 454 с.
15. Минкова, К. В. Российско-американские торговые отношения в 1991–2016 гг. / К. В. Минкова, Е. И. Селезнева // Клио. – 2017. – № 4. – С. 184–195.
16. Американские лоббисты ищут связей с российскими // Коммерсантъ. – 2003. – 13 окт. – С. 3.
17. Мельников, Ю. М. Становление и развитие современных российско-американских отношений / Ю. М. Мельников // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 12. – С. 3–19.
18. Сообщение о VI сессии Российско-американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству. 29 января 1996 г. // Внешняя политика России : сборник документов. 1996 / редкол.: Е. П. Гусаров (пред.) [и др.]. – М. : Международные отношения, 2001. – С. 49–50.
19. Совместное заявление по Российско-американской экономической инициативе. 21 марта 1997 г. // Внешняя политика России : сборник документов. 1997 / редкол.: Е. П. Гусаров (пред.) [и др.]. – М. : Международные отношения, 2001. – С. 96–99.
20. Совместное заявление Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки о будущей работе Российско-американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству. 23 сентября 1997 г. // Внешняя политика России : сборник документов. 1997 / редкол.: Е. П. Гусаров (пред.) [и др.]. – М. : Международные отношения, 2001. – С. 276–287.
21. Соглашение между Министерством торговли Соединенных Штатов Америки и Министерством торговли Российской Федерации о приостановлении антидемпингового расследования в отношении некоторых видов горячекатаной плоской углеродистой сталепродукции из Российской Федерации (заключено 12.07.1999) [Электронный ресурс] // Conventions. – Режим доступа : <https://www.conventions.ru/convention/id/?id=17707>. – Дата доступа : 20.11.2022.

УДК 930(470)«20»:94:327((47+57)+438)(094.2)«1921»

Рыжскі дагавор 18 сакавіка 1921 г. у сучаснай расійскай гістарыяграфіі

М.М. МЯЗГА

У артыкуле ахарактарызувана сучаснае становішча расійскай гістарыяграфіі па праблеме Рыжскага дагавора 1921 г. Устаноўлена, што на сённяшні дзень сярод расійскіх гісторыкаў пераважае пункт гледжання аб кампрамісным характары Рыжскага дагавора. Пры гэтым адзначаецца нетрываласць той сістэмы міжнародных адносін, якая была ім створана. Дыскусійным застаецца пытанне аб характарыстыцы сістэмы міжнародных адносін міжваеннага часу ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе як Версальска-Рыжскай.

Ключавыя словы: Рыжскі дагавор, Савецкая Расія, Савецкая Беларусь, Савецкая Украіна, Польшча, польска-савецкая вайна, Версальская сістэма.

The article characterizes the current state of Russian historiography on the issue of the Riga Treaty of 1921. It has been established that today among Russian historians the point of view about the compromise nature of the Riga Treaty prevails. At the same time, the fragility of the system of international relations, which was created by the Riga Treaty, is noted. The issue of characterizing the system of international relations in Central and Eastern Europe as Versailles-Riga remains debatable.

Keywords: the Treaty of Riga, Soviet Russia, Soviet Belarus, Soviet Ukraine, Poland, Polish-Soviet War, Versailles system.

Уводзіны. Пасля заканчэння Першай сусветнай вайны краіны-пераможцы прыступілі да фарміравання новай сістэмы міжнародных адносін. Для Еўропы ў цэлым яе важнейшыя элементы былі закладзеныя на Парыжскай мірнай канферэнцыі 1919–1920 гг. У вызначальнай ступені гэта адносілася і да Цэнтральна-Усходняй Еўропы. Аднак у названым рэгіёне фарміраванне новай сістэмы міжнародных адносін ускладнялася шэрагам узброеных канфліктаў, найбольш значным сярод якіх была польска-савецкая вайна 1919–1920 гг. Завяршыўшы яе Рыжскі мірны дагавор стаў важным міжнародна-прававым дакументам, які ў вялікай ступені таксама вызначаў характар міжнародных адносін у Цэнтральна-Усходняй Еўропе. На сённяшні дзень у гістарычнай навуцы ідуць дыскусіі адносна характару і ступені таго ўплыву, які аказаў Рыжскі дагавор на фарміраванне Версальскай сістэмы на яе ўсходняй перыферыі. У прыватнасці, у польскай гістарыяграфіі атрымала распаўсюджванне канцэпцыя, згодна з якой у дачыненні да сістэмы міжнародных адносін, якая склалася ў пачатку 1920-х гг. у Цэнтральна-Усходняй Еўропе, прымяняецца тэрмін Версальска-Рыжская. Рыжскі дагавор у рашаючай ступені вызначаў характар савецка-польскіх адносін у міжваенны час. У дадзеным артыкуле ставіцца задача ахарактарызаваць пазіцыю сучаснай расійскай гістарыяграфіі адносна Рыжскага дагавора як дакумента, які юрыдычна завяршыў польска-савецкую вайну 1919–1920 гг. і ўнёс уклад у фарміраванне еўрапейскай сістэмы міжнародных адносін пасля Першай сусветнай вайны.

Асобныя аспекты праблемы, якой прысвечаны дадзены артыкул, разгледжаны І.С. Яжбароўскай і М. Корнатам у калектыўным выданні «Белыя плямы – чорныя плямы: складаныя пытанні расійска-польскіх адносін» [1]. Але выданне не ўтрымлівае дэтальнага разгляду палажэнняў сучаснай расійскай гістарыяграфіі, якія характарызуюць Рыжскі дагавор. Да таго ж, з часу выдання названай работы ўжо накіпіўся новы гістарыяграфічны матэрыял. Тое ж можна адзначыць і ў дачыненні да манаграфіі І.С. Яжбароўскай і В.С. Парсіданавай, якая ўтрымлівае гістарыяграфічны агляд [2]. Пасля яе выдання ўжо з’явілася значная колькасць публікацый расійскіх даследчыкаў па гісторыі Рыжскага дагавора.

Асноўная частка. Спачатку звернемся да тых палажэнняў сучаснай расійскай гістарыяграфіі, якія характарызуюць ход савецка-польскіх мірных перагавораў. На думку расійскай даследчыцы Д.А. Кораткавай, умовы міру, прадстаўленыя савецкім бокам на пачатку мінскага этапу перагавораў, былі самымі нявыгаднымі для Польшчы [3, с. 154]. Названы аўтар лічыць, што беларускае пытанне не было ў час падрыхтоўкі і заключэння Рыжскага дагавора ключавым для Савецкай Расіі [4, с. 63]. Д.А. Кораткава ў сваёй

кандыдацкай дысертацыі звяртае ўвагу на адсутнасць на мірных перагаворах беларускіх прадстаўнікоў, у выніку чаго вырашэнне беларускага пытання заставалася ў руках дэлегатаў Польшчы і Савецкай Расіі. А пазіцыя Савецкай Расіі перад пачаткам рыжскага этапу перагавораў, на думку даследчыцы, зводзілася да таго, што тэрыторыя Беларусі павінна стаць прадметам гандлю з Польшчай [5, с. 198, 199]. Д.А. Кораткава адзначае, што пасля другога абвешчэння ў ліпені 1920 г. БССР не стала паўнапраўным суб'ектам міжнародных адносін і была вымушана перадаць мандат на вядзенне перагавораў з Польшчай РСФСР [4, с. 49]. У сваёй манаграфіі Д.А. Кораткава паўтарае тэзіс аб тым, што Савецкая Беларусь на момант савецка-польскіх перагавораў не стала суб'ектам міжнародных адносін. А рашэнне аб выдачы мандата Савецкай Расіі на вядзенне перагавораў ад імя БССР характарызуе як неабходнае Маскве, каб «без аглядак на ўсялякую паліткарэктнасць распараджацца лёсам беларускіх зямель». Факт незацікаўленасці Савецкай Расіі ў прысутнасці на мірных перагаворах прадстаўнікоў БССР Д.А. Кораткава тлумачыць адсутнасцю прызнанага Польшчай альтэрнатыўнага савецкаму беларускага ўрада [3, с. 160].

Гатоўнасць савецкай дэлегацыі да значных тэрытарыяльных саступак у час перагавораў з Польшчай адзначае і Г.Ф. Матвееў. Ён піша, што Савецкая Расія без працяглых спрэчак пагадзілася саступіць Польшчы значныя тэрыторыі ў Беларусі і на Валыні [6, с. 40]. Звяртаючыся да другога этапу савецка-польскіх перагавораў у Рызе, Г.Ф. Матвееў адзначае, што ён быў пад пагрозай зрыву. Савецка-польскія адносіны ў сярэдзіне лістапада 1920 г. сутыкнуліся з крызісам, які быў выкліканы затрымкай з адводам польскіх войск за лінію граніцы, усталяваную прэлімінарным мірным дагаворам [7, с. 175–176].

У сучаснай расійскай гістарыяграфіі існуюць разыходжанні па пытанні ці быў Рыжскі дагавор кампрамісам паміж бакамі, ці Польшча навязала яго савецкім рэспублікам, абапіраючыся на сілу. В.А. Зубачэўскі робіць выснову, што Рыжскі мір з'яўляўся геапалітычным і этнічным кампрамісам. Але, нягледзячы на гэта, ён надаў савецка-польскім адносінам канфрантацыйны характар на працяглы час [8, с. 48]. Рыжскі мірны дагавор як кампрамісны характарызуе ў сваёй дысертацыі Д.А. Кораткава. Яна піша, што бакі аддалі перавагу «міру пагаднення», а не праблематычнаму «канчатковаму выяўленню сапраўднага пераможцы ў барацьбе за дамінаванне ва Усходняй Еўропе». Важнейшым элементам кампрамісу стала прызнанне польскім бокам савецкіх рэспублік Беларусі і Украіны ўзамен на ўключэнне ў склад Польшчы тэрыторый з кампактна пражывючым беларускім і ўкраінскім насельніцтвам. Пры гэтым Д.А. Кораткава лічыць, што ў савецкага кіраўніцтва не было выбару адносна саступак беларускіх тэрыторый, бо альтэрнатывай яму быў працяг польскага наступлення ў Беларусі [5, с. 208, 209]. Дадзеная даследчыца вядзе гаворку пра падзел беларускіх тэрыторый паміж Расіяй і Польшчай. На яе думку, гэты крок з боку Савецкай Расіі быў вымушаны, але «ад гэтага адчуванне несправядлівасці ў адносінах да беларусаў не змяняў». Д.А. Кораткава сцвярджае, што падзелу беларускіх зямель пазбегнуць было немагчыма, а вынікам гэтага стала існаванне БССР у межах толькі шасці павеатаў Мінскай губерні [4, с. 48–49]. Ідэю аб тым, што асноўным пунктам кампрамісу паміж Польшчай і Савецкай Расіяй стала прызнанне польскім бокам савецкіх Беларусі і Украіны ўзамен за савецкія тэрытарыяльныя саступкі Д.А. Кораткава паўтарае і ў сваёй манаграфіі. Прычым, як лічыць названы аўтар, дадзеныя тэрытарыяльныя саступкі з боку Савецкай Расіі былі абумоўлены прайгранай вайной [3, с. 170–171, 181]. Адзначае ўзаемныя саступкі Савецкай Расіі і Польшчы пры падрыхтоўцы Рыжскага дагавора і С.А. Пятоўскі, але па ўкраінскім пытанні. Кампраміс заключаўся ў тым, што польскім бокам у якасці ўкраінскай дзяржавы прызнавалася УССР, а Савецкая Расія адмаўлялася ад умяшання ў справы Усходняй Галіцыі [9, с. 24].

Думка аб кампрамісным характары міру гучыць і ў сумеснай манаграфіі І.С. Яжбароўскай і В.С. Парсаданавай. Аўтары сцвярджаюць, што, нягледзячы на рашэнне ЦК РКП(б) аб згодніцкім міры, Польшча не была пераможцам, які можа дыктаваць умовы міру [2, с. 261–262]. Гаворачы пра граніцы, якія ўсталяваў Рыжскі дагавор, І.С. Яжбароўская і В.С. Парсаданова робяць выснову, што яны сталі вынікам збегу выпадковых ваенных абставін, а не былі ўсталяваныя шляхам самавызначэння. А гэта не гарантавала трывалага добрасуседства і аптымальнага развіцця двухбаковых адносін паміж Польшчай і савецкімі

рэспублікамі [2, с. 270–271]. У адным са сваіх артыкулаў І.С. Яжбароўскай зноў жа падкрэслівае, што Рыжскі мір не зафіксаваў перамогу ні аднаго з бакоў. Пры яго заключэнні не было ў колькі-небудзь значнай меры рэалізавана права народаў на самавызначэнне. І пры гэтым ён не зняў шэрагу праблем і прэтэнзій бакоў аднаго да другога. У прыватнасці, граніцы, якія былі ўсталяваны «ў выніку выпадковага збегу ваенных абставін», не гарантавалі ў далейшым развіцця добрасуседскіх адносін [10, с. 58, 59].

М.М. Нарынскі таксама адзначае, што пры заключэнні Рыжскага дагавора Савецкая Расія пайшла на вялікія саступкі Польшчы. Бачыць гэта перш за ўсё ў тым, што Беларусь і Украіна страчвалі свае заходнія тэрыторыі. Але ён не вядзе гаворку аб тым, што названыя саступкі былі праяўленнем кампрамісу пры заключэнні дагавора [11, с. 45, 48].

У сучаснай расійскай гістарыяграфіі пераважае думка аб тым, што з падпісаннем Рыжскага дагавора была пахавана федэралісцкая канцэпцыя польскай усходняй палітыкі. Як адзначае Г.Ф. Матвееў, заключэнне Рыжскага дагавора паставіла «жырны крыж» на ўсходнім прекце Ю. Пілсудскага. Але пры гэтым была створана дастатковая з ваеннага пункту гледжання «стратэгічная вобласць» на ўсходзе. Негатыўным момантам завяршэння польска-савецкай вайны для Польшчы, лічыць названы аўтар, было тое, што яна атрымала на ўсходзе граніцы не з саюзнымі Літоўска-Беларускай і Украінскай рэспублікамі, а з БССР, УССР і Літвой, якія мелі да яе сур'ёзныя тэрытарыяльныя прэтэнзіі. Наяўнасць у складзе Польшчы мільёнаў украінцаў і беларусаў, якія не пагаджаліся на асіміляцыю, падрывала ўнутранае адзінства і згуртаванасць польскай дзяржавы [6, с. 41]. Ю.А. Барысёнак адзначае, што Рыжскі мір усталяваў пагранічнае размежаванне на аснове ідэй нацыянальнай дэмакратыі аб інкарпарацыі і «лепшую граніцу» Польшча ў той момант атрымаць не магла [12, с. 59–60]. В.А. Зубачэўскі таксама робіць выснову, што заключэнне Рыжскага дагавора азначала правал федэралісцкіх планаў Ю. Пілсудскага, якія прадугледжвалі стварэнне буферных марыянэтных дзяржаў на ўсходняй граніцы Польшчы [13, с. 199]. І.С. Яжбароўская і В.С. Парсаданава робяць выснову, што да канца 1920 г. і сам Ю. Пілсудскі ўжо адмовіўся ад ідэі федэрацыі [2, с. 276].

С.М. Палтарак адзначае негатыўныя для Польшчы наступствы некаторых палажэнняў Рыжскага дагавора. На яго думку, у выніках польска-савецкай вайны для Польшчы была закладзена аснова «трагедыі 1939–1945 гг.». Для савецкіх рэспублік адзін з важных адмоўных момантаў Рыжскага дагавора С.М. Палтарак бачыць у тым, што ў выніку яго граніца прайшла каля Мінска і Польшча «як плацдарм для ажыццяўлення рашаючага ўдара ў імя сусветнай рэвалюцыі не існавала». Для абодвух бакоў, на думку названага аўтара, вынікі вайны, замацаваныя ў Рыжскім дагаворы, былі «пераможным паражэннем», ні адзін з іх не дасягнуў сваіх мэт, да якіх імкнуўся ў вайне [14, с. 217–218]. У калектыўнай манаграфіі «Першая сусветная вайна і лёс еўрапейскай цывілізацыі» яе аўтары робяць акцэнт на непрымальнасці Рыжскага дагавора для кіраўніцтва Савецкай Расіі. На іх думку, ён успрымаўся большавікамі як новы Брэсцкі мір, які павінен напаткаць той жа лёс [15, с. 483].

У сучаснай расійскай гістарыяграфіі прызнаецца ўплыў Рыжскага дагавора не толькі на савецка-польскія стасункі, але і на больш шырокі комплекс міжнародных адносін. Адно з важнейшых міжнародных наступстваў Рыжскага дагавора В.А. Зубачэўскі бачыць у тым, што пасля яго падпісання пачаўся пераход большавікоў да рэальнай палітыкі абароны інтарэсаў Расійскай дзяржавы шляхам збліжэння з Германіяй, што «стала буйнейшым правалам версальскіх міратворцаў» [13, с. 200]. М.М. Нарынскі таксама адзначае, што Рыжскі дагавор быў адным з першых крокаў адмовы большавікоў ад канцэпцыі фарсіравання еўрапейскай рэвалюцыі. Пры гэтым названы аўтар адзначае і нетрывалася таго міжнароднага парадку, які стварыў Рыжскі мір. На яго думку, гэты дагавор не ліквідаваў недавер і падспудную варожасць паміж Савецкай Расіяй і Польшчай, што і рабіла Рыжскі дагавор няўстойлівым [11, с. 45, 48].

На думку В.Л. Чарнапёрава, заключэнне Рыжскага дагавора было непарыўна звязана з пераходам большавікоў да новай эканамічнай палітыкі ўнутры краіны і азначала новы знешнепалітычны курс у цэлым на міжнароднай арэне, у аснове якога была адмова ад ваенных аванцюр з мэтай падштурхнуць сусветную рэвалюцыю. Але пры гэтым стан рэчаў, які ўсталяваў Рыжскі дагавор, атрымаўся нетрывалым. І хутка праявілася гатоўнасць большавікоў змяніць яго, падвергнуўшы рэвізіі Рыжскі дагавор [16, с. 158].

Дыскусійным у расійскай гістарыяграфіі на сённяшні дзень з'яўляецца і пытанне аб ступені ўплыву Рыжскага дагавора на міжнародную сітуацыю ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе. М.М. Нарынскі лічыць, што еўрапейскую падсістэму Версальска-Вашынгтонскай сістэмы міжнародных адносін з пэўнай умоўнасцю можна назваць Версальска-Рыжскай. Пры гэтым ён адзначае, што калі гаварыць пра Рыжскую падсістэму, то яе каркас дапаўняе пагадненне аб польска-французскім саюзе і Рапальскі дагавор паміж Савецкай Расіяй і Германіяй [11, с. 49–50].

Іншы пункт гледжання адносна існавання Версальска-Рыжскай сістэмы міжнародных адносін выказвае Г.Ф. Матвееў. На яго думку, няма падстаў гаварыць пра існаванне названай сістэмы міжнародных адносін, бо Польшча не валодала неабходным патэнцыялам «каб заняць высокае месца ў іерархіі ўсходнееўрапейскіх дзяржаў». Не было ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе, лічыць аўтар, і магутнай дагаворнай базы, якая нагадвала б тую, што была створана на Парыжскай мірнай канферэнцыі, і дазваляла б гаварыць аб Версальска-Рыжскай сістэме міжнародных адносін [17, с. 130].

Заклучэнне. Такім чынам, у сучаснай расійскай гістарыяграфіі вызначылася некалькі пытанняў, якія прыцягваюць увагу гісторыкаў пры вывучэнні Рыжскага дагавора. Звяртаючыся да ходу перагавораў, даследчыкі адзначаюць гатоўнасць савецкага боку да тэрытарыяльных саступак. Гэтыя саступкі разглядаюцца як важнейшы элемент польска-савецкага кампрамісу пры падрыхтоўцы мірнага дагавора. Кампраміс з польскага боку заключаўся ў прызнанні савецкіх рэспублік Беларусі і Украіны. Пры гэтым прысутнічае і пункт гледжання, згодна якому Савецкая Расія вымушана была ісці на гэты кампраміс у сілу ваенных паражэнняў. Даследчыкі зыходзяцца на нетрываласці той сістэмы адносін паміж Польшчай і Савецкай дзяржавай, якую стварыў Рыжскі дагавор. Дыскусійным застаецца пытанне аб ступені значнасці Рыжскага дагавора ў рамках Версальскай сістэмы і, адпаведна, аб правамернасці ўжывання паняцця Версальска-Рыжскай сістэмы міжнародных адносін.

Сучасная расійская гістарыяграфія, за рэдкім выключэннем, не вылучае беларускае пытанне як самастойнае пры падрыхтоўцы і падпісанні Рыжскага дагавора і часта ігнаруе напрацоўкі беларускай гістарычнай навукі па дадзенай праблематыцы. Цалкам можна пахадзіцца з наступным выказваннем Д.А. Кораткавай: «Стан жа расійскіх даследаванняў у дачыненні да беларускай гісторыі трэба прызнаць яшчэ менш здавальняючым. З аднаго боку, расійскі мейнстрым вельмі раўнівы ў дачыненні да прыналежнасці Беларусі да “рускага свету”, з другога боку, саміх беларусаў ён не бачыць. Яны ідуць “праз коску” з украінцамі або супрацьпастаўляюцца ім як “правільныя малодшыя браты”. Беларуская праблематыка, традыцыйна для расійскай навукі, знаходзіцца ў цені больш папулярных напрамкаў, у сувязі з чым даўно наспела публікацыя больш фундаментальных работ па гэтай тэматыцы, асабліва па ключавых праблемах беларускай гісторыі» [18, с. 139].

Літаратура

1. Яжборовская, И. С. Современная историография советско-польских отношений / И. С. Яжборовская, М. Корнат // Белые пятна – Черные пятна : сложные вопросы в российско-польских отношениях ; под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М. : Аспект Пресс, 2010. – С. 737–813.
2. Яжборовская, И. С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. / И. С. Яжборовская, В. С. Парсаданова. – М. : Academia, 2005. – 404 с.
3. Короткова, Д. А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. / Д. А. Короткова. – М. : Центрполиграф, 2019. – 222 с.
4. Короткова, Д. А. Белорусский аспект в деятельности советской дипломатии в 1920 г. / Д. А. Короткова // Славяноведение. – 2012. – № 3. – С. 51–64.
5. Короткова, Д. А. Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Д. А. Короткова. – М., 2015. – 252 с.
6. Матвеев, Г. Ф. Начало / Г. Ф. Матвеев // Белые пятна – Черные пятна : сложные вопросы в российско-польских отношениях ; под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М. : Аспект Пресс, 2010. – С. 15–50.
7. Матвеев, Г. Ф. Ноябрьский кризис в процессе польско-советского мирного урегулирования 1920 г. / Г. Ф. Матвеев, К. И. Колихова // Российская история. – 2022. – № 5. – С. 160–176.

8. Зубачевский, В. А. Геополитические планы Германии, Польши и Советской России в период польско-советской войны 1920 г. / В. А. Зубачевский // *Славяноведение*. – 1999. – № 4. – С. 41–49.
9. Пятовский, С. А. Украинский фактор в советско-польских отношениях 1918–1920 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С. А. Пятовский. – СПб., 2018. – 27 с.
10. Яжборовская, И. С. От войны 1919–1921 годов к миру и изживанию ее синдрома / И. С. Яжборовская // *Забытый мир : Рижский договор 1921 года : интерпретации и споры* ; под ред. С. Дембского, А. В. Мальгина (русское издание). – М. : ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. – С. 51–66.
11. Наринский, М. М. Советско-польская война и Рижский мир 1921 года / М. М. Наринский // *Забытый мир : Рижский договор 1921 года : интерпретации и споры* ; под ред. С. Дембского, А. В. Мальгина (русское издание). – М. : ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. – С. 30–50.
12. Борисёнок, Ю. А. Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е гг. / Ю. А. Борисёнок // *Новая и новейшая история*. – 2013. – № 6. – С. 55–65.
13. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века) : Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.
14. Полторак, С. Н. Победоносное поражение. Размышления о советско-польской войне 1920 г. в канун ее 75-летия / С. Н. Полторак. – СПб. : ТОО «Терция», 1994. – 368 с.
15. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина. – М. : Издательство Московского университета, 2014. – 816 с.
16. Чернопёров, В. Л. Из истории политики большевиков на востоке Центральной Европы в 1919–1924 гг. / В. Л. Чернопёров // *Геополитическая трансформация в Восточной Европе между двумя мировыми войнам (к 90-летию подписания Рижского мирного договора)* : сб. матер. Международной науч.-практ. конф., Брест, 17–18 марта 2011 г. ; редкол.: М. Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2011. – С. 156–162.
17. Матвеев, Г. Ф. Н.Н. Мезга. Советско-польские отношения 1921–1926 гг. : Новый этап противостояния. Гомель, 2019 / Г. Ф. Матвеев // *Славяноведение*. – 2020. – № 3. – С. 129–131.
18. Короткова, Д. А. Выступление на круглом столе / Д. А. Короткова // *Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории : научный сборник* / отв. ред. И. И. Тучков, О. В. Солопова, О. В. Иванников. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2018. – С. 137–140.

УДК 930(476):94:327((47+57):430)«1918-1939»

Белорусская историография советско-германских отношений 1918–1939 гг.: важнейшие концептуальные положения

С.Н. РОЖКОВА

В статье дана характеристика советского и постсоветского периодов в развитии белорусской историографии советско-германских отношений от заключения Брестского мирного и Рапалльского договора до пакта Молотова-Риббентропа в белорусской историографии. Выявлены концепции, разработанные белорусскими историками, которые объясняют характер и динамику советско-германских отношений в указанный период.

Ключевые слова: Брестский мир, Рапалльский договор, Советская Россия, пакт Молотова-Риббентропа, Германия, белорусская историография, международные отношения.

The article describes the Soviet and post-Soviet periods in the development of the Belarusian historiography of Soviet-German relations from the conclusion of the Brest Peace and Rapallo Treaty to the Molotov-Ribbentrop Pact in Belarusian historiography. The concepts developed by Belarusian historians that explain the nature and dynamics of Soviet-German relations during this period are revealed.

Keywords: The Brest Peace, the Rapallo Treaty, Soviet Russia, Molotov-Ribbentrop Pact, Germany, Belarusian historiography, international relations.

Введение. Советско-германские отношения в 1917–1939 гг. представляли собой сложное и значимое историческое явление. Поэтому не удивительно, что историография различных стран, в том числе и Беларуси, проявляла большой интерес к их изучению. В данной работе была сделана попытка охарактеризовать основные точки зрения, существующие в советской и постсоветской белорусской исторической науке, по проблеме советско-германских отношений в указанный период.

Основная часть. В белорусской советской историографии стремлении советского руководства реализовать декрет о мире как проявление советской миролюбивой политики представляется в качестве главной причины, по которой оно пошло на мирные переговоры с Германией в Брест-Литовске [1, с. 122, 123]. В постсоветский период белорусская историография указывает на неспособность Советской России продолжать войну как на важнейшее обстоятельство, побудившие большевиков пойти на переговоры о мире [2, с. 45]. Для Германии важнейшим фактором, подтолкнувшим ее к мирным переговорам как советскими, так и постсоветскими историками определяется желание прекратить войну на два фронта. Общим для двух периодов белорусской историографии является вывод, что Германия стремилась реализовать в Бресте свои империалистические планы. При этом постсоветская историография отмечает в качестве важнейшего элемента тактики советской делегации затягивание переговоров в ожидании германской революции. Историография обоих изучаемых периодов главный негативный момент Брестского договора для России видит в потере больших территорий. В то же время подчеркивается, что он дал большевикам мирную передышку, чтобы укрепить советскую власть [3, с. 12], [4, с. 27–28].

Для постсоветской историографии характерно обращение к белорусскому аспекту Брестского договора, акцент делается на раздел Беларуси, установление германского оккупационного режима, отказ Германии и России рассматривать Беларусь как субъект международных отношений. Советские и постсоветские историки отстаивают положение об агрессивном характере германской политики по отношению к Советской России после Брестского договора, имевшей целью ликвидацию советской власти. В постсоветской историографии показана противоречивость советской политики по отношению к Германии: с одной стороны, стремление наладить экономическое сотрудничество, с другой, деятельность по подготовке революции. Но стороны проявляли готовность к компромиссу, что проявилось в подписании Добавочного договора [5, с. 168], [6, с. 8], [7, с. 14], [8, с. 12].

В белорусской советской и современной историографии утвердилась точка зрения, что тяжелое положение Советской России и Германии после Первой мировой войны, их международная изоляция, непринятие двумя странами Версальского договора создавали объективные предпосылки для их сближения [9, с. 22], [10, с. 29–30]. Историки Беларуси постсоветского пе-

риода одной из причин заключения договора считают польский вопрос, который сближал Советскую Россию и Германию [11, с. 70], [12, с. 30]. Оценивая содержание и значение Рапалльского договора, историки Беларуси советского и постсоветского периодов указывают на прорыв внешнеполитической блокады РСФСР со стороны ведущих стран Запада. В советской историографии Рапалльский договор представлен как результат проведения советским государством политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Особый акцент делается на экономический аспект сотрудничества России / СССР и Германии. В постсоветской историографии отмечается в качестве ключевого фактора, объединяющего участников Рапалльского договора, стремление к ревизии Версаля. В этом контексте большое внимание уделяется советско-германскому военному сотрудничеству [13, с. 4]. Белорусские историки сделали вывод и о наличии серьёзных противоречий в советско-германских отношениях в рапалльский период. Советская историография связывает это с деятельностью антисоветских сил в правящих кругах Германии, которые пошли на такие антисоветские шаги как принятие плана Дауэса, подписание Локарнских соглашений, вступление в Лигу Наций [14, с. 14].

Постсоветская историография выявила разнообразие факторов, которые осложняли советско-германские отношения, и не сводит их к деятельности только германской стороны. Показано, что значительные осложнения возникали в связи с двойственностью советской политики, для которой было характерно не только налаживание сотрудничества с Германией, но и стремление подтолкнуть революцию в ней. Торговый договор 1925 г. и договор о нейтралитете 1926 г. рассматриваются и советскими, и постсоветскими историками как соглашения, укрепившие рапалльскую политику в условиях сближения Германии с Западом. В постсоветский период предметом изучения стал белорусский аспект в советско-германских отношениях в рапалльский период. Сделан вывод, что при заключении Рапалльского договора Советская Россия и Германия не принимали во внимание интересы Беларуси. Акцентируется внимание на роли БССР в экономическом и культурном сотрудничестве СССР и Германии [15, с. 58–59], [16, с. 65–66], [17, с. 70], [18, с. 46].

В белорусской советской и постсоветской историографии общепризнанным является тезис, что с приходом Гитлера к власти рапалльская политика была свернута. Это связывалось с тем, что Германия открыто перешла к политике, имевшей целью расчленение Советского Союза, показывала свою классовую ненависть к социалистическому государству. Отмечается, что агрессивная политика нацистской Германии строилась на основе теории Гитлера о расширении «жизненного пространства», которая предполагала захват новых территорий для достижения достойной жизни немецким народом [19, с. 30], [20, с. 261, 263], [21, с. 32], [22, с. 177].

Современные белорусские историки сделали вывод, что с приходом Гитлера к власти сворачивание советско-германского сотрудничества охватило различные сферы в разной степени: прекратилось германо-советское военное сотрудничество, однако торгово-экономическое сотрудничество было продолжено. Курс нацистов на развязывание агрессивной войны требовал быстрого развития военной промышленности, а это порождало заинтересованность Германии в сохранении экономического сотрудничества с СССР. Для советского руководства крах курса Рапалло стал стимулом для перехода к политике, нацеленной на создание системы коллективной безопасности. В советской историографии эта политика трактуется как элемент советской политики борьбы за мир. Постсоветская историография рассматривает ее в контексте возвращения СССР к реальной политике, нацеленной на отстаивание государственных интересов [23, с. 140], [24, с. 101], [25, с. 6].

При определении причин, приведших к заключению советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г., в белорусской историографии советского и постсоветского периода прослеживается как определенная преемственность, так и существенные расхождения. Советская историография трактовала названный договор как вынужденный шаг Советского Союза, когда по вине западных государств не удалось создать систему коллективной безопасности. Положительная сторона договора виделась в том, что он позволил отсрочить вступление СССР в войну и лучше подготовиться к отражению нацистской агрессии [26, с. 146], [27, с. 50], [28, с. 82].

Если советская историография отличалась концептуальным единством при трактовке пакта Риббентропа – Молотова, то в постсоветской историографии по этой проблеме сложилось два основных направления. Первое из них трактует этот договор в традициях советской историографии. В рамках второго направления готовность Германии пойти на соглашение с Советским Союзом объясняется желанием избежать войны на два фронта, а также увеличить сырьевую базу за счет СССР. Историки второго направления отстаивают точку зрения, со-

гласно которой, договор открыл путь Гитлеру к началу войны против Польши, т. к. Германия получала гарантированный нейтралитет СССР в германо-польском конфликте. Для Советского Союза подписание пакта о ненападении давало возможность присоединить ряд территорий. При этом современные белорусские историки обоих направлений дают отрицательную характеристику секретным протоколам, которые дополняли договор о ненападении, т. к. их подписание являлось нарушением международного права. В белорусской историографии сформировалась точка зрения, что для белорусского народа важным последствием подписания советско-германского договора о ненападении стало воссоединение Западной Беларуси с БССР, что имело большое значение для формирования белорусской государственности [29, с. 12].

Заключение. Сравнительный анализ советской и постсоветской белорусской историографии советско-германских отношений 1917–1939 гг. позволяет сделать вывод о существенных расхождениях между ними. Советская историография в рамках марксистской методологии объясняла политику Германии по отношению к Советскому государству классовыми интересами ее правящих кругов. Политика Советской России / СССР по отношению к Германии рассматривалась в контексте общего курса советского руководства на мирное сосуществование с капиталистическими странами, в основе которого заинтересованность в экономическом сотрудничестве. В результате картина советско-германских отношений получалась неполной. Данные подходы в определенной степени характерны для части и современных белорусских исследователей. Но в целом постсоветская историография значительно расширила число факторов, которые изучаются в плане влияния на развития советско-германских отношений. Эти отношения рассматриваются в контексте Версальской системы как элемент борьбы двух государств за свои интересы на международной арене. Соответственно, в постсоветский период расширилась тематика исследований: военное сотрудничество Германии и СССР в период Рапалло, взаимодействие двух государств по разрушению Версальской системы, в частности антипольская политика как элемент антиверсальской, пакт Риббентропа – Молотова в контексте геополитических изменений в Восточной Европе. В постсоветский период значительно активизировались исследования роли и места Беларуси в советско-германских отношениях. Постсоветская историография характеризуется наличием различных концепций. Особенно острые дискуссии идут вокруг характеристики пакта Риббентропа-Молотова. В целом постсоветская историография, сохранив определенную приемственность с советской, значительно расширила объем знаний по истории советско-германских отношений, предложила новые концепции, которые позволяют более объективно и всесторонне охарактеризовать эти отношения.

Литература

1. Сташкевіч, М. С. Вялікі кастрычнік у Беларусі / М. С. Сташкевіч. – Мінск, 1985. – 126 с.
2. Тихомиров, А. В. Брестский мир 1918 г. и Беларусь / А. В. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1999. – № 2. – С. 44–57.
3. Мигун, Д. А. Политика Германии в отношении Беларуси (1914–1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Д. А. Мигун. – Минск : БГУ, 2001. – 20 с.
4. Трацяк, С. А. Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі лістапад 1917 – студзень 1919 г. / С. А. Трацяк. – Мінск : Беларуская навука, 2009. – 207 с.
5. Сташкевич, Н. С. Приговор революции. Крушение антисоветского движения в Белоруссии 1917–1925 / Н. С. Сташкевич. – Мінск, 1985. – 304 с.
6. Бабков, А. М. Политика германизации белорусского населения оккупационными властями в 1915–1917 годах / А. М. Бабков // Вестник Бел. дзярж. ун-та ім. У.І. Леніна – 1988. – № 2. – С. 6–8.
7. Стрелец, М. В. Брест-литовский мирный договор сквозь призму геополитических интересов государств-подписантов / М. В. Стрелец // Март 1918 года. На изломе истории... : материалы Междунар. науч.-практич. конф. ; редкол.: Г. Г. Басюк [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2018. – С. 13–17.
8. Трацяк, С. А. Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С. А. Трацяк. – Мінск, 2005. – 19 с.
9. Трухнов, Г. М. Из истории советско-германских отношений (1920–1922 гг.) / Г. М. Трухнов. – Минск : Изд. БГУ, 1974. – 71 с.
10. Мезга, Н. Н. В тисках Рапалло : германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н. Н. Мезга. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2010. – 195 с.
11. Космач, В. А. От Бреста до Рапалло : германо-советские отношения в 1917–1922 г. / В. А. Космач // Белорусская германистика : актуальные научные проблемы и этапы развития. К 100-летию основателя научной школы советской белорусской германистики Г.М. Трухнова : матер. Республик. науч.-теоретич. конф. – Минск, 2008. – С. 54–87.

12. Лазько, Р. Р. Перад патопам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.) / Р. Р. Лазько. – Мінск : БДУ, 2000. – 354 с.
13. Трухнов, Г. М. Поучительные уроки истории. Три советско-германских договора (1922–1926 гг.) / Г. М. Трухнов. – Минск : Изд. БГУ, 1979. – 184 с.
14. Космач, Г. А. План Дауэса и немецкая национальная народная партия / Г. А. Космач // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І. Леніна. – 1989. – № 1. – С. 14–17.
15. Мигун, Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.
16. Романовский, Д. «Белорусский вопрос» во внешней политике Веймарской Германии. Деятельность IV отдела министерства иностранных дел – секция «Weissruthenien» / Д. Романовский // Актуальные проблемы германской, российской и белорусской истории и культуры в контексте развития цивилизаций и мировой политики 20 века : опыт и уроки для современности : Белорусско-германско-российская Междунар. конф., Витебск, 6–7 июня 2013 г. ; редкол.: В. А. Космач [и др.]. – Витебск, 2013. – С. 53–58.
17. Снапкоўскі, У. Е. Аб пашырэнні Рапальскага дагавора паміж РСФСР і Германіяй на іншыя савецкія рэспублікі / У. Е. Снапкоўскі // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф. ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2009. – Вып. 7, кн. 1. – С. 65–70.
18. Космач, В. А. Палітыка Рапала і беларуска-германскія гаспадарча-эканамічныя, навукова-тэхнічныя і культурныя сувязі ў 1922–1932 гг. : стан, праблемы і вопыт / В. А. Космач // Беларуская-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне : гісторыя, сучаснасць, перспектывы : матэрыялы Міжнар. «круглага стала», Минск, 29–30 красавіка 1996 г.. – Мінск : Цэнтр ім. Ф. Скарыны, 1996. – С. 39–46.
19. Каррадаў, Х. Рост ваеннай небяспекі і мірная палітыка СССР / Х. Каррадаў // 15 год барацьбы пад сцягам Леніна-Сталіна : зб. артык., друкаваных у часоп. Большэвік Беларусі ; рэд.: К. Мінкін [і інш.]. – Мінск : Выд-ва ЦК КП(б)Б «Звязда», 1935. – С. 27–39.
20. Климовский, Д. С. Германия и Польша в локальной системе европейских отношений (Из истории зарождения второй мировой войны) / Д. С. Климовский. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – 287 с.
21. Коршук, У. К. Фашизм : злачынныя мэты, злачынныя сродкі / У. К. Коршук // Веснік БДУ ім. У.І. Леніна. – 1991. – № 2. – С. 3–6.
22. Космач, В. А. Внешняя культурная политика в германской истории новейшего времени / В. А. Космач // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь : у 2 ч. – Мінск, 1995. – Ч. 2. – С. 173–178.
23. Мигун, Д. А. Германо-советские политико-экономические отношения в 1933 г / Д. А. Мигун // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. – Минск : РИВШ, 2011. – Ч. 1, вып. 11. – С. 135–140.
24. Дубовец, И. В. Государственная политика Германии с 1918 до 2-ой половины 1943 г. в области производственно-хозяйственных правоотношений. Роль хозяйственных элит в государственном регулировании предпринимательских отношений / И. В. Дубовец // История Германии и германский вопрос с древности по современность : исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты : матер. Междунар. науч. конф. ; редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2009. – С. 101–110.
25. Хухлындзіна, Л. М. «Drang nach Osten» у кантэксце беларускай і сусветнай гісторыі / Л. М. Хухлындзіна // Веснік БДУ. – 2005. – № 2. – С. 3–8.
26. Цобкала, А. А. Да пытання міждзяржаўных адносін напярэдадні Другой сусветнай вайны / А. А. Цобкала, П. А. Тупік // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэр. Міжнар. навук. канф. ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2012. – Вып. 11, кн. 2. – С. 143–147.
27. Литвиновский, И. А. Советско-германские договоренности августа 1939 года : начало переговоров / И. А. Литвиновский, Ю. И. Литвиновская // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэр. Міжнар. навук. канф. ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2015. – Вып. 13, кн. 2. – С. 49–55.
28. Коваленя, А. А. Савецка-германскія дагаворы ў кантэксце крызісу міждзяржаўных адносін у Еўропе (1938–1939 гг.) / А. А. Каваленя // Назаўсёды разам : да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР : зб. нав. арт. Бел. эн ; навук. рэд.: М. П. Касцюк [і інш.]. – Мінск, 1999. – С. 77–83.
29. Жарков, М. Г. Воссоединение Белорусского народа в контексте советско-германского договора 1939 г. / М. Г. Жарков // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэр. Міжнар. навук. канф. ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2007. – Вып. 7, кн. 1. – С. 9–13.

Социальная структура городского населения БССР (1920–1930-е годы)

М.И. СТАРОВОЙТОВ

В статье дается краткая характеристика социального состава городского населения БССР межвоенного периода. Впервые в отечественной историографии выявлены основные тенденции роста численности и представлен адекватный социальный облик городского населения, установлено распределение его по основным отраслям народного хозяйства, общественным группам и степени урбанизации в целом по республике и в областном разрезе в конце 1930-х гг.

Ключевые слова: БССР, население, социальный состав, индустриализация, экономическое развитие.

The article gives a brief description of the social composition of the urban population of the BSSR of the interwar period. For the first time in Russian historiography, the main trends in population growth were revealed and the adequate social appearance of the urban population was presented, its distribution by the main sectors of the national economy, public groups and the degree of urbanization in the republic as a whole and in the regional context in the late 1930s was established.

Keywords: BSSR, population, social composition, industrialization, economic development.

В рассматриваемый период социально-экономические и политические процессы, вызванные советской мобилизационной модернизацией, оказали существенное влияние на урбанизационные процессы как в целом в СССР, так и в союзных республиках, а это в свою очередь привело к изменению социального состава городского населения. Представляется целесообразным показать, как он изменился в ходе индустриального развития БССР в региональном разрезе, что и является целью данной статьи. Для раскрытия обозначенной темы применен компаративистский метод, который позволяет дать адекватную оценку произошедших изменений не только в социальной структуре городского населения, но и установить достигнутый уровень индустриального развития и степень урбанизации как в целом по БССР, так и по областям, т. е. выявить региональную специфику. В белорусской историографии в таком контексте проблемы не только не рассматривались, но и не ставились. Автором предпринята попытка восполнить этот пробел. С учетом возможного объема публикации, остановимся на конкретных примерах, используя документы, к которым был ограничен доступ или они имели гриф секретности. Значительная часть их вводится в научный оборот впервые. Таблицы составлены и подсчитаны автором.

Индустриальное развитие БССР в разной степени затронуло регионы, что по-разному повлияло на рост численности городского населения. Кроме экономического фактора, был и политический. После переписи 1937 г. в административном порядке по всей стране началась широкомасштабная кампания пересмотра статуса рабочих поселков и сел по превращению их в городские поселения для увеличения численности городского населения, что свидетельствует о явной политизации этого вопроса перед переписью 1939 г. [1, с. 62–64]. В республике это коснулось местечек. Президиум Верховного Совета БССР 27 сентября 1938 г. принял постановление и разделил все населенные пункты на 2 категории: поселения городского и сельского типа (в РСФСР и УССР это было сделано в 1924 г.). Был утвержден список поселений городского типа: а) города областного подчинения – 11 и районного – 24; б) рабочие поселки – 14 и в) городские поселения – 52 [2, л. 1]. Многие наполовину аграрные местечки изменили свой статус на городские поселения.

Наглядную картину изменения численности городского населения, его половозрастной состав, степень урбанизации белорусов в конце 1930-х гг. дает таблица 1 [3, л. 1, 12], [4, лл. 3, 14, 47, 58, 91, 102, 157, 168, 201, 212], [5, лл. 1, 6], [6, лл. 1, 6], [7, лл. 1, 6], [8, лл. 1, 6], [9, лл. 1, 6]. Как видим, в городах в 1939 г. в среднем проживало всего 25 % населения, хотя и было на 8 % больше, чем в 1926 г.

Городское население было молодым. Лица в возрасте до 29 лет включительно составляли около 65 %, женщин было чуть больше 50 %, а белорусов – 57 %. Уровень урбанизации белорусов составлял 17 %. Это был самый низкий показатель урбанизированности среди наиболее численно представленных национальностей, проживавших в БССР, о чем автор

уже писал. Прирост населения и степень урбанизации белорусов был ниже в два раза среднереспубликанского показателя в Полесской области, что свидетельствовало о ее незначительном промышленном развитии. В столичном Минске белорусы составляли 52 % от общей численности его населения [10, л. 5].

Таблица 1 – Динамика городского населения и титульный этнос БССР (1926 и 1939 гг.)

Области	Все население		% к 1926	До 29 лет, %	% женщин		Титульный в 1939 г.*			
	1926	1939			1926	1939	Муж.	Жен.	%	%
Витебская	17,4	26,8	157,0	64,6	49,1	52,5	95 159	110 782	59,9	19,4
Гомельская	20,0	27,9	161,9	63,4	51,2	51,6	64 320	69 557	52,8	18,2
Минская	20,7	29,6	169,4	65,6	49,7	51,3	100 592	110 880	54,7	20,0
Могилевская	15,1	22,6	167,6	65,0	47,3	50,9	89 796	97 935	59,3	15,8
Полесская	9,4	11,2	135,7	65,4	52,1	50,8	20 311	21 950	56,2	7,4
БССР	17,0	24,7	162,2	64,9	49,4	51,4	370 178	411 104	56,8	16,9

Примечание: *) – удельный вес белорусов в составе городского населения (оба пола) и степень их урбанизированности.

Кустарно-ремесленное производство с элементами НЭП, отсутствие достаточного количества рабочих мест в восстановленной экономике городов БССР, наличие безработных свидетельствовали практически о дореволюционной социальной структуре городского населения, что и отражают данные таблицы 2 [11, с. 2]. Подтверждает это и наличие в белорусских городах фабрикантов / заводчиков, которых среди хозяев с наемными рабочими учла перепись 1926 г. Их было 28 человек (27 муж. и 1 жен.) [11, с. 54].

Таблица 2 – Социальная структура городского самостоятельного населения БССР в 1926 г.

Положение в занятии	Муж.	%%	Жен.	%%	Всего	% к итогу
Рабочие	52 181	77,1	15 487	22,9	67 668	17,7
Служащие	49 206	63,5	28 311	36,5	77 517	20,3
Свободные профессии	1 429	74,2	497	25,8	1 926	0,5
Хозяева с наем. рабоч.	3 658	86,4	575	13,6	4 233	1,1
Хозяева с семьей*	24 642	87,6	3 477	12,4	28 119	7,4
Одиночки	30 829	78,2	8 582	21,8	39 411	10,3
Члены семьи **	20 092	40,3	29 799	59,7	49 891	13,0
Не имеющие занятий	23 329	58,2	16 732	41,8	40 061	10,5
Безработные	13 597	62,3	8 239	27,7	21 836	5,7
Военнослужащие	51 576	100	12	0	51 588	13,5
Все население	270 549	100,0	111 721	100,0	382 270	100,0

Примечание: *) – хозяева, работающие только с членами семьи, и члены артели; **) – члены семьи, помогающие в занятии.

Из всего занятого городского населения на фабриках и заводах работало 20 тыс. мужчин и 7,8 тыс. женщин, большая половина из которых работала на предприятиях Витебского, Минского и Гомельского округов. В строительстве было занято соответственно 2,2 тыс. мужчин и 15 женщин, а на железнодорожном транспорте – более 10 тыс. мужчин и 315 женщин [11, с. 2, 4, 7, 8]. В этих трех отраслях было занято около 40 тыс. человек (абсолютное большинство мужчин), что составляло 10,6 % от всех лиц, имевших занятия в городских поселениях. Только более половины из них являлись квалифицированными рабочими [11, с. 22–32]. Это свидетельствует об очень низком уровне индустриального развития республики в середине 1920-х гг.

Белорусская промышленность сохранила ремесленно-кустарный характер. По данным 1925 г. на 40 тыс. промышленных предприятий местного значения (в городских и сельских поселениях) работало 56 тыс. человек и приходилось 2,8 тыс. механических двигателей. Только на 53 предприятиях насчитывалось более 30 рабочих. СНК БССР отмечало, что эти показатели «ярко рисуют карликовый размер предприятий...», которые на 95 % находились в частных руках [12, с. 239].

Белорусский регион в СССР оставался аграрным. Индустриализация по многим причинам проводилась медленно. Основные причины, на примере экономического развития Гомельщины в межвоенный период, рассмотрены в специальной статье [13].

В 1930-е гг. зародилась традиция, когда крупные предприятия, не привязанные непосредственно к источникам сырья, создавались в административных городах уже достаточно больших по тем временам. В таких городах, как правило, открывались высшие и средние учебные заведения, научные учреждения, библиотеки, строились клубы, кинотеатры, дворцы культуры (общегородские и фабрично-заводские), создавались музеи, театры и другие культурно-образовательные и научные учреждения, строились стадионы и спортивные площадки. Это способствовало развитию различных отраслей народного хозяйства, росту численности городского населения, ускорению урбанизационного процесса в БССР. Какой стала отраслевая структура городского населения в областях БССР к концу 1930-х гг. видно из достаточно информационной таблицы 3 [3, л. 26], [5, л. 47], [6, л. 45], [7, л. 47], [8, л. 51], [9, л. 42].

Таблица 3 – Городское население, занятое в отраслях народного хозяйства в 1939 г.

Промышленность	Сельское хозяйство	Лесное хозяйство	Строительство	Транспорт и связь	Торговля и общепит	Жилкомхоз	Просвещение, наука, искусство, печать	Здравоохранение	Госучреждения, парт. и обществ. организации	Не распределено по отраслям народного хозяйства	Всего
Витебская область											
64035	8410	1013	10274	16045	15662	4098	9801	7516	9150	16706	162710
39,36	5,17	0,62	6,31	9,86	9,63	2,52	6,02	4,62	5,62	10,27	100,00
г. Витебск											
39980	2000	415	4294	7602	6751	2078	5185	3845	3779	8135	84064
47,56	2,38	0,54	5,11	9,04	8,03	2,47	6,17	4,57	4,50	9,68	100,00
Гомельская область											
45116	6713	870	5804	12241	10435	2791	6606	4823	6126	12016	113541
39,74	5,91	0,77	5,11	10,78	9,19	2,46	5,82	4,25	5,40	10,58	100,00
г. Гомель											
21214	1181	285	2767	7839	5463	1698	3399	2725	3043	5654	54468
38,95	2,17	0,52	5,08	14,39	10,03	3,12	6,24	5,0	5,59	10,38	100,00
Минская область											
55 667	12361	1399	13822	9986	19460	5390	14776	9254	16170	19470	177755
31,32	6,95	0,79	7,77	5,62	10,95	3,03	8,31	5,21	9,10	10,95	100,00
г. Минск											
36 280	3 819	322	9 494	6 762	12954	3884	11184	6475	11368	12243	114785
31,61	3,33	0,28	8,27	5,89	11,29	3,38	9,74	5,64	9,90	10,67	100,00
Могилевская область.											
50028	11967	1776	11443	10074	12293	3450	8500	6367	9007	15794	140699
35,56	8,50	1,26	8,13	7,16	8,74	2,45	6,04	4,53	6,40	11,23	100,00
г. Могилев											
18148	1544	121	5741	3618	3878	1336	2678	2599	3393	5055	48111
37,72	3,21	0,25	11,93	7,52	8,06	2,78	5,57	5,40	7,50	10,51	100,00
Полесская область											
7 329	5 222	1121	1 604	2 298	3 816	692	2 009	1389	3385	3796	32 161
22,79	16,24	3,49	4,99	7,15	10,31	2,15	6,24	4,32	10,53	11,80	100,00
г. Мозырь											
2 084	337	273	612	502	760	231	573	502	1 002	826	7 702
27,06	4,37	3,54	7,95	6,52	9,87	3,00	7,44	6,52	13,01	10,72	100,00
БССР											
222175	44673	6179	42947	50644	61166	16421	41692	29349	43838	67782	626866
35,44	7,13	0,99	6,85	8,08	9,76	2,62	6,65	4,68	6,99	10,81	100,00

Городское население было занято в отраслях материального и нематериального производства. Примерно половина (в среднем по республике) трудилась в промышленности, строительстве и на транспорте, хотя с точки зрения профессиональной деятельности около 10 % ра-

бочих и служащих этих отраслей, на наш взгляд, в эту категорию включены без достаточных оснований. Это грузчики, извозчики, сторожа, дворники вахтеры, уборщицы, истопники, землекопы, поденщики, разносчики и другие лица. Все они являлись вспомогательным персоналом и искусственно увеличивали количество рабочих и служащих этих трех индустриальных отраслей. В значительном количестве они были заняты и в нематериальной сфере производства.

Есть основание считать, что в результате «местечковой урбанизации» среди занятого городского населения оказались лица, которые трудились в сельском хозяйстве. Таких было более 7 % в целом по республике и более 16 % в Полесской области (см. таблицу 3).

Данные, представленные в таблице 3 свидетельствуют не только об уровне экономического развития региона в конце 1930-х гг., но и об изменениях в социальной структуре городского населения. Очевидны некоторые различия по областям. Так, доля занятых в промышленности была самой высокой в Витебской и Гомельской областях, а самой низкой в Полесской области. Доля не распределенных по отраслям народного хозяйства (так по данным переписи 1939 г. учтены военнослужащие) была примерно одинаковой во всех белорусских областях. Причины большой концентрации военнослужащих в Белорусском особом военном округе в 1939 г. и разной их количественной дислокации в городских поселениях и сельской местности по сравнению с 1926 г. автор рассмотрел в специальной статье [14].

Анализ рассекреченных архивных данных показал, что в областных центрах БССР было сосредоточено значительное количество занятого городского населения областей. В Минске (областной и столичный центр) трудилось 64,6 % такого населения, в Витебске – 51,7 %, в Гомеле – 48,0 %, в Могилеве – 34,2 % и в Мозыре – 23,9 % [подсчитано по таблице 3]. Относительная численность всего городского населения, проживавшего в областных центрах, тоже подтверждает примерно такую же концентрацию в Витебске – 48,7 %, в Гомеле – 54,9 %, в Могилеве – 31,4 %. В Минске проживало 62,0 % городского населения области, а в Мозыре – 23,2 % [5, л. 1], [6, л. 1], [7, л. 1], [8, л. 1], [9]. Это связано с тем, что в областных центрах был разный уровень развития отраслей материальной и нематериальной сфер деятельности, обуславливавших разное притяжение сельского населения в областные и другие города. Полесская область и г. Мозырь (всего 17,5 тыс. населения в 1939 г.) имели самый низкий уровень экономического и культурного развития в сравнении с другими областями и областными центрами.

Массовым источником пополнения городского населения оставалось сельское население, перемещавшееся в города своих регионов. Перспектива развития промышленности и транспорта, учебных и культурных заведений, другие факторы в значительной мере влияли на увеличение городского населения за счет жителей, прибывавших из других городских поселений и сел. Впервые нами установлен такой приток в 1938 г. на примере Гомельской области.

Таблица 4 – Прибытие населения в города Гомельской области в 1938 г. в % к итогу.

Откуда прибыли	Из города	Из села	Всего
Гомельская область	9,42	29,97	39,39
Из других мест, в т. ч.	41,61	19,00	60,61
Витебская область	2,72	0,93	3,65
Минская область	8,61	1,85	10,46
Могилевская область	5,69	3,22	8,91
Полесская область	2,26	4,55	6,81
УССР	5,45	3,86	9,51
Киевская область	1,32	0,33	1,65
Черниговская область	1,29	2,78	4,07
РСФСР	16,28	4,47	20,75
г. Ленинград	4,03	–	4,03
г. Москва	3,03	–	3,03
Орловская область	2,30	1,62	3,92

Как видно из таблицы 4 [15, л. 49], из-за пределов Гомельской области прибыло 60,61 %. Прибывших из городов как БССР, так РСФСР и УССР оказалось 51,03 %, а из села – 48,97 %. На наш взгляд, среди прибывших из городов соседних республик, из Минска и областных центров БССР могли быть выпускники вузов и техникумов, в т. ч. и уроженцы Гомельщины, ИТР и служащие, квалифицированные рабочие, творческая интеллигенция, воен-

нослужащие и др. Абсолютные цифры нами не выявлены, что затрудняет адекватность оценки этих миграционных процессов. Видно также, что в данном процессе участвовало и население белорусско-российско-украинского пограничья.

В политической энциклопедии указано, что индустриализация в СССР официально завершилась к середине 1930-х гг., а превращение в индустриальное государство было осуществлено во второй половине 1950-х – 1960-е гг. [16, с. 437]. В БССР этот процесс был завершён в середине 1970-х гг. Индустриализация – это и урбанизация. В БССР они имели свою специфику. Они изменили социальный состав городского населения. Советская классовая структура сложилась к концу 1930-х гг. и традиционно считалась следующей: рабочие, служащие / интеллигенция и крестьяне, что обстоятельно проанализировано в известном исследовании [17]. В БССР в 1937 г. конституционно был закреплён статус кустарей и крестьян-единоличников, что необходимо учитывать при изучении социальной структуры белорусского общества. Этот социально-классовый спектр представлен в таблице 5 [18, л. 5], [19, л. 3], [20, л. 3], [21, л. 3], [22, л. 3], [23, л. 3]. В документах переписи 1939 г. социальный состав населения представлен под общим названием «общественные группы».

Таблица 5 – Социальная структура городского населения в 1939 г. (абс.)

Общественные группы	Витебская область			Гомельская область		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Рабочие	52 728	39 779	92 507	38 653	22 376	61 029
Служащие	30 124	19 166	49 290	23 524	14 306	37 830
Колхозники	7 164	2 426	9 590	5 232	1 871	7 103
Кооперирован. кустари	5 135	3 918	9 053	3 760	2 030	5 790
Некоопериров. кустари	1 498	277	1 775	843	225	1 068
Крест.-единоличники	272	223	495	349	372	721
Итого	96 921	65 789	162 710	72 361	41 180	113 541
Общественные группы	Минская область			Могилевская область		
Рабочие	52 396	34 359	86 755	46 422	27 074	73 496
Служащие	40 362	26 840	67 202	28 021	15 400	43 421
Колхозники	9 176	3 505	12 681	7 883	3 498	11 381
Кооперирован. кустари	5 308	3 125	8 433	5 994	3 348	9 342
Некоопериров. кустари	1 275	265	1 540	1 692	319	2 011
Крест.-единоличники	604	540	1 144	469	579	1 048
Итого	109 121	68 634	177 755	90 481	50 218	140 699
Общественные группы	Полесская область			БССР		
Рабочие	7 864	4 137	12 001	198 063	127 725	325 788
Служащие	7 739	3 803	11 542	129 770	79 515	209 285
Колхозники	2 773	1 859	4 632	32 228	13 159	45 387
Кооперирован. кустари	1 721	856	2 577	21 918	13 277	35 195
Некоопериров. кустари	550	110	660	5 858	1 196	7 054
Крест.-единоличники	397	352	749	2 091	2 066	4 157
Итого	21 044	11 117	32 161	389 928	236 938	626 866

Таблица 5 даёт наглядное представление о социальной структуре городского населения, занятого в отраслях материального и нематериального производства по областям и в целом по БССР. Она разнообразнее чем принято считать и делить городское население только на рабочих и служащих. В научных и учебных изданиях ещё встречаются устаревшие или завышенные данные о численности рабочих. Так, в пятом томе шеститомной «Гісторыі Беларусі» указано, что «в конце 1930-х гг. 2/3 населения городов составляли рабочие госпредприятий...» [24, с. 288]. Нами установлено, что в 1939 г. в БССР среди городского населения с семьями все рабочие с семьями составляли 47,3 %. Среди всего городского населения, имеющего занятия, рабочих было 52,0 %, служащих – 33,6 %, колхозников – 7,2 %, кооперированных кустарей – 5,6 %, некооперированных кустарей – 1,1 %, крестьян-единоличников – 0,7 % [18, л. 5]. По нашим расчётам, из всего городского населения на рабочих промышленности с семьями приходилось примерно 22,0 %, а без семей – около 11,0 %. От всех рабочих города рабочие промышленности составляли 46,3 % [18, л. 5, 10, 26]. Как видим, ни в каких сравнениях с различными группами населения белорусского города рабочие госпредприятий не составляли 2/3. Такого преобладания в действительности быть не могло, т. к. социальный состав городского населения был иным.

Демографический и этнокультурный уровень, профессиональная характеристика рабочих и служащих требует специального исследования, чтобы адекватно и полно определить их облик и роль в развитии белорусского общества в межвоенный период, претерпевшего значительные прогрессивные изменения в условиях советской мобилизационной модернизации всех его сторон.

Советский метод индустриализации базировался на решающей роли государства в экономике, волевых решениях партийно-советского руководства. Взаимосвязанные и взаимообусловленные экономические и политические трансформации вызвали значительные изменения во всех сферах жизнедеятельности БССР, в том числе и в социальной структуре городского населения, палитра которого была более разнообразна, чем принято считать, т. е. одни рабочие и служащие. Их численность была несколько преувеличена за счет обслуживающего персонала. Республика только вступала на путь индустриального развития и оставалось в большей степени аграрной, чем индустриальной. Достигнутый уровень индустриального развития БССР к концу 1930-х гг. в условиях советской мобилизационной модернизации требует самостоятельного исследования.

Статья подготовлена в рамках Государственной программы научных исследований на 2021–2025 годы «12. ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», 2021–2025 годы» Подпрограмма «12.1. подпрограмма «История». Проект НИР. Задание 1,03. «Изменения социальной структуры населения и государственной социальной политики в Беларуси в условиях советской модернизации 1921–1991 годов»

Литература

1. Жиромская, В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В. Б. Жиромская. – М. : РОССПЭН, 2001. – 280 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 30. Оп. 7. Д.20. города Л. 1.
3. Белорусская ССР. Основные итоги // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257.
4. Белорусская ССР // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 913.
5. Витебская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 375.
6. Гомельская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376.
7. Минская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 377.
8. Могилевская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 379.
9. Полесская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 380.
10. Минск // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 378.
11. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Т. XXVII. Белорусская Советская Социалистическая Республика. Отд. II. Занятия. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – 156 с.
12. Белорусская Советская Социалистическая Республика. – Минск : СНК БССР, 1927. – 528 с.
13. Старовойтов, М. И. Экономическая и политическая трансформации на Гомельщине (1920–1930-е гг.) / М. И. Старовойтов // Беларусь у гістарычнай рэспрэктыве XIX–XXI стагоддзяў : этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы : матэрыялы Рэспубліканскай навук. канф., Гомель, 14 кастрыч. 2021 г. ; рэдкал.: А. Р. Яшчанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ ім. Ф. Скарыны, 2021. – С. 187–193.
14. Старовойтов, М. И. Национальный и социальный состав военнослужащих Белорусского военного округа накануне Второй мировой войны / М. И. Старовойтов // Идеологические аспекты военной безопасности. Научно-практическое приложение к журналу «Армия» Министерства обороны Республики Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 8–15.
15. Механизм движения населения по союзным республикам // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 20. Д. 143.
16. Овсянников, А. А. Индустриализация / А. А. Овсянников // Полит. энцикл. : в 2 т. – М. : Мысль, 1999. – Т. 1. – С. 436–437.
17. Изменения социальной структуры советского общества : (1921 – сер. 30-х гг.) – М., 1979. – 343 с.
18. Белорусская ССР. Дополнительные таблицы // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 429.
19. Витебская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 547.
20. Гомельская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 548.
21. Минская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 549.
22. Могилевская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 551.
23. Полесская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 552.
24. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. – 613 с.

Бітва за Слуцк 1648 г.: малавядомы эпизод казацка-сялянскай вайны

С.А. ЧАРОПКА

У артыкуле даследуюцца асобныя фрагменты казацка-сялянскай вайны ў Беларусі 1648–1651 гг., у прыватнасці бітва за Слуцк, якая адбылася ў жніўні-верасні 1648 г. Аўтар паказвае сітуацыю, якая склалася ў рэгіёне ў канцы лета 1648 г., падрабязна апісвае падзеі, звязаныя са спробай авалодання Слуцкам шляхам перамоў. У выніку даследавання аўтар прыходзіць да высновы, што перамога літоўскага войска пад Слуцкам мела важнае стратэгічнае значэнне. Разгром казакаў перашкодзіў распаўсюджванню паўстання ў цэнтральнай Беларусі, даў урадавым сілам магчымасць канцэнтрыраваць сілы і падрыхтавацца да наступнага контрнаступлення.

Ключавыя словы: казацка-сялянская вайна, армія ВКЛ, казакі, шляхта, Палессе, Слуцк.

This article examines some fragments of the Cossack-peasant war in Belarus in 1648–1651, in particular the battle for Sluck, which took place in August-September 1648. The author shows the situation in the region at the end of the summer of 1648, describes the events in detail, related to the attempt to take control of Sluck through negotiations. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the victory of the army of Great Duchy of Lithuania near Sluck had an important strategic significance. The defeat of the Cossacks prevented the spread of the uprising in central Belarus, gave the government forces the opportunity to concentrate their forces and prepare for the next counteroffensive.

Keywords: Cossack-peasant war, army of Great Duchy of Lithuania, Cossacks, gentry, Pallessie, Sluck.

Уводзіны. Бурныя падзеі сярэдзіны – другой паловы XVII ст. адыгралі значную ролю ў гісторыі Беларусі і суседніх краін, яны аказалі значны ўплыў не толькі на грамадска-палітычныя і эканамічныя працэсы ў Вялікім княстве Літоўскім (далей – ВКЛ), але і на дэмаграфічнае становішча ў рэгіёне, а таксама этнічныя і рэлігійныя працэсы на абшарах Усходняй Еўропы. Адной з найбольш яскравых падзей ваеннага ліхалецця сярэдзіны XVII ст. стала грамадзянская па сваёй сутнасці казацка-сялянская вайна, якая разгарнулася ў ВКЛ у 1648–1651 гг. Падзеі казацка-сялянскай вайны ўжо прыцягвалі ўвагу беларускіх, украінскіх гісторыкаў. Вайсковы кампанент гэтай важнай падзеі адлюстраваны ў працах Л.С. Абецэдарскага, аднак асобныя яе аспекты дагэтуль не знайшлі пільнага вывучэння ў гістарыяграфіі [1]–[6]. Мэтай прадстаўленага даследавання з’яўляецца вывучэнне аднаго з малавядомых эпизодаў вайны – бітвы пад Слуцкам.

Асноўная частка. У сярэдзіне жніўня 1648 г. казацкія загоны пачалі прасоўванне ў двух асноўных накірунках – з Рэчыцы на поўнач, на Белую Русь, з Мазыра на захад – у Палессе. У заходнім накірунку рушыў атрад на чале з «кастырскім» гетманам Я. Сакалоўскім, а на змену яму ў Мазыр прыйшоў атрад на чале з палкоўнікам Міхненкам [7, с. 103–106, 161–163]. Па розных звестках гэты атрад налічваў ад некалькіх да 20 тыс. чалавек [8], [9].

Рухаючыся па Палессю загон Я. Сакалоўскага не сустракаў ніякага супраціўлення. Значная частка мясцовага насельніцтва прыязна сустракала і падтрымлівала казацкае войска, актыўна дапамагала яму ў прасоўванні па мясцовасці, некаторыя далучаліся да яго або стваралі ўласныя атрады. Дасягнуўшы Турава «...на Палессі, Мазыром, Туравам, Кажан-Гарадком, апанаваўшы, на тры загоны казацкае войска падзялілася» [9, арк. 152 адв.]. Частка казацкага войска зышла на Валынь, другая частка накіравалася далей на Пінск, трэцяя частка пайшла ў Слуцк.

Паход на Слуцк, які належаў аднаму з даволі аўтарытэтных магнатаў Вялікага княства Літоўскага – Багуславу Радзівілу, не быў выпадковаю з’яваю: авалоданне горадам давала магчымасць бесперашкоднага распаўсюджвання казацка-сялянскага руху не толькі на Палессі і Белай Русі, але і на Літве. Пэўныя спадзяванні на паспяховыя вынікі паходу на Слуцк давала не толькі агульная падтрымка казакаў з боку значнай часткі дызуніцкага праваслаўнага насельніцтва, але і тая акалічнасць, што яшчэ з 30-х гг. паміж жыхарамі Слуцка і Кіева існавалі трывалыя сувязі [10, с. 6]. Гэтыя сувязі і сталі фармальным абгрунтаваннем падыходу да горада загона Я. Сакалоўскага, які сам дарэчы паходзіў са слускай шляхты [11, с. 20]. Як пазней заявілі казацкія паслы ў Слуцку, «халопы ваши з плачам нам наведямляюць, быццам бы забаранялі набажэнствы паводле звычайу старадаўніх у цэрквах рускіх» [12, с. 135].

23 жніўня загон Сакалоўскага колькасцю 2 тыс. шабель падышоў да Слуцка, але авалодаць горадам з ходу не ўдалося. Гарнізон быў гатовы да абароны і пры з'яўленні казакаў было дадзена два залпы з гарматаў. Як паказвае крыніца, якасць узбраення слускага гарнізона аказалася не на вышыні: *«Гарматы ... калі выстралілі ... першы раз толькі праз тры дамы ядры пераляцелі, а на дах чацвёртага дома падалі... Мушкеты ... калі іх звычайна зараджалі, разрываюцца, двум драгунам рукі паадрывалі»* [12, с. 134]. Аднак нягледзячы на тое, што жывой сіле праціўніка ніякага ўрону нанесена не было, пэўны эфект ад гэтых залпаў ўсё ж быў. Сасноўскі красамоўна даў зразумець Сакалоўскаму, што горад без боя здадзены не будзе. У сувязі з гэтым казацкі загон вымушаны быў адысці непасрэдна ад горада і размясціцца ў в. Бранчыцы, што ў 20 км ад Слуцка (зараз вёска Салігорскага раёна).

З іншага боку, першае сутыкненне з казакамі прадэманстравала недастатковую падрыхтаванасць слускага гарнізона да абароны. Тым больш, што частка мяшчан, якая прыхільна ставілася да казакаў, рыхтавалася да антыўрадавага паўстання, аб чым у сваім лісце ад 23 жніўня 1648 г. паведамляе камендант замка Ян Сасноўскі. Ён піша: *«вушы мае самі пачулі, што хутка казакі прыйдуць, тады мяне, звязаўшы, выдадуць»* [12, с. 134]. Аб наяўнасці ў Слуцку пэўнай групойкі, якая мела сувязь з казакамі, сведчаць і паводзіны аднаго з казацкіх паслоў, які, будучы ў горадзе, накіраваўся на слупкі рынак, дзе ён *«быццам бы шукаў кагосьці»* [12, с. 134]. Аднак колькасць і, што найбольш важна, уплыў прыхільных да казакаў мяшчан верагодна не былі настолькі вялікімі, як ў Тураве або Гомелі. Пэўная частка мяшчан не была зацікаўлена ў анархіі, у якой без сумнення на некаторы час апынуўся б горад пасля праказацкага паўстання. Гэтая частка слупкіх мяшчан была зацікаўлена ў захаванні існуючага становішча і таму асцярожна падтрымлівала ўрадавы бок. Камендант Сасноўскі дакладвае, што аб патэнцыяльнай *«здрадзе»* з боку часткі слупкіх мяшчан *«... папярэджанні ад самой русі свецкай і духоўнай меў»* [12, с. 133]. У сувязі з адсутнасцю аднадушнай падтрымкі з боку слускага мяшчанства прыхільнікі казакаў апасаліся адкрыта выступіць супраць улады, таму ў якасці тактыкі дапамогі казакам быў выбраны сабатаж. Сучаснік адзначае: *«Падслухалі прыватную размову мяшчан слупкіх, якія паабяцалі падчас штурму дагары страляць»* [12, с. 134].

Нягледзячы на пэўныя недахопы ў арганізацыі абароны, з ваеннага пункту гледжання Слуцк усё ж з'яўляўся даволі моцнай фартэцыяй, сілавое авалоданне якой патрабавала значных рэсурсаў. Для ўладальнікаў горада першай паловы XVII ст. Януша Радзівіла і яго сына Багуслава Радзівіла Слуцк быў асноўнай рэзідэнцыяй, але яго абароназдольнасць тлумачылася не толькі справай прэстыжу. Ва ўмовах палітычнай нестабільнасці, звязанай з барацьбой паміж магнатамі (Януш Радзівіл быў у надзвычай варожых адносінах з вялікім гетманам літоўскім Янам Каралем Хадкевічам), патэнцыяльнай пагрозай з боку казакаў (у 1595 г. казакі Севярына Налівайкі без супраціўлення авалодалі горадам), а таксама частымі войнамі з Расійскай дзяржавай, падтрыманне абароназдольнасці Слуцка было абсалютна неабходнай справай. У сувязі з гэтым для ўмацавання горада ўладальнікамі выдаткоўваліся вялікія сродкі.

Умацаванні Слуцка складаліся з умацаванняў комплекса Старога і Новага замкаў. Стары замак, у сваю чаргу, уключаў у сябе два элементы – Верхні і Ніжні замкі. Абодва замкі былі акружаны вадой. На правым беразе Случы знаходзіліся Верхні замак, у які можна было патрапіць толькі па масту праз чатырох'ярусную браму. Па перыметру Верхняга замка ішла гародня, ад Ніжняга замка ён быў аддзелены ровам. З боку Ніжняга замка знаходзілася вежа-брама. Ніжні замак меў некалькі вежаў, што злучаліся гародняй, па верху якой праходзіла закрытая дахам баявая галерэя. Патрапіць у Ніжні замак з горада можна было праз вежу з брамаю, да якой вёў мост некалькімі пад'ёмнымі секцыямі. Новы замак або Новае места быў агароджаны драўляным штакетам, уваход у горад кантралявалі тры брамы [13, с. 63], [14, с. 157–159].

Я. Сакалоўскі не валодаў дастаковымі сіламі і сродкамі, каб авалодаць горадам баявым шляхам, а ў сувязі з тым, што паўстання ў горадзе не адбылося, казацкі гетман вымушаны быў накіраваць пасольства да каменданта горада Яна Сасноўскага [15]. Фармальнай нагодай для гэтага стала пільная неабходнасць у казакаў адсвяткаваць Успенне Багародзіцы: *«Мы (шляхта – С.Ч.) пыталі, што яны маюць за патрэбы ў прыходзе да Слуцка. Адказалі (казакі – С.Ч.), для будучага набажэнства, што і ў лісце сваім абазначылі»* [12, с. 136]. Спадзеючыся на падыход да Слуцка дапамогі, камендант быў зацікаўлены ў перагаворах, таму *«прынялі іх (паслоў – С.Ч.) удзячна, далі ім есць і піць добра»*. Для прадухілення магчымай атакі горада

падчас перамоваў Я. Сасноўскі загадаў «*няхоце стаць пасярод брамы*», забяспечыўшы бяспеку адчыненых падчас перамоваў варот. Слуцкія мяшчане выйшлі на гарадскі вал і з цікавасцю назіралі за падзеямі.

Тым часам камендант прымаў пасольства. «*Прывялі траіх казакаў, якія ліст аддалі ад гетмана свайго*» [12, с. 136]. Падчас абеду казакі акрамя рэлігійнага матыву свайго з'яўлення каля Слуцка дадалі яшчэ адзін. «*Пры гэтым маем прыватную справу, – заявлі яны – хочам ведаць аб жыдах, якіх тут відаць, найбольш*». Матывы цікавасці казакаў у галіне этнарэлігійнага складу Слуцка ў святле падзей на Украіне і Палессі былі відавочныя. Пры гэтым паслы спасылаліся на «*загад Хмяльніцкага гетмана, каб аб іх (яўрэях – С.Ч.) перапыталі і дабывалі*» [12, с. 136]. Патрабаванні, якія былі выкладзены ў лісце «кастырскага» гетмана Я. Сакалоўскага да каменданта Я. Сасноўскага, былі вельмі простыя – мяшчане павінны здаць горад. «*Паноў мяшчанаў горада Слуцкага пакорна просім, каб паны мяшчане, сабраўшыся грамадою гарадской і са святарамі тамашнімі, парайушыя паміж сабою, нас, як звычай хрысціянскі, з працэсіяй на прадмесці сустрэкалі*» [12, с. 136]. Трэба адзначыць, што ліст быў напісаны з захаваннем тагачаснага этыкету, а ў самім лісце падкрэслівалася вернасць памерламу нядаўна каралю. Акрамя таго казакі запатрабавалі ад Сасноўскага «*дзесяць тысяч золотых і фаленышу (англійскага або галандскага палатна, з якога шылі адзенне дробныя шляхціцы – С.Ч.) шэсць тысячаў лакцей, і па каню гетману, сотніку і асавулам*» [15, с. 178].

Пасля абеду, паслы «*выпіўшы, напросіліся да царквы*», цікава, што камендант, разумеючы небяспеку непасрэднай сустрэчы казакаў са слуцкімі мяшчанамі, тым не менш не адмовіў ім у гэтай просьбе. Казакі вельмі спадзяваліся на падтрымку з боку праваслаўнага дызуніцкага духавенства горада, якое мела істотны аўтарытэт сярод случан. «*Адзін (з казакаў – С.Ч.) пайшоў да царквы і, сустрэўшы на могілках пратапопа, дадаў ліст, да архімандрыта (Феадосія Васілевіча – С.Ч.) пісаны. Архімандрыта няма самога (у горадзе – С.Ч.)*» [12, с. 136]. Аднак, нягледзячы на прадпрынятыя захады і сімпатыю да казакаў часткі мяшчан, распаліць паўстанне ў гораде ўсё ж не атрымалася. На нашу думку, вялікую ролю ў гэтым адыграла пазіцыя архімандрыта Феадосія, які фактычна адмовіўся ад супрацоўніцтва з казакамі Сакалоўскага і падтрымаў урадавы бок.

Я. Сасноўскі, не валодаючы значнымі сіламі і апасаючыся паўстання ў горадзе, наўмысна рознымі спосабамі зацягваў перагаворы, спадзеючыся на хуткі падыход падмацавання. З гэтай мэтай ён «*абяцаў 10 тыс. чырвоных золотых ім даць і 6 тыс. локцяў сукні, каб не пустошылі воласці трымаў іх у надзеі атрыманне гэтых грошаў ...а казакаў у горадзе па дзясятку, па два дзясяткі частаваў і піў (з імі) увесь час*» [12, с. 149].

Тактыка зацягвання перамоваў дала станоўчы вынік. Ужо праз некалькі дзён у ноч з 28 на 29 жніўня ў Слуцк патаемна ўвайшлі накіраваныя Я. Радзівілам 6 харугваў літоўскага. «*Прыйшло пяхоты 100 князя пана канюшага і дзве харугвы татары таго ж князя, меў таксама трэцюю харугву казацкую і дзве пяхоты з панам Юшкевічам князя пана гетмана*» [8, арк. 151]. Такім чынам, гарнізон горада ўзмацніўся на 3 пяхотныя, 2 татарскія і адну казацкую харугвы і колькасць дасягнуў лічбы ў 600–1000 жаўнераў, што істотна змяніла становішча супрацьлеглых бакоў пад Слуцкам. Я. Сасноўскі спыніў перамовы і стаў рыхтавацца да актыўных баявых дзеянняў.

Суадносіны сіл складваліся не на карысць казакаў, далейшая аблога горада становілася бесперспектыўнай, а шансы на паўстанне мяшчан яшчэ больш знізіліся. У сувязі са зменай сітуацыі Я. Сакалоўскі вымушаны быў пераходзіць да сілавога варыянту авалодання горадам. На дапамогу «кастырскаму» гетману з Палесся выдвінуўся атрад казакаў, які, аднак, быў разбіты па дарозе. Тым не менш, шансы на перамогу былі, таму што загон Сакалоўскага папаўняўся за кошт сялян слуцкага наваколля.

30–31 жніўня казацкі загон пачаў штурм горада, аднак абаронцы здолелі адбіць тры атакі, прычым вялікую дапамогу аказалі слуцкія мяшчане. Падчас першага штурму атакуючыя страцілі каля 600 чалавек [8, арк. 151]. Другі штурм аказаўся таксама безвыніковым. Сакалоўскі вырашыў выманіць літоўскіх жаўнераў з горада, дзеля чаго казакі зрабілі выгляд, што яны разам з абозам адыходзяць ад горада. Аднак Сасноўскі не стаў даганяць адыходзячых казакаў, а заняў пазіцыю чакання. У сувязі з тым, што манёўр з ложным адступленнем не даў эфекту, казакі вярнуліся да Слуцка і пачалі трэці штурм горада, які аказаўся самым крывапралітным. Для змяншэння колькасці страт асабістага складу Сасноўскі выкарыстаў вазы, якія казакі рухалі перад сабой пры падыходзе да

гарадскога паркану. Аднак случкі гарнізон здолеў паспяхова адбіць і гэтую спробу авалодаць горадам, прычым атакуючыя панеслі цяжкія страты ў асабістым складе. Падчас усіх трох штурмаў горада казацкі загон страціў каля 1,5 тыс. чалавек [11, с. 20].

Крыштаф Хадкевіч так апісвае сітуацыю: *«Пан Бог благаславіў: забіта каля шасцісот чалавек гэтых халопаў, потым зноў і другі раз таксама нанеслі ім (казакам – С.Ч.) вялікі ўрон, а тым часам ... (казакі – С.Ч.) вазы перад сабой выставілі і трэці раз войскам на Слуцк пайшлі, а калі нічога не здолелі зрабіць, адышлі назад»* [16, с. 179].

Значныя страты з боку паўстанцаў дазволілі абаронцам Слуцка перайсці ў контрнаступленне. 4 верасня літоўская кавалерыя колькасцю ў 600 шабелъ атакавала адступаючых казакаў, пераследуючы іх да вёскі Пагост, што ў 35 км ад Слуцка (зараз вёска Пагост-1 у Салігорскім раёне) [16, с. 179]. Невядомы сучаснік адзначае: *«У мінулую пятніцу (данясенне датуецца 6 верасня, якое ў 1648 г. прыпадала на нядзелю – С.Ч.) раптам сабраўся (Я. Сасноўскі – С.Ч.) і ўдарыў па казакам»* [12, с. 149]. Каля маста праз раку Случ, захаванне кантроля над якім было неабходна казакам для далейшага адступлення, разгарэўся караткачасовы, але вельмі ўпарты бой. *«Добра іх білі ўначы працягам гадзіны,»* – узгадвае сучаснік [12, с. 149]. Адступаючыя казакі пад напорам літоўскай кавалерыі вымушаны былі ратавацца, *«адны ўплаў праз раку Случ, іншыя з мосту скакалі і тапіліся»* [16, с. 179]. Пераправа праз Случ некалькіх харугваў літоўскай кавалерыі зрабіла далейшае супраціўленне бессэнсоўным, таму тыя казакі, якія яшчэ маглі вырвацца з акружэння, пачалі імкліва адступаць у паўднёвым накірунку.

У бітве каля Пагоста загінула каля 2 тыс. казакаў і мясцовых паўстанцаў, *«дзясяткі найзначнейшых (казакаў – С.Ч.) іншых некалькі соцень палеглі, патапілася немала падчас уцёкаў»* [12, с. 149], [8, арк. 151 адв., 16, с. 179]. Былі цяжка паранены казацкі гетман Я. Сакалоўскі і вайсковы пісар Турчыновіч, узятая ў палон *«вязьняў немала»*, якіх размясцілі на полі каля Слуцка, *«а ішэць значных адправілі ў Вільню»* [16, с. 179]. Літоўскія жаўнеры *«захавілі частку абоза, пяць харугваў»* [8, с. 149].

Колькасць страт у асабістым складзе літоўскага войска ўстанавіць пакуль немагчыма, аднак Крыштаф Радзівіл адзначаў, што *«і ў нашых не малая шкода»* [16, с. 179]. Тым не менш, страты былі не настолькі значнымі, каб перашкодзіць далейшаму пераследу казакаў, які працягваўся аж да Турава, куды адышлі рэшткі атрада Я. Сакалоўскага.

Заклучэнне. Перамога літоўскага войска пад Слуцкам мела важнае стратэгічнае значэнне. Разгром казакаў перашкодзіў распаўсюджванню паўстання ў цэнтральнай Беларусі, даў урадавым сілам перадышку ў гэтым накірунку, прадставіў магчымасць сканцэнтрыраваць сілы і падрыхтавацца да наступнага контрнаступлення. Разам з тым стала відавочна, што ў шляхецкага боку пакуль яшчэ не было рэсурсаў для контрнаступлення. Шляхта цалкам слухна разумела, што паражэнне Сакалоўскага, як трапна выразіўся К. Хадкевіч, *«яшчэ не амэн, бо войска (казацкае – С.Ч.) немалое яшчэ стаіць пад Мазыром, якога налічваюць на 20000»* [16, с. 179].

Літаратура

1. Абецедарский, Л. С. Борьба белорусского народа за воссоединение Белоруссии с Россией в середине XVII века / Л. С. Абецедарский // Воссоединение Украины с Россией : сб. статей. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 440 с.
2. Акіншэвіч, Л. Казацтва на Беларусі : (Гіст.-юрыдычны нарыс) / Л. Акіншэвіч // Полымя. – 1927. – № 1. – С. 172–190.
3. Кондратьев, И. Битва под Лоевом 1649 р. / И. Кондратьев // Сіверянський літопис. – 2014. – № 4. – С. 3–16.
4. Чаропка, С. Палескі паход Януша Радзівіла 1649 г. / С. Чаропка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 1. – С. 15–22.
5. Чаропка, С. Бітва пад Загаллем 1649 года ў кантэксце Казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг. / С. Чаропка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2022. – № 2. – С. 12–17.
6. Чаропка, С. А. Пінскае паўстанне 1648 г. / С. А. Чаропка // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2011. – № 5 (68). – С. 145–149.
7. Документы об Освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. – Киев, 1965. – 825 с.
8. Львоўская навуковая бібліятэка Нацыянальнай Акадэміі навук Украіны імя В.С. Стэфаніка

- (ЛНБ). – Ф. Асалинських. Спр. 225/II. Арк. 151–151 адв. – Уривак з листа Я. Радзівіла (верасень 1648 г.).
9. ЛНБ. – Ф. Асалинських. Спр. 225/II. Арк. 152 адв.–153 адв. – Лист ананімнага аўтара з ВКЛ (6 верасня 1648 г.).
10. Мицик, Ю. З матеріалів до «українського православного дипломатія» / Ю. Мицик // Наук. зап. Націон. ун-та «Києво-Могилянська академія». – 2001. – Т. 19. – С. 4–21.
11. Грицкевич, А. П. Древний город на Случи / А. П. Грицкевич. – Минск : Полымя, 1985. – 158 с.
12. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу. – Київ, 2012. – Т. 1. – 670 с.
13. Волков, Н. Оборонительные укрепления Слуцка в XII – начале XIX в. / Н. Волков // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2 : статьи и материалы III и IV Междунар. науч.-практ. Конф. «Памятники фортификации: история, реставрация, использование», Архангельск, 20–22 сентября 2012 и 15–17 сентября 2016 гг. – Архангельск, 2016. – С. 152–161.
14. Ткачѳв, М. А. Замки Белоруссии / М. А. Ткачѳв. – Минск : Полымя, 1987. – 222 с.
15. ЛНБ. – Ф. Асалинських. Спр. 225/II. Арк. 138 адв.–139. – Лист казацкага войска да гараджан Слуцка (жнівень 1648 г.).
16. Jakuba Michałowskiego, wojskiego lubelskiego, a później kasztelana bieckiego, Księga pamiętnicza. – Kraków : w drukarni C.K. Uniwersytetu, 1864. – 838 s.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 17.04.2023

Филология

УДК 821.161.3+821.112.2

Творчасць Я. Чачота і традыцыі класічнай нямецкай літаратуры
канца XVIII – пачатку XIX ст.

А.Л. БАТУРЫНА

У артыкуле творчасць Я. Чачота разглядаецца ў кантэксце нямецкай літаратуры традыцыі канца XVIII – пачатку XIX ст. Светаадчуванню Я. Чачота быў блізкі дэмакратызм нямецкіх перадрамантыкаў-штурмераў – Гётэ, Шылера, Бюргера, аднак характар стаўлення да беларускага фальклору, гісторыка-патрыятычны пафас значнай часткі твораў і імкненне да аднаўлення страчанага адзіства ў грамадстве набліжае яго да прадстаўнікоў так званага «гейдэльбергскага рамантызму».

Ключавыя словы: перадрамантызм, рамантызм, класіцызм, фальклор, народная песня, балада, гістарычная тэматыка.

In the article, the work of Jan Czeczot is considered in the context of the German literary tradition of the late 18th and early 19th centuries. Jan Czeczot's views on social problems were close to the democratic mindset of the representatives of the German pre-romantic movement Sturm und Drang young Goethe, Schiller, Bürger. The nature of his attitude to Belarusian folklore, the historical and patriotic pathos of his works and the desire to restore the unity in society give him a common ground with the representatives of the so-called Heidelberg Romanticism.

Keywords: pre-romanticism, romanticism, classicism, folklore, folk song, ballad, historical themes.

Романтызм, які нарадзіўся ў еўрапейскай культурнай прасторы на мяжы XIX і XX ст., пакінуў свой след у рэлігіі, філасофіі, палітыцы і грамадскай думцы, у значнай ступені сфарміраваў свядомасць чалавека XIX і XX ст. У сучасным беларускім літаратуразнаўстве шырокае распаўсюджанне знайшла канцэпцыя «падоўжанага рамантызму». Па словах І. Багдановіч, «романтызм з яго паэтызацыяй нацыянальна-вызваленчай барацьбы доўжыўся на Беларусі амаль стагоддзе, існаваў побач з іншымі кірункамі і стылямі (сентыменталізмам, рэалізмам, пазітывізмам, мадэрнізмам)» [1, с. 3]. Рамантычныя традыцыі з імкненнем да творчай свабоды, апяваннем Радзімы і вызваленчай барацьбы, якія нарадзіліся ў шматмоўнай літаратуры Беларусі ў першай трэці XIX ст., знайшлі свай працяг у творчасці класікаў беларускай літаратуры канца XIX – пачатку XX ст. Сучасныя беларускія даследчыкі пагаджаюцца з тым, што асновы беларускага рамантызму былі закладзеныя ў коле віленскіх філаматаў, да якіх належалі А. Міцкевіч, Т. Зан, Я. Чачот і іншыя таленавітыя маладыя людзі, якія паходзілі пераважна з беларускіх земляў.

Асобнае месца сярод філаматаў займаў Я. Чачот – «Ментар» [2, с. 11], бліжэйшы сябра А. Міцкевіча і адзін з першых рэдактараў яго твораў, таксама старшыня літаратурнага аддзелу суполкі філарэтаў. Як падкрэсліваў К. Цвірка, «Ян Чачот – гэта досвітак новай беларускай літаратуры, яе першыя крокі, прадвесце нашага нацыянальнага адраджэння» [2, с. 8]. Творчасць Я. Чачота, як і іншых прадстаўнікоў літаратуры Беларусі XIX ст., характарызуецца стылёвым сінкрэтызмам. Даследчыкі адзначаюць у ёй побач з рамантычнымі рысамі ўплывы Асветніцтва і сентыменталізму. Так, У. Мархель у дачыненні да Чачотавай манеры апрацоўкі фальклору гаворыць пра яе «адчувальную сувязь з асветніцкім рацыяналізмам» [3, с. 32]. І. Штэйнер і А. Браздзіхіна ў працы «Гісторыя беларускай літаратуры XIX стагоддзя» вылучаюць два перыяды: раннефіламацкі (перадрамантычны) і позні (асветніцка-сентыменталісцкі) [4, с. 51]. І. Бурдзялёва даследуе спадчыну Я. Чачота пераважна ў кантэксце сентыменталізму [5]. У артыкулах Л. Тарасюк і І. Шумскай грамадская, даследніцкая і літаратурная дзейнасць Я. Чачота разглядаюцца ў рамантычнай парадыгме. Л. Тарасюк

далучае творчасць Я. Чачота да перадрамантызму, «паколькі рамантычныя тэндэнцыі ў творчасці Я. Чачота яшчэ не маюць галоўнага значэння» [6, с. 42]. І. Шумская вылучае шэраг рысаў, якія дазваляюць літаратуразнаўцам разглядаць літаратурную і даследніцкую дзейнасць Я. Чачота ў кантэксце рамантызму. Гэта апяванне паэтам «дамы сэрца» – пераважна Зосі Малейскай, зварот да «тыпова рамантычнага» жанру балады, разуменне неабходнасці захавання народам Беларусі ўласнай нацыянальнай ідэнтычнасці, цікавасць да беларускай народнай песні, увага да «крывіцкай» (беларускай) мовы, спробы яе даследавання [7].

На наш погляд, перадрамантычныя і рамантычныя тэндэнцыі ў спадчыне Я. Чачота, якія былі адзначаныя вышэй згаданымі аўтарамі, патрабуюць далейшага вывучэння. Гэтаму можа спрыяць разгляд творчасці славутага філамата ў кантэксце еўрапейскай рамантычнай традыцыі. Мэта гэтага артыкула – больш дакладна вылучыць характар і сутнасць перадрамантычных і рамантычных тэндэнцый у творчасці Я. Чачота шляхам параўнання з нямецкай перадрамантычнай і рамантычнай плынямі.

Я. Чачот валодаў нямецкай мовай і быў, відавочна, знаёмы з нямецкай перадрамантычнай літаратурай. Яго абурала адсутнасць цікавасці варшаўскай публікі да літаратурнага жыцця Германіі. Так, у лісце да А. Міцкевіча 17(29) лістапада 1821 Я. Чачот скардзіўся: «Лётаючы па Варшаве ў пошуках Гёца [маецца на ўвазе гістарычная драма Гётэ “Гётц фон Берліхінген” (“Götz von Berlichingen”) – *заўвага аўтара*], падраў свае боты, але нідзе яго асобна не мог знайсці. <...> Нямецкіх кніг тут, можна сказаць, зусім не ведаюць, бо не любяць. Пфаф і Вэнцкі зусім іх не трымаюць, Глюксберг [варшаўскі кнігапрадаўца – *заўвага аўтара*] толькі пахваліўся кнігамі Гётэ і Шылера, ды і то па адным экзэмпляры» [2, с. 289]. У прадмове да славурых «Балад і рамансаў» А. Міцкевіч пералічыў шэраг прадстаўнікоў нямецкай асветніцкай традыцыі, напрамку «Бура і націск» і «Веймарскія класікі», імёны якіх былі вядомыя ў коле віленскіх філаматаў: Ф. Бутэверк, Ё.А. Эберггард, К.М. Віланд, Г.Э. Лесінг, Л. Хельці [8, с. 118], Ф.Г. Клапшток [8, с. 119], аднак асабліва часта ўзнікаюць імёны Ф. Шылера і Ё.В. Гётэ [8, с. 117, 118, 121]. Шылер быў для філаматаў адным з найбольш любімых і паважаных паэтаў, узорам для ўласнай творчасці. «Хто ж пакажа лепш, чым Янка, // У вершы шылераўскі спрыт?» – такі камплімент таленту сябра рабіў А. Міцкевіч ў лісце да Я. Чачота у 1820 г. [9, с. 127]. Вялікае ўражанне на філаматаў зрабілі балады Г.А. Бюргера, у асаблівасці «Ленора» («Lenore»). Таксама ў лістах ёсць згадкі аб тым, што філаматы ў сваім коле абмяркоўвалі тэмы, якія хвалявалі і нямецкіх рамантыкаў, напрыклад, магнетызм [4, с. 50]. (Тэма магнетызму нярэдка ўзнікала ў нямецкай рамантычнай літаратуры, дастаткова прыгадаць навелы Э.Т.А. Гофмана «Магнетызёр» («Der Magnetiseur») і «Жахлівы госць» («Der unheimliche Gast»), твор А. фон Арніма «Уладальнікі маярата» («Majoratsherren»)). Падчас ссылок Я. Чачот, як сведчыць яго карэспандэнцыя, перакладаў песні (магчыма, маюцца на ўвазе балады і рамансы) прадстаўніка нямецкай перадрамантычнай літаратуры Ё. Гляйма (ліст да Ануфрыя Петрашкевіча) [2, с. 307] і вывучаў творчасць Ё.Г. Гердэра.

У пачатку XIX ст. у літаратурным жыцці на тэрыторыі былога Вялікага Княства працягвалі дамінаваць класіцыстычныя ідэалы і нормы. Між тым, у еўрапейскай літаратуры, у тым ліку і ў нямецкай, яшчэ з XVIII ст. ішла так званая «спрэчка паміж старымі і новымі» – дыскусія аб месцы і нарматыўнай функцыі антычнай спадчыны ў тагачаснай літаратуры. Прадвеснікі нямецкага рамантызму К. Віланд, Ф. Клапшток, прадстаўнікі напрамку «Бура і націск», да якога належалі маладыя Ф. Шылер, Ё.В. Гётэ, Ё.Г. Гердэр, менш вядомыя сёння К. Вульпіус, Ф. Клінгер, а таксама блізкія да «бурных геніяў» Л. Хельці і Г.А. Бюргер імкнуліся адысці ад асветніцкіх уяўленняў аб універсальнасці розуму, пераасэнсавалі узаемазвязі прыроды і чалавека, антычную спадчыну, выпрацавалі новыя падыходы да фальклору і ўвогуле да нацыянальнай культуры. Адыход ад класіцызму не з’яўляўся татальнай адмовай ад здабыткаў антычнай культуры, аднак у Еўропе антычнае мастацтва паступова губляла характар універсальнай сістэмы эстэтычных нормаў. Гэтыя тэндэнцыі пазней былі развітыя рамантыкамі, для якіх нацыянальны пачатак стаў найбольш каштоўным культурным складнікам. Больш таго, канцэпт нацыі як групы, аб’яднанай агульнай мовай, культурай і тэрыторыяй, з’яўляецца прадуктам эпохі рамантызму.

Для ранняга перыяду творчасці Я. Чачота, адукацыя якога, як і большасці яго таварышаў, грунтавалася на вывучэнні класічнай літаратуры, уласцівыя параўнанні, алюзіі і рэмінісцэнцыі

антычных матываў. Анакрэантычны характар вершаў «Ануфравы імяніны» [2, с. 28], «Гэй, сябры, у гурт вясёлы», «Гэй, малойцы!» падкрэсліваецца згадваннем старажытнарымскага бога вінаробства Баха [2, с. 38–39], элегічны настрой верша «Развітанне з Наваградкам» [2, с. 25] падтрыманы параўнаннем дзяўчын-купальшчыц з німфамі і згаданнем міфалагічнай ракі Леты, чыя вада дорыць забыццё. У вершы «У дзень урачыстасці, якая спраўлялася для Тамаша Зана 29 мая 1821 года» аўтар прыгадаў старажытных грэкаў, каб падкрэсліць годнасць свайго сябра: «Узносілі грэкі герояў вялікіх // Калісь на Алімп – ёсць і сёння іх лікі. // У нас жа адна Тамашу ўзнагарода: // Любоў нашых сэрцаў, адданасць і згода». Аднак усе спасылкі на антычную традыцыю маюць у паэзіі Чачота характар мастацкага аздаблення, таму што паэт ужо ўсвядоміў, што час імітацыі грэчаскіх і лацінскіх паэтаў прайшоў. Стылізацыя сучаснай паэзіі пад антычную падаецца Чачоту недарэчнай, не адпаведнай сучасным умовам. У вершаванай сцэны «Яжовыя імяніны» словы дзесятніка, які нібыта захапляецца «вучонай» песняй жонкі іспраўніка, гучаць як абсмейванне паэзіі ў класічным стылі: «Нашы ўпраўдзе спяванні не так ест учоны, // Як тое, цом я слышаў у іспраўніка жоны, // Ктора ляжанц пад ценом выцеклай бярозы, // Чытала, ушыстка крычанц: “Козы мае, козы, // Дапнісе мой каханы, поверні, Дапнісе, // Там ест тебе маліны ў кошы чы ў місе» [2, с. 35].

У віленскі перыяд жыцця сацыяльна-палітычныя погляды маладога Яна Чачота носяць выразны адбітак Асветніцтва. У «Думках для ніжэйшага класа» і «Думках, якія павінен пашыраць вышэйшы клас» ён патрабуе ад суайчыннікаў бачыць «асабістае шчасце ў шчасці грамадскім» [2, с. 199], выступае за сціплы дабрадзейны лад жыцця, працу на карысць краю. Безумоўнай умовай прагрэсу бачыцца Чачоту пашырэнне адукацыі сярод усіх саслоўяў, аднак ён таксама ўпэўнены ў карысці рэлігіі, вольнай ад фанатызму, чалавеканенавісці, якая не будзе выкарыстоўвацца для ўціску ніжэйшых пластоў народа. Звяртае на сябе ўвагу і тое, што нават у філамацка-філарэцкі перыяд Ян Чачот, які крытычна ставіўся да дзейнасці ўладаў і прыгонніцтва, не заклікаў да зменаў з дапамогай гвалту, а верыў у магчымасць эвалюцыйнага паляпшэння стану грамадства. Гэтую веру аўтар пранёс праз усё жыццё, аб чым сведчыць не толькі маралізатарства, якое прысутнічае амаль у кожным творы Чачота, але і яго руплівая даследчыцкая дзейнасць. Яго светаадчуванню ў значнай ступені блізкі дэмакратызм нямецкіх перадрамантыкаў-штурмераў – Гётэ, Шылера, Бюргера. Дадаючы да сваіх твораў маральныя ўстаноўкі, Чачот на свой лад рэалізуе шылераўскія ідэі аб удасканаленні людзей праз мастацтва.

Засваенне фальклору і фарміраванне поглядаў на культуру як нацыянальную з’яву сталі адным з галоўных дасягненняў рамантычнай плыні. Менавіта ў гэтым аспекце, а таксама ў арыентацыі на гістарычную спадчыну беларуская рамантычная традыцыя максімальна набліжаецца да нямецкай. У еўрапейскіх літаратурах, у тым ліку ў нямецкай, адыход ад класіцызму суправаджаўся абуджэннем цікавасці да прыроды, да ўсяго таго, што чалавек не можа абмежаваць ці кантраляваць. На працягу XVIII ст. ідэя прыроды дамінавала ў філасофіі і мастацкай літаратуры, і менавіта праз імкненне памяняць «штучную», імітацыйную культуру на «натуральную» пачалося захапленне фальклорам. Нямецкія перадрамантыкі, у тым ліку маладыя Гётэ і Гердэр, прыйшлі да высновы, што існуюць дзве культуры – культура эліт, застылая, другасная, заснаваная на імітацыі класічных прыкладаў, і культура народа, натуральная, набліжаная да прыроды. Спецыфіку народных культур Гердэр тлумачыў тым прыродна-кліматычным асяроддзем, дзе ішло фарміраванне народа, а таксама ходам яго гісторыі. Пры гэтым нямецкія перадрамантыкі, нягледзячы на значную цікавасць да мінулага Германіі, яе фальклору, заставаліся касмапалітамі. Апазіцыя «народнае, натуральнае» – «элітарнае, штучнае» была для перадрамантыкаў больш істотнай, чым супрацьпастаўленне «сваё»–«чужое». Ё.В. Гётэ, які быў адным з першых, хто ўвёў ва ўжыванне паняцце «сусветная літаратура» («Weltliteratur»), не ўспрыняў рамантычную ідэю нацыянальнай літаратуры, яму было занадта цесна ў нацыянальных рамках. Калі літаратары нямецкага перадрамантызму не імкнуліся спасцігнуць сутнасць нацыянальнага духа пры звароце да фальклору, то для нямецкіх рамантыкаў характэрна глыбокая нацыянальная арыентаванасць, якая была абумоўлена ростам патрыятычных настрояў у нямецкіх землях падчас антынапалеонаўскіх войнаў і ўзмацненнем запыту нямецкага грамадства на

нацыянальнае аб'яднанне. Перадрамантызм і нямецкі нацыянальна арыентаваны рамантызм таксама па-рознаму ставяцца да індывіда і супольніцтва. У перадрамантычнай літаратуры, у прыватнасці ў творчасці штурмераў, апяваўся бунт індывіда, барацьба героя супраць тыраніі, якая носіць агульначалавечы характар, што найбольш выразна ўвасоблена ў вобразах героя шылераўскай драмы «Разбойнікі» Карла Мора і рыцара Гёца фон Берліхінгена з аднайменнай п'есы Ё.В. Гётэ. Першае пакаленне рамантыкаў Енскай школы (Л. Цік, Наваліс, браты Шлегелі, В. Вакенродэр) таксама цікавіў герой-індывідуаліст, яго перажыванні і творчы патэнцыял. Аднак нацыянальна арыентаваны рамантызм перанёс акцэнт з індывіда на род, народ. Для гейдэльбергскіх рамантыкаў (К. Брэнтана, А. фон Арнім, Ё. Айхендорф, браты Грым), якія ўбачылі абмежаванасці індывідуальнага імкнення да ідэалу, было важна далучыцца да нацыянальных каранёў, што яны рабілі праз збіранне і навуковую апрацоўку старых песень, казак, паданняў, шырокае выкарыстанне фальклорных матываў і сюжэтаў, стылістыкі народнай паэзіі ва ўласнай творчасці. Пераарыентацыя мастацтва, у першую чаргу літаратуры, на нацыянальнае павінна была, на думку рамантыкаў, вырашыць асноўную праблему немцаў – нацыянальную раз'яднанасць. Так, у артыкуле А. фон Арніма «Аб народных песнях» ('Von Volksliedern'), які быў надрукаваны ў 1806 г. у першым томе зборніка народных песень «Чароўны рог хлопчыка» ('Des Knaben Wunderhorn') гейдэльбергскі рамантык пісаў: «Так будзе з тым, хто многа і глыбока судакранаецца з народам: для яго мудрасць, выпрабаваная вякамі – як разгорнутая кніга ў руцэ, каб ён абвясціў усім песні, легенды, прымаўкі, паданні і прароцтвы, мелодыі. Ён – пладовае дрэва, на якім пяшчотная рука садоўніка, як вянок, прышчапіла белыя і чырвоныя ружы. Тады кожны зможа гукаць сэрца сусвету, зрабіць тое, на што ў іншым выпадку, з дапамогай сваёй уласнай сілы, здольныя толькі нешматлікія – сабраць свой раз'яднаны народ, незалежна ад таго, наколькі ён падзелены мовай, палітычнымі забабонамі, рэлігійнымі памылкамі і пустымі новаўвядзеннямі, апяваючы пад сваім сцягам надыход новай эры. <...> Усе мы шукаем нечага вышэйшага, таго залатога руна, што належыць кожнаму, у чым багацце ўсяго нашага народа, у чым сутнасць яго ўнутранага жывога мастацтва, тканіну даўніх і магутных сіл, веру і веды людзей, тое, што суправаджае іх у радасці і смерці – песні, легенды, заказчыкі, прымаўкі, гісторыі, прароцтвы і мелодыі. Мы жадаем аддаць народу ўсё, што на працягу многіх гадоў даказала сваю дыямантавую трываласць, не прытупілася, згладзілася, але гуляе колерамі, усё, што можа быць злучана ў агульны помнік найвялікшаму з сучасных народаў – нямецкаму»¹ [10, с. 306].

Для Яна Чачота народ Беларусі – вялікі род, сям'я, якая, на сваё вялікае няшчасце, страціла сваё адзінства. Паэт лічыў бядою адчужанасць паміж адукаванымі класамі і іх кармільцамі-сялянамі. Уся яго дзейнасць была накіраваная на пераадоленне прорвы паміж панамі і сялянамі. Звяртаючыся да першых, Чачот апелюе да іх хрысціянскіх пачуццяў, да вопыту мінулых часоў, ён заклікае бачыць у сялянах людзей і клапаціцца аб іх, як аб уласных дзецях (Вершы «Мамка», «Леў Сапега, Віленскі ваявода, гетман Літоўскі», «Дабрачынным панам і іх аканомам, якія клапацяцца пра добры быт сялян»). Паэт выкарыстоўваў свой талент на тое, каб праз мастацтва і асветніцкую дзейнасць аднавіць цэласнасць народа. Ён з маладосці марыў аб тым, «каб прыемныя мелодыі народных песень сталі сваімі для вышэйшага класа» [2, с. 206], і лічыў неабходным збіраць крыніцы народнай паэзіі – народныя песні, пакуль яны яшчэ не зніклі ці не змяніліся да непазнавальнасці. Ведаў ён і пра тое, што

¹У арыгінале: «So wird es dem, der viel und innig das Volk berührt, ihm ist die Weisheit in der Bewährung von Jahrhunderten ein offnes Buch in die Hand gegeben, daß er es allen verkünde, Lieder, Sagen, Sprüche, Geschichten und Prophezeihungen, Melodien, er ist ein Fruchtbaum, auf den eine milde Gärtnerhand weiße und rothe Rosen eingepflanzt zur Bekrönung. Jeder kann da, was sonst nur wenigen aus eigener Kraft verliehen, mächtig in das Herz der Welt rufen, er sammelt sein zerstreutes Volk, wie es auch getrennt durch Sprache, Staatsvorurtheile, Religionsirrhümer und müßige Neuigkeit, singend zu einer neuen Zeit unter seiner Fahne. <...> wir suchen alle etwas Höheres, das goldne Flies, das allen gehört, was der Reichthum unsres ganzen Volkes, was seine eigene innere lebende Kunst gebildet, das Gewebe langer Zeit und mächtiger Kräfte, den Glauben und das Wissen des Volkes, was sie begleitet in Lust und Tod, Lieder, Sagen, Kunden, Sprüche, Geschichten, Prophezeihungen und Melodien, wir wollen allen alles wiedergeben, was im vieljährigen Fortrollen seine Demantfestigkeit bewährt, nicht abgestumpft, nur farbespielend geglättet, alle Fugen und Ausschnitte hat zu dem allgemeinen Denkmale des größten neueren Volkes, der Deutschen.» [10, с. 306] (Тут і далей даслоўны пераклад наш. – А.Б.).

«ў іншых краінах такія зборы добра, з любоўю выкананы» [2, с. 206]. Яго погляд на песні ўжо не асветніцкі: ён не шукае ў іх гістарычныя звесткі, а бачыць там адлюстраванне «характара, звычаяў і норава краю, дзе яны спяваюцца». Пры выданні «Сялянскіх песень» ён неаднаразова падкрэсліваў, што менавіта сяляне захавалі скарбы старажытнай паэзіі: «Паэзія, якую мы называем сёння гміннай, простанароднай, была некалі агульнай для ўсіх нашых продкаў <...> Нашым сялянам мы абавязаны тым, што яны захавалі старажытныя абрады і песні» [2, с. 212]. Гэтак жа на трыццаць гадоў раней бачылі ролю сялян у захаванні народных традыцый і гейдэльбергскія рамантыкі. Так, А. фон Арнім у згаданым вышэй артыкуле «Аб народных песнях» пісаў: «Упершыню я адчуў поўную, дзейную моц народнай песні ў вёсцы»² [10, с. 285]. І далей: «<...> дзе б ні развівалася народная песня, мы бачым, што яна – прысвечаная каханню, працоўным ці гандлёвым клопатам, зменам надвор'я ці вясенняй пашы – заўсёды звязаная з саслоўем кармільцаў»³ [10, с. 291].

Найбольш «рамантычным» жанрам у арсенале Чачота лічацца яго раннія балады, якія неаднаразова былі прадметам даследавання айчынных навукоўцаў, сярод якіх трэба адзначыць У. Мархеля [3, с. 32–33], І. Штэйнера і А. Брадзіхіну [4, с. 51–58], Л. Кісялёву [11]. Балады сталі «візітнай карткай» перадрамантычнай і рамантычнай літаратуры. Так, у нямецкай літаратуры росквіт балады пачаўся ў перадрамантычны перыяд, калі да гэтага жанру звярнуліся Ё. Гляйм, Л. Хельці, Г. Бюргер. У скарбніцу сусветнай літаратуры ўвайшлі балады Ё.В. Гётэ і Ф. Шылера, створаныя ў канцы XVIII ст. Такія рысы нямецкіх перадрамантычных балад, як закрананне сацыяльнай праблематыкі (Г. Бюргер, Ё. Гляйм), маральны пафас (Ф. Шылер), уласцівыя і шэрагу балад Я. Чачота. У баладзе «Узногі» аўтар жорстка крытыкуе прыгонніцтва, у баладзе «Падземны звон на гары ў Пазяневічах» асуджае святароў, якія дзеля ўласнага ўзбагачэння распаўсюджваюць забабоны сярод неадудкаваных і наіўных вернікаў. У баладзе «Бекеш» рыцар пакараны за здраду каханай, а ў баладзе «Свіцязь» Божы гнеў абрынуўся на забойцу. Пры гэтым выкарыстанне мясцовых легенд і паданняў (балады «Калдычэўскі шчупак», «Мышанка», «Свіцязь», «Радзівіл, або заснаванне Вільні»), гісторыка-патрыятычны пафас (балады «Бекеш», «Наваградскі замак») – гэта безумоўны ўплыў рамантычнай ідэалогіі (у нямецкай літаратуры згаданыя рысы ўласцівыя творчасці Л. Уланда і іншых прадстаўнікоў позняга перыяду развіцця рамантызму).

Асобнай увагі патрабуе архітэктоніка чачотавых балад, для якіх характэрна ўмяшанне апавядальніка ў падзеі, камбінацыі некалькіх фабул у адным творы і неад'емныя павучэнні чытача з боку аўтара. Л. Кісялёва трапна адзначыла, што «Балады Я. Чачота абсалютна, проста абяззбройвальна неканвенцыянальныя, і якраз у гэтай анамальнасці – іх магія. Пры гэтым яны вельмі літаратурныя, нават металітаратурныя, г. зн. засяроджаныя і замкнёныя на ўласнай “літаратурнасці”, на раскрыцці механікі паэтычнай творчасці. Дзіўным чынам гэтыя тэксты лепей упісваюцца ў шэраг значна пазнейшых літаратурных эксперыментаў і выглядаюць крыху занадта чужымі і самотнымі ў сваёй эпосе» [11, с. 150]. Неканвенцыйнасць балад Чачота, наш погляд, у значнай ступені з'яўляецца следствам яго стаўлення да фальклору, якое адрознівалася ад спосабаў выкарыстання народных матываў, уласцівых іншым паэтам з філамацкага кола. Так, калі А. Міцкевіч быў упэўнены, што аўтар мае права на ўласную інтэрпрэтацыю народнай культуры⁴, то Я. Чачот папракаў сябра за вольнае абыходжанне з народнымі паданнямі ў «Свіцязянскім» баладным цыкле (балады «Свіцязь», «Свіцязянка», «Рыбка»): «Бо шмат ад сябе ты, Адаме, // Наплёў пра часіны былыя. // Усё ж занябдаўшы паданне, // якое данеслі старыя» [2, с. 132]. Ва ўласных баладах Чачота («Бекеш», «Мышанка»,

²У арыгінале: «Wo ich zuerst die volle, thateneigene Gewalt und den Sinn des Volksliedes vernahm, das war auf dem Lande.» [10, с. 285].

³У арыгінале: «Darum finden wir auch das neuere Volkslied, wo es sich entwickelt, diesem angeschlossen in mäßiger Liebe, Gewer- und Handelsklagen, Wetterwechsel und gepflügtem Frühling.» [10, с. 291].

⁴У эсэ «Пра рамантычную паэзію» А. Міцкевіч разважае аб тым, што грэчаская міфалогія была вынікам узаемадзеяння народнага духу і таленту грэчаскіх паэтаў: «Творчы талент грэцкага мастака, звярнуўшыся да старажытнага казачнага свету, хутка здолеў стварыць яго наноў. Ён адкінуў грубае, пачварнае, рэзкае, прывёў у парадак разнастайныя і змешаныя ўяўленні, звязаў іх і пабудаваў з іх стройнае цэлае. <...> Так з казачнага свету ўзнік ідэал свету пачуццёвага, інакш кажучы, свет міфалагічны» [8, с. 108].

«Радзівіл, альбо Заснаванне Вільні») не фальклор выконвае ролю матэрыялу для літаратурнага твора, а літаратурнае афармленне выкарыстоўваецца з мэтай данесці паданне да чытача. Каб захаваць аўтэнтчныя фальклорныя сюжэты, Чачот ідзе на абцяжарванне агульнай кампазіцыі і запаволенне дзеяння балад падрабязнай перадачай казак ці паданняў. Аднак гэта сведчыць не столькі пра недасканаласць аўтарскага стылю, колькі пра значэнне, якое Чачот надаваў дакладнасці ўзнаўлення фальклору ў мастацкім творы. Аналагічная палеміка пра прынцыпы ўвядзення ў агульналітаратурны кантэкст народнай спадчыны вялася ў свой час і сярод нямецкіх рамантыкаў. Наваліс, Л. Цік, А. фон Арнім, К. Брэнтана ў сваіх творах актыўна ўжывалі фальклорныя матывы, перапрацоўвалі народныя арыгіналы і адаптавалі іх згодна са сваімі мастацкімі мэтамі. Гэты падыход, які быў выкарыстаны пры складанні песенна-паэтычнага зборніку «Чароўны рог хлопчыка», жорстка крытыкавалі браты Грым і Ё. Гёрэс, для каго фальклор быў у першую чаргу формай праміфалогіі, голасам народнага духу, у тэрміналогіі наступнага стагоддзя – прадуктам калектывнага падсвядомага. Кампазіцыйныя асаблівасці ранняй балады Я. Чачота, а таксама яго дзейнасць як збіральніка фальклору («Песні з-над Нёмана і Дзвіны», 1837–1846) беларусаў дазваляюць сцвярджаць, што Я. Чачоту былі блізкія погляды братоў Грым і Ё. Гёрэса на фальклор.

У баладах Чачота можна знайсці і іншыя паралелі з творамі нямецкай літаратуры. Напрыклад, балады Бюргера «Ленора» і «Дзікі паляўнічы» («Der wilde Jäger») нарадзілі такія баладныя штампы, як «шалёны скок». Злачынны Рэйнскі Граф, герой балады «Дзікі паляўнічы» «<...> імчыцца скрозь лес і поле, // Уцякае з грымчым выем // Але праз увесь вялікі сусвет // За ім з гучным брэхам гоніцца пекла, // Удзень праз падземную бездань, // Апоўначы высока скрозь паветра»⁵ [12, с. 89]. Я. Чачот выкарыстаў «шалёны скок» у баладзе «Свіцязь»: «Завыла, заенчыла пушча навокал, // Віхор, як шалёны, нясецца. // Бярозы паднебныя трушчаць з наскоку, // Да неба ўзнясе іх, здаецца. // Праз буру імчаліся коні» [2, с. 140]. Кульмінацыйная сцэна свята ў палацы злачынцы ў баладзе «Свіцязь», падчас якога крывавая галава забітага героем купца патрабуе помсты, нагадвае сцэну з рамана Ф.М. Клінгера «Фауст», дзе падчас балю ў скапнага біскупа на сталае замест галавы цяляці перад вачыма прысутных з'яўляецца галава селяніна Ханса Рупрэхта, які быў даведзены біскупам да самагубства.

Рамантычны характар мае цыкл Я. Чачота «Спеваы пра даўніх ліцвінаў да 1434 года». Спецыфікай увасаблення гістарычнай тэматыкі ў «Спевах» з'яўляецца выкарыстанне аўтарам даступных яму гістарычных крыніц – «Хронікі польскай, літоўскай, жамойцкай і ўсяе Русі» Мацея Стрыйкоўскага і дзевяцітомнай «Гісторыі літоўскага народа» Тэадора Нарбута. Паэт імкнуўся праз песню абудзіць гістарычную памяць народа Беларусі, каб з яе дапамогай адраджаць нацыянальнае імкненне і дзеянне. У прадмове Я. Чачот тлумачыў сваю задуму: «Абуджэнне еўрапейскіх народаў не дасць ім згубіцца ў гісторыі, зліцца ў нейкую адну супольнасць. Кожны з іх шукае ў попеле мінуўшчыны сваю славу, свае асаблівасці, даказвае, што і ён заслугоўвае пашаны з боку іншых народаў. Дык няхай жа ні ў кога не выкліча незадаволенасці, калі і ліцвін успомніць сваю даўнюю славу, каб сціпла, па-хрысціянску раскажаць пра яе» [2, с. 151–152]. Выбар жанру песні быў свайго роду спробай замяшчэння гераічнага эпаса, які не захаваўся ў народнай спадчыне. Чачот звярнуўся да вобразаў гістарычных асоб – Міндоўга, Гедыміна, Альгерда і іншых, выкарыстоўваў яркія паданні і легенды – заснаванне Вільні, Камянца, забойства Кейстута, вызваленне Вітаўта ягонаю жонкай. Рамантычны гістарызм «Спеваў пра даўніх ліцвінаў да 1434 года» праяўляецца ў тым, што ў цыкле актуалізуюцца падзеі мінулага, гістарычны пачатак не абмежаваны роляй фону, прысутнічае рэфлексія гістарычных падзей, аднак перш за ўсё ў імкненні аўтара да міфалагічнага спасціжэння глыбіннай сакральнай праўды нацыянальнага быцця.

Чачот у сваёй мастацкай і навуковай дзейнасці перарос Асветніцтва і сентыменталізм, хаця некаторыя іх рысы засталіся глыбока інтэграванымі ў яго творчасці. Увага да сацыяльнай праблематыкі і маральны пафас набліжае Я. Чачота да нямецкіх перадрамантыкаў-штурмераў.

⁵ У арыгінале: «Er rafft sich auf durch Wald und Feld, // Und flieht lautheulend Weh und Ach; // Doch durch die ganze weite Welt // Rauscht bellend ihm die Hölle nach, // Bei Tag tief durch der Erde Klüfte, // Um Mitternacht hoch durch die Lüfte.» [12, с. 89]

Разам з гэтым паэт, які заставаўся пад уплывам прынцыпаў асветніцтва і перадрамантызму, актыўна выкарыстоўваў інструменты, якія носяць выразна рамантычны характар, сярод якіх – зварот да фальклору, нацыянальнай гісторыі, а таксама імкненне да жанравых эксперыментаў, што дазваляе гаварыць пра пэўную тыпалагічную набліжанасць творчасці беларуска-польскага класіка да нямецкіх нацыянальна арыентаваных рамантыкаў.

Літаратура

1. Багдановіч, І. Э. Авангард і традыцыя: Беларуская паэзія на хвалі нацыянальнага адраджэння / І. Э. Багдановіч. – Мінск : «Беларуская навука», 2001. – 387 с.
2. Чачот, Я. Выбраныя творы / Я. Чачот ; уклад, пер. з польскага, прадм. і камент. К. Цвіркі. – Мінск : МФ Беларускі кнігазбор, 1996. – 374 с.
3. Мархель, У. І. Прадвесце: Беларуска-польскае літаратурнае ўзаемадзеянне ў першай палавіне XIX ст. / У. І. Мархель. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 112 с.
4. Штэйнер, І. Ф. Гісторыя беларускай літаратуры XIX стагоддзя / І. Ф. Штэйнер, А. В. Браздзіхіна. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2021. – 220 с.
5. Бурдзялёва, І. А. Традыцыі сентыменталізму ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя : дыс. ... д-ра філалагічных навук : 10.01.01 / І. А. Бурдзялёва. – Мінск, 2004. – 113 с.
6. Тарасюк, Л. К. Рамантызм у беларускай літаратуры / Л. К. Тарасюк // Роднае слова. – 1998. – № 9. – С. 38–43.
7. Шумская, І. М. Матывы рамантычнага светаўспрымання ў творчасці Яна Чачота / І. М. Шумская // Весці БДПУ. Сер. 2. – 2013. – № 4. – С. 94–99.
8. Міцкевіч, А. Пра рамантычную паэзію / А. Міцкевіч // Філаматы і філарэты : зборнік ; уклад., пер. і камент. К. Цвіркі. – Мінск : МФ Беларускі кнігазбор, 1998. – 400 с.
9. Філаматы і філарэты : зборнік / Уклад., пер. і камент. К. Цвіркі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1998. – 400 с.
10. Achim von Arnim, L. Des Knaben Wunderhorn. Alte deutsche Lieder / L. Achim von Arnim. – Berlin : Holzinger, Berliner Ausgabe, 2014. – 3. Auflage. – 828 s.
11. Das Balladenbuch. Deutsche Balladen von den Anfängen bis zur Gegenwart / Redakteur: F T. Zumbach. – Berlin : Artemis & Winkler Verlag, 2004. – 823 s.
12. Кісялёва, Л. Г. Балады Яна Чачота : разбурэнне канону / Л. Г. Кісялёва // Acta Albaruthenica. – 2010. – Вып. 10. – С. 142–145.

Магічны рэалізм у аповесцях А. Казлова

М.М. ВОІНАВА-СТРАХА

Артыкул прысвечаны даследаванню феномену магічнага рэалізму ў творчасці сучаснага беларускага пісьменніка Анатоля Казлова. Прадстаўлены аналіз праяў як традыцыйных рыс, так і спецыфічных прыкмет магічнага рэалізму ў найбольш рэпрэзентатыўных аповесцях аўтара.

Ключавыя словы: магічны рэалізм, Анатоль Казлоў, аповесць, беларуская літаратура, рэальнасць, звышнатуральнае.

The article is devoted to the study of the phenomenon of magical realism in the works of contemporary Belarusian writer Anatoly Kozlov. The analysis of both traditional features and specific signs of magical realism in the author's most representative stories is presented.

Keywords: magical realism, Anatoly Kozlov, story, Belarusian literature, reality, supernatural.

Магічны рэалізм у літаратуры лічыцца першапачаткова здабыткам лацінаамерыканскага прыгожага пісьменства. Сярод яркіх прадстаўнікоў дадзенага кірунку вылучаюцца Габрыэль Гарсія Маркес, Мігель Анхель Астурыас, Алеха Карпенцьер, Хорхе Луіс Борхес і інш.

З цягам часу магічны рэалізм атрымаў інтэрнацыянальны статус, набыўшы спецыфічныя прыкметы ў межах розных літаратур свету. Даследчыкамі вылучаецца шырокая рэалізацыя дадзенага кірунку з улікам рознай ступені інтэнсіўнасці яго праяў і мадыфікацыі ў рускай (Л. Лявонаў, Д. Хармс, С. Клычкоў, А. Тэрц і інш.), нямецкай (І. Моргнер, Г. Казак, Х. Ланге, Э. Юнгер і інш.), бельгійскай (Ё. Дэнэ, Х. Лампо і інш.), канадскай (анталогія «Магічны рэалізм», складзеная Дж. Хэнкакам у 1980 г.), французскай (М. Эмэ, С. Жэрмэн і інш.), англійскай (А. Картэр, С. Рушдзі і г. д.) і іншых літаратурах.

У шырокім сэнсе тэрмін «магічны рэалізм» ужываецца для абазначэння разнастайных з'яў у жыццё і літаратуры ХХ ст. [1]. У сучасных літаратуразнаўчых даследаваннях распаўсюджаны погляд на магічны рэалізм як «адмысловы тып мастацкага мыслення, уласцівы разнастайным з'явам у літаратуры ХХ стагоддзя, пры якім пісьменнік адмаўляе плённасць рацыяналістычнага мыслення ў імкненні выказаць і па-мастацку асэнсаваць міфічна-магічную мадэль светабачання і для якога характэрна арганічнае выкарыстанне элементаў фантастыкі поруч з абавязковай наяўнасцю рыс лёгка пазнавальнай гістарычнай рэальнасці» [2]. Не менш слухным нам падаецца погляд на магічны рэалізм як на «адмысловую прызму, праз якую пісьменнікі глядзяць на імгненныя праблемы і з'явы рэчаіснасці і бачаць у рэальнасці тое, што ёсць у ёй фантастычнага, незвычайнага і нават дзіўнага...» [3].

Літаратуразнаўцы (Ю. Бораў, А. Гугнін, К. Кісліцын, С. Мамантаў, В. Аўчарэнка, Л. Маслава і інш.) вылучаюць шэраг характарыстык магічнага рэалізму, сярод якіх відавочна прасочваюцца тоесна-дамінуючыя. Так, сутнасць свету магічнага рэалізму стварае суладдзе натуральнага, паўсядзённага з пачварным і незвычайным, «фантастычныя эпізоды развіваюцца па законах жыццёвай логікі як звычайная рэальнасць» [4, с. 424]. І гэта цалкам заканамерна, бо першапачаткова «магічны рэалізм» у асаблівым кантэксце Лацінскай Амерыкі – гэта сама рэчаіснасць, незвычайная і часта «цудоўная»... [5, с. 28]. Як слушна адзначыў Г.Г. Маркес, у рамане «Сто гадоў адзіноты» ён больш, чым у якім іншым, выступае «як пісьменнік-рэаліст, таму што <...> у Лацінскай Амерыцы ўсё магчыма, усё рэальна. Нас атачаюць незвычайныя, фантастычныя рэчы, а пісьменнікі ўпарта раскажваюць нам пра малаважныя, паўсядзённыя падзеі» [6].

У тэкстах магічнага рэалізму адбываецца скажэнне «прасторавага жыццёпадабенства», якое «можа праяўляцца, у прыватнасці, праз матыў сну, змяшчэнне межаў паміж рэальным і ірэальным» [7], праз пагружэнне герояў у сонны стан [4, с. 421]. Час у магічным рэалізме надзелены такімі ўласцівасцямі, як «цякучасць» [4, с. 421], «суб'ектыўнасць» і «адноснасць» [7].

Неад'емным складнікам магічнага рэалізму выступае міфатворчасць [8, с. 427], «тэндэнцыя да апісання функцыянавання чалавечай супольнасці на ўзроўні калектыўнай

міфалагічнай свядомасці» [2]. Такім чынам, натуральна выдзяляюцца такія тыпы свядомасці, як сінкрэтычны (міф, фальклор), рацыянальны, ірацыянальны, рэлігійны, атэістычны, містычны [9, с. 108]. Абавязковым лічыцца выкарыстанне элементаў фальклору, міфалогіі і старажытных вераванняў пэўнай этнічнай супольнасці, матывуючым элементам сюжэтабудовы становіцца менавіта нацыянальны, духоўны і гістарычны вопыт народа [2], [7].

Значнымі элементамі магічнага рэалізму выступаюць таксама адсутнасць псіхалагічнага дэтэрнізму, антыўтапічнасць, антыпрагматызм, антыдэалагізм, антыдагматызм, дамінаванне экзістэнцыяльнага светаўспрыняцця [7], [9, с. 108].

Сваё адметнае месца магічны рэалізм заняў і ў беларускім прыгожым пісьменстве. Аднак на дадзены момант у айчынным літаратуразнаўстве адсутнічаюць комплексныя даследаванні, прысвечаныя вызначэнню адметнасцей яго праяў, а таксама эвалюцыі і мадыфікацыі ў сучасным мастацтве слова. Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца выяўленне спецыфікі ўвасаблення магічнага рэалізму ў творчасці выбітнага пісьменніка канца XX – пачатку XXI ст. Анатоля Казлова (нар. у 1962 г.) на прыкладзе найбольш рэпрэзентатыўных яго аповесцей.

З аднаго боку, рэалізм аповесцей А. Казлова відавочны. Творы напоўнены дакладнымі дэталямі рэчыўнага свету, якія адсылаюць чытача да звыклай, часам зусім непрывычнай паўсядзённасці быцця. Так, у тэксце «Горад у нябёсах» месца, куды Антак прыходзіць назіраць за краінай Продкаў, – гэта звычайны падземны пераход з бруднай падлогай «у размаітых мокрых узорах расталага снегу», напоўнены «няспынным шоргатам людскіх ног у мадэльных ботах і боціках, навяток і стаптаных чаравіках» [10]. Звыклай прасторай для герояў аповесці «Распяцце, або Ці ж баліць галава ў вароны» з'яўляецца піўны ларок «з “прапісанымі” ля яго месяцамі, а то і гадамі» заўсёднікамі [11, с. 129], супынак з «потна-змакрэлым натоўпам» і перапоўнены трамвай, у якім «размораныя гарацынёй людзі, здавалася, сцякалі тлушчам, як скваркі на патэльні ў печы» [11, с. 136–137], кватэра з «абадранымі шпалерамі на кухні, пабітай фрамугай і зламаным хрушчоўскім падаконнікам», «трохногім сталом» і «калекамі-стульчакамі» [11, с. 139]. У аповесці «Дзеці ночы» пісьменнік у даволі натуралістычных дэталях паказаў умовы існавання сацыяльна не адаптаваных прадстаўнікоў грамадства, «бамжоў», якія бязмэтна шукаюць прытулак у забруджаных пад'ездах, «пыльных і смярдзючых гарышчах “хрушчовак”» [11, с. 6], бадзююцца па «заплёваных тратуарах з недакуркамі» [11, с. 29].

Героі аповесцей маюць дакладна акрэсленую нацыянальную прыналежнасць – беларусы, месцы дзеяння лакалізаваны ў рэальнай геаграфіі: гутарка Антака з Танькай адбываецца ў клубе «Альфа-Бэт», Надзя, першае каханне Антака, сустракаецца з хлопцам з Сычына, Светка частуе героя яблыкамі, купленымі на Камароўцы, Антак з Ганэлькай гуляе каля Свіслачы («Горад у нябёсах»); сыны Казіміраўны загінулі ў Афганістане, Марына з Андрэем, каб выканаць волю бацькі, адпраўляюцца на возера Гальве ў Тракайскі замак у Літве («Распяцце, або Ці ж баліць галава ў вароны»); Нінка патрапіла ў Мінск «з далекаватага Дрыбінскага раёна» [11, с. 12], пасля доўгай паездкі ў метро яна выходзіць на станцыі «Пушкінская», Максіма Гурона далучае да «вернікаў Гаспадара» Ахрэм з мінскага мікрараёна Зялёны Луг, Вілен з Нінкай знайшлі часовы прыстанак у раёне Сухарава, бацькі Гурона вымушана пераехалі ў Італію з прычыны перабудовы ў «Краіне Саветаў» («Дзеці ночы») і г. д.

Разам з тым, у аповесцях А. Казлова прадстаўлена тонкае ўзаемапраціўленне рэалістычнага і фантастычнага, якія вельмі арганічна ўпісаны ў мастацкую прастору твораў. Мяжа паміж гэтымі прасторамаі альбо сціраецца, альбо настолькі размываецца, што стварае эфект існавання дзвюх неад'емных частак аднаго цэлага. У выніку фантастычнае ўспрымаецца не ў якасці чужароднага элемента аб'ектыўнай рэальнасці, а як неад'емны яе складнік. Так, герой аповесці «Горад у нябёсах» Антак «зацывілізаваны чалавек, што ўмее бачыць нябачнае і чуць тое, што прамінае вушы астатніх» [10]. Менавіта ён, «ірэальна-рэальны Антак», выконвае ролю сувязнога паміж двума гарадамі, злучае «танюсенькай жылкай-дротам горад жывых і горад зданняў» [10]. Узіраючыся ў горад у нябёсах, герой з'яўляўся не выпадковым сведкам, а «быццам знаходзіўся ўсярэдзіне, побач з постацямі-зданнямі, сярод туманова-мроістых будынкаў, бясшумных карэт, запрэжаных стаенна-выязнымі жарабцамі, і найноўшымі, не бачанымі ніколі, мадэлямі аўтамабіляў» [10].

А. Казлоў акцэнтуюе ўвагу, што Антаку ўдалося «ўпершыню пабачыць горад над галавою ў тым узросце, калі ўсё незвычайнае і парадасальнае, тое, чаго не павінна быць, – успрымаецца як належнае. І верыш хутчэй сваім вачам, а не закасцянеламу дыдактызму мозга. Бо яшчэ не згублена першароднае адчуванне прыроды ва ўсіх яе праявах» [10]. Аповед Ганэлькі пра горад у нябёсах гучыць настолькі пераканаўча, што вар’ятамі, хутчэй, здаюцца тыя, хто ў яго не верыць, чым наадварот, бо «навошта некаму даказваць відавочнае», прыгадаць, напрыклад, «мабільныя тэлефоны, нябачныя радыёхвалі...» [10].

Расповеды Марыны, гераіні аповесці «Распяцце, або Ці ж баліць галава ў вароны», пра «прыходы» памерлага бацькі не ўспрымаюцца Андрэем як прыкмета псіхічнага памяшальніцтва. Магчымасць кантактаваць з духамі Марына тлумачыць як патэнцыяльна схаваную, нераскрытую магчымасць любога чалавека: «...і Парацэльс казаў, што чалавек валодае сілай, што дазваляе яму бачыць сваіх сяброў, блізкіх і абставіны, у якіх яны знаходзяцца, нягледзячы на тое, што людзі, аб якіх ідзе гаворка, могуць у гэты час знаходзіцца за тысячы міляў. <...> І гэта ўсё могуць простыя людзі» [11, с. 163].

Такім чынам, праз адметнасці светабачання галоўнай гераіні містычны складнік выводзіцца з катэгорыі неверагоднага, фантастычнага і ўпісваецца ў паўсядзённую рэчаіснасць. З гэтай прычыны сцэны са з’яўлянням прывіда, метамарфозамі з каменем, ператварэннем Марыны ў варону ўспрымаюцца як часткі адзінай цэласнай карціны. Гэты эфект утрымліваецца нягледзячы на пэўнае сціранне мяжы жыццёпадабенства, якое назіраецца ў эпізодзе частковай трансфармацыі рэальнасці пры захаванні асноўных прасторава-часавых каардынат: «Усё ў пакоі было славана няцярпным холадам. <...> Сцены, падлога, шафа і стол, ложка – усё пакрылася варсістай шчэцю інею. <...> Мроіва здані рассялася. Ярчэй засвяцілася лямпачка пад столлю. У пакоі пацяплела» [11, с. 157]. Містычнае здарэнне паўплывала на свядомасць і рэальнасць Андрэя. Як вынік, ён вымушаны праходзіць стадыю пераасэнсавання жыццёвых каштоўнасцей і спазнання сутнасці свайго існавання.

Узаемадзеянне дзвюх рэальнасцей адбываецца і на ўзроўні прасторавага перамяшчэння. Так, Ганэлька, няспраўджаная суджаная Антака, жыхарка горада ў нябёсах, бесперашкодна ўзаемадзеінічае з зямным светам, выконваючы функцыю апекуна яго насельнікаў. Такой жа здольнасцю надзелены і іншыя прабывальнікі фантастычнага горада. «Каля кожнага з вас, зямных, нас, з краіны Продкаў, жыве па некалькі» [10], – паведамляе Ганэлька Антаку. У дадзеным выпадку навідавоку мастацкае ўзнаўленне і пераасэнсаванне распаўсюджанага міфа пра нябесных ахоўнікаў, вера ў якіх мае старажытныя карані ў славянскіх народаў.

Не менш тонка магічнае і рэалістычнае светабачанне ўпісаны ў мастацкую прастору аповесцей «Дзеці ночы» і «Адкуль з’яўляюцца яны». Так, ніхто ў вёсцы не сумняваецца ў звышнатуральных здольнасцях дзеда Яўхіма. Да яго звяртаюцца з просьбамі аб дапамозе ў вырашэнні складаных жыццёвых праблем і нават аддаюць дзяцей на навучанне. «Містычныя эпізоды» з аповесці «Дзеці ночы» ўпісаны ў мастацкую прастору настолькі адмыслова, што складана прасачыць мяжу паміж рэальным і ўяўным. Ірэальныя з’явы ўвасабляюцца на фізічным узроўні, што стварае выразны эфект жыццёпадабенства: пасля перадачы ключа грыфам Вілену Падкіднаму герой «уважліва аглядаў растапыраныя пальцы рук, далоні. Зірнуў пад ногі, залез у кішэні штаноў...» [11, с. 23]; пасля размовы з духам Вілена і прадстаўніком «свету цемры» Нінка «адчула, як быццам бы ў яе мозг заскочыў і пратыкнуў яго сноп вострых іголак, свярдзёлкамі забуравіла ў вушах, а патыліцу схапіла сутарга. <...> Ад грамавога рогату ў Нінкі пабралася пупырышкамі скура», а Юрка з гаспадаром кватэры адчулі, «што на кухні запахла пратухлымі яйкамі ці серай» [11, с. 33 – 34]; пасля ўяўнай сустрэчы з «Гаспадаром ночы» ў лесе Нінку нібы «апякло агнём, перахапіла дыханне, а ў вачах паплылі каляровыя кружэлкі» [11, с. 41], у выніку чаго ёй у рэальнасці спатрэбілася дапамога.

Функцыянаванне ў дзвюх рэальнасцях успрымаецца цалкам натуральнай з’явай прадстаўнікамі горада ў нябёсах. Для іх гэта не два розныя светы, а дзве часткі адзінага цэлага. Аналагічнае стаўленне развіта і ў некаторых жыхароў зямнога горада. Здольнасцю бачыць горад у нябёсах надзелены бабуля Антака і яго знаёмая Светка, такая ж магчымасць накіравана і будучаму дзіцяці Тані.

Магія дзеда Яўхіма з аповесці «Адкуль з'яўляюцца яны» ці герояў твора «Перакуліся, перакуленае» таксама не ўспрымаецца як нешта чужароднае звычайнай рэальнасці, бо яна каранямі ўзыходзіць да паганства. Магічныя рытуалы з'яўляюцца спараджэннем не фантазіі, а старажытных вераванняў, якія знайшлі сваё адлюстраванне ў калектыўным падсвядомым народа. У тэксты аповесцей уключаны фрагменты замоў, варажбы і іншых відаў магічных рытуальных дзеянняў, зафіксаваных у беларускім фальклору.

Сярод асаблівасцей выкарыстання фальклорных матываў яскрава вылучаецца характар іх прадстаўленасці ў аповесцях не як адсылкі да традыцый мінулага ў якасці даніны памяці, а як мастацкае пераасэнсаванне ў кантэксце свету рэальнага, як часткі светаўспрыняцця сучасніка. І горад у нябёсах, прадстаўлены як «абсалют, ідэал, тое, што некалі існавала на безграхоўнай зямлі» [10], і «цёмныя сілы Уладара», што скразной лініяй праходзяць праз шматлікія аповесці А. Казлова, нездарма адлюстраваны праз прызму паўсядзённасці, бо яны выступаюць своеасаблівай лакмусавай паперай сутнасці каштоўнасцей арыенціраў, маральна-духоўнай трываласці прадстаўнікоў грамадства, у тым ліку і сучаснікаў: «Горка і балюча ведаць, што жыццё неяк не атрымалася. Што праходзіць яно ўпустую, згарае, як перасохлая саломка на ўчарнелым восеньскім полі. <...> Грандыёзная шэрасць і шэрая грандыёзнасць. У гэтым спалучэнні хаваецца апакаліпсіс» [11, с. 162].

Невыпадкова ў рэалістычна-фантастычную аповесць арганічна ўпісваюцца згадкі пра гісторыю Беларусі: Вялікае Княства Літоўскае і Рэч Паспалітую. Напластоўванне розных тыпаў свядомасці – рацыянальнай, містычнай, сінкрэтычнай і гістарычнай – служыць раскрыццю праблемна-тэматычнага кола твораў А. Казлова: захаванне родавай пераемнасці, народных векавых традыцый, вызначэнне нацыянальнай самаідэнтыфікацыі, сутнасці і зместу чалавечага быцця, вырашэнне шырокага кола аксіялагічных праблем, з якімі вымушана сутыкнуцца грамадства новай эпохі. Так, галоўная роля свету Продкаў – «не дазволіць людзям згубіць дарэшты створанае пакаленнямі мільёнаў папярэднікаў» [10]. «Зямным» жыхарам Антаку і Светцы «баліць, больш чым каму, праблема нацыянальнага самавызначэння, годнасці народа» [10], не даюць спакою пытанні духоўнай спустошанасці і маральна-этычнага заняпаду сучаснікаў.

З гэтай прычыны цалкам заканамернымі выглядаюць хрысціянскія матывы на старонках аповесцей А. Казлова. Апеляванне да Бога, выкарыстанне хрысціянскай сімволікі («Перакуліся, перакуленае», «Незламааная свечка», «Распяцце, або Ці ж баліць галава ў вароны»), цытаванне Бібліі, малітваў, тлумачэнне вучэння Хрыста, сімвалічнае выратаванне манахіняй разгубленай душы гераіні («Дзеці ночы») з'яўляюцца адбіткам рэлігійнай свядомасці, якая поруч з рацыянальнай, сінкрэтычнай і містычнай стварае адметны свет магічнага рэалізму А. Казлова.

Згодна з законамi магічнага рэалізму размываецца хранатоп твораў А. Казлова. Часавая лінія адмыслова перасякае каардынаты мінулага, цяперашняга і будучага, рух запавольваецца праз унутраныя маналогі герояў, дыялогі з нябачным суразмоўцам і падсвядомасцю, сны, рэтраспекцыйны паказ. У аповесцях адбываецца своеасаблівае перакрываўванне прасторы рэальнага, фантастычнага і падсвядомага, у выніку чаго «на першы план выплывае, зноў жа ў той падсвядомасці – ранейшае, тое, што драмала альбо спала ці ліпела вугольчыкам» [10].

Так, у аповесці «Горад у нябёсах» адноснасць і суб'ектыўнасць часу прадстаўлена ў спецыфіцы ўспрыняцця героем свайго ўзросту. Антаку 32 гады – дакладная часавая каардыната рэалістычнай карціны, якая падвргаецца скажэнню праз суб'ектыўнае бачанне самога героя, якому «карціць да гэтых дзвюх лічбаў дадаць пару нулёў, а іншым разам навальваецца неадольнае парыванне выкрасліць тройку ці двойку, у горшым выпадку дадаць адну да другой – і не больш» [10]. Акрэсленае жаданне і адчуванне неістотнасці таго, у якім узросце пражыць наступны дзень, не з'яўляецца паказчыкам фрывольнасці характару Антака, хутчэй сведчыць пра філасофскі падыход да свайго існавання, імкненне спазнаваць жыццё наноў у нязведаных раней праявах. Для жыхароў горада ў нябёсах няма «паняццяў учарашняга, сённяшняга ды заўтрашняга». Згодна з іх перакананнем, «час бязмежны. Ён быццам ёсць і разам з тым яго не існуе» [10].

Фрагментарнасцю і цякучасцю вылучаецца і часавая прастора ў аповесці «Адкуль з'яўляюцца яны...». Шчыльнае перапляценне магічнага і рэалістычнага складнікаў ствараюць эфект страты адчування часу («Праспаў некалькі гадзін, а здаецца, мінула некалькі гадоў» [12]), у тым ліку шляхам увядзення матываў сцірання памяці з мэтай «перараджэння» (Марк і Варка) і вар'яцтва (маці Варкі).

У аповесцях «Дзеці ночы» і «Распяцце, або Ці ж баліць галава ў вароны» скажэнне «прасторавага жыццєпадабенства» [7] адбываецца праз выкарыстанне матыву сну. Вілен Падкідны параўноўвае першую сустрэчу з Гуронам з гіпнатычным сном, ён не памятаў, «колькі часу хадзіў з Гуронам па лясных сцежках... Раніцай прачнуўся ён у Доме ночы <...> быццам перароджаны» [11, с. 11]. Менавіта ў сне Нінкі адбываецца ключавая для развязкі твора барацьба рознапалярных сіл за выратаванне душы Вілена.

На другую ноч пасля паездкі Андрэя з Марынай у Трокі яму прысніўся сон, экзистэнцыяльны па сваім змесце. Герой, знаходзячыся ў невыносна цяжкіх фізічных умовах, «быццам нехта нябачны ўсеўся на плечы, цісне, згінае, абшчапервае ледзянымі пальцамі горла ў хлопца» [11, с. 145], вымушаны зрабіць выбар: альбо, пераадольваючы сябе і знешнія небяспечныя абставіны, пайсці на выратавальны голас бабы Куліны, інакш «здарыцца нешта непапраўнае для яго» [11, с. 145], альбо следаваць пагрозліва-небяспечным указанням незнаёмага голаса і спыніць рух наперад.

Сон цалкам сімвалічны ў кантэксце не толькі дадзенага тэксту, але і іншых аповесцей А. Казлова, напісаных у рэчышчы магічнага рэалізму. Адолець пакручасты шлях у барацьбе з тым, што ўвасабляе зло, падуладна асобе моцнай і чыстай, той, якая здольная ісці «да праўды і шчырасці» «праз пакуты, праз слёзы і душэўны боль» [11, с. 146]. Згодна з меркаваннем Ю. Борава, у магічным рэалізме «рамантычная фантазія зліваецца з паўсядзённасцю і часам перамагае яе. У адрозненні ад безнадзейнага кафкіянскага свету ў мастацкай рэальнасці магічнага рэалізму казачная феэрыя прасякнута верай у дабрыню» [4, с. 424 – 425]. Героі аповесцей А. Казлова («Дзеці ночы», «Распяцце, або Ці ж баліць галава ў вароны», «Адкуль з'яўляюцца яны») у спакушальнай, нярэдка жорсткай барацьбе з «паслядоўнікамі Уладара» так ці інакш знаходзяць у сабе сілы працягнуць свой шлях, прытрымліваючыся агульначалавечых маральна-этычных каштоўнасцей.

А. Казлоў па-мастацку глыбока паказвае незвычайную ступень тонкасці і нават крохкасці мяжы духоўнасці і грахоўнасці чалавечай сутнасці. Аўтар надзвычай далікатна, але псіхалагічна заострана апісвае становішча асобы, якая апынулася ў сітуацыі бескампраміснага выбару на лёсавызначальным «памежжы»: Андрэй («Распяцце, або Ці ж баліць галава ў вароны»), Вілен («Дзеці ночы»), Ганна («Адкуль з'яўляюцца яны»). Акрэсленае дазваляе вызначыць выразныя экзистэнцыяльныя матывы ў аповесцях А. Казлова. Акцэнтуюм увагу, што дадзеная акалічнасць не супярэчыць законам магічнага рэалізму, а наадварот, выступае ў якасці адной з адметных яе прыкмет (К.М. Кісліцын).

Нягледзячы на відавочную заостранасць на актуальных аксіялагічных праблемах сучаснасці аповесці А. Казлова вылучаюцца антыдагматычным характарам. Пісьменнік пакідае права чытачу паглыбіцца ў патаемныя глыбіні чалавечай душы і падсвядомасці і самому спасцігнуць ключавыя асновы асобаснай экзистэнцыі, каб знайсці спосабы вырашэння надзённых пытанняў быцця.

Такім чынам, творчасць А. Казлова вылучаецца відавочнай наяўнасцю рыс магічнага рэалізму, дамінуючымі сярод якіх з'яўляюцца арганічнае ўзаемадзеянне рэальнай і звышнатуральнай прастор, адноснасць, суб'ектыўнасць і цякучасць часавай лініі, выразныя экзистэнцыяльныя матывы, антыдагматызм. Спецыфічнай прыкметай магічнага рэалізму аўтара з'яўляецца зварот да нацыянальных каранёў і вытокаў, гісторыі і фальклору Беларусі, спалучэнне ў кантэксце сучасных беларускіх рэалій сінкрэтычнага, рацыянальнага, рэлігійнага і містычнага тыпаў свядомасці, праявы якіх дазваляюць выявіць комплекс актуальных як у нацыянальным, так і агульначалавечым апекце аксіялагічных праблем, з якімі вымушана сутыкнуцца грамадства ў XXI ст.

Літаратура

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин ; РАН, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М. : Интелвак, 2001. – 1600 с.
2. Маслова, Е. Г. Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества [Электронный ресурс] / Е. Г. Маслова // КиберЛенинка. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskiy-realizm-kak-paradigma-kulturno-hudozhestvennogo-soznaniya-sovremennogo-obschestva>. – Дата доступа : 25.08.2022.
3. Ивлиева, И. Д. «Бесовские» романы И. Моргнер в контексте немецкой литературы магического реализма [Электронный ресурс] / И. Д. Ивлиева // КиберЛенинка. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/besovskie-romany-i-morgner-v-kontekste-nemetskoy-literatury-magicheskogo-realizma>. – Дата доступа : 25.08.2022.
4. Боров, Ю. Б. Магический реализм: человек живет в реальности, совмещающей в себе современность и историю, сверхъестественное, паранормальное и обыденное / Ю. Б. Боров // Теория литературы : в 4 т. / РАН, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; редкол.: Ю. Б. Боров [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 4 : Литературный процесс. – С. 421–425.
5. Мамонтов, С. Испаноязычная литература стран Латинской Америки XX века : учеб. пособ. для студентов филол. фак. ун-тов / С. Мамонтов. – М. : Высш. шк., 1983. – 327 с.
6. Гарсия Маркес, Г. Диалог о романе в Латинской Америке [Электронный ресурс] / Г. Гарсия Маркес, М. Варгас Льоса ; пер. Т. Коробкиной // NOBLIT.RU. – Режим доступа : <http://noblit.ru/node/1461>. – Дата доступа : 18.10.2022.
7. Кислицын, К. Н. Магический реализм [Электронный ресурс] / К. Н. Кислицын // КиберЛенинка. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskiy-realizm>. – Дата доступа : 25.08.2022.
8. Овчаренко, О. Магический реализм / О. Овчаренко // Теория литературы : в 4 т. / РАН, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; редкол.: Ю. Б. Боров [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 4 : Литературный процесс. – С. 425–442.
9. Гугнин, А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века : феномен и некоторые пути его осмысления / А. А. Гугнин. – М. : Институт славяноведения РАН, 1998. – 117 с.
10. Казлоў, А. Горад у нябёсах [Электронны рэсурс] / А. Казлоў // Мир книг. – Рэжым доступу : https://mir-knig.com/read_489890-1. – Дата доступу : 20.08.2022.
11. Казлоў, А. Незламная свечка : аповесці / А. Казлоў. – Мінск : Маст. літ., 2000. – 222 с.
12. Казлоў, А. Адкуль з'яўляюцца яны [Электронны рэсурс] / А. Казлоў // Мир книг. – Рэжым доступу : https://mir-knig.com/read_402421-1. – Дата доступу : 22.08.2022.

УДК 811.161.3'42'25:821-1(=172)(=174)(=511.113):929*А.Разанаў

Дзейнасць Алеся Разанава па перакладзе мастацкай літаратуры з літоўскай, латышскай, эстонскай моў

А.Д. ДАКУКІН

У артыкуле асэнсоўваецца перакладчыцкая дзейнасць Алеся Разанава з літоўскай, латышскай і эстонскай моў. Адзначаецца, што найчасцей пісьменнік звяртаўся да літоўскай мовы, якой дасканала валодаў. Дзякуючы паэту, па-беларуску загучалі шматлікія вершы, апавяданні, аповесці, раманы і п'есы. Калі ў 1970-я гг. перакладалася «традыцыйная» рыфмаваная лірыка, то пазней А. Разанаў звяртаецца і да эксперыментальнай паэзіі – твораў Ю. Марцінкевічуса, эстонскіх паэтаў, латышкага аўтара У. Бэрзыньша і г. д. Перакладзеныя А. Разанавым тэксты можна знайсці ў нумарах «Полымя», «Даляглядаў», «Крыніцы», у анталогіях «Літоўская савецкая паэзія», «Гняздоўе вятроў» і шматлікіх зборніках серыі «Паэты планеты».

Ключавыя словы: пераклад, паэзія, літаратура Літвы, Латвіі, Эстоніі.

The article examines the translation activities of Ales Razanau from the Lithuanian, Latvian and Estonian languages. It is noted that the writer most often turned to the Lithuanian language, which he was fluent in. Thanks to the poet, many poems, stories and plays have been translated into Belarusian. In the 1970s A. Razanau translated «traditional» rhymed lyrics, then later turned to experimental poetry – the works of J. Marcinkevičius, Estonian poets, the Latvian author U. Bērziņš etc. Translations by A. Razanau can be found in the journals «Polymia», «Daliahliady», «Krynica», in the anthologies «Lithuanian Soviet Poetry», «The Nest of Winds» and numerous collections of the «Poets of the Planet» series.

Keywords: translation, poetry, literature of Lithuania, Latvia, Estonia.

Зусім нядаўна адзначалася 75-годдзе з дня нараджэння пісьменніка Алеся Разанава (1947–2021), які вядомы найперш уласнай арыгінальнай спадчынай, што вывучаецца досыць актыўна. Аднак паэт часта выступаў і ў якасці перакладчыка, прычым гэты аспект дзейнасці А. Разанава пакуль належным чынам не асэнсаваны. Дзякуючы пісьменніку, па-беларуску загучалі творы паўднёваславянскіх, літоўскіх, нямецкіх, англійскіх і іншых аўтараў. Гэтыя тэксты публікаваліся на старонках перыядычнага друку («Малодосць», «Полымя», «Літаратура і мастацтва» і інш.), у штогадовых альманахах перакладной літаратуры «Далягляды», «Братэрства», уваходзілі ў зборнікі выбранага, прысвечаныя пэўным аўтарам, а таксама ў анталогіі паэзіі народаў СССР і замежжа («Літоўская савецкая паэзія», «Гняздоўе вятроў», «Сербская паэзія», «Анталогія грузінскай паэзіі», «Хай зорыць дзень!»). У 1990-я гг. паэт здзейсніў шмат творчых паездак, што паспрыяла ў тым ліку і з'яўленню вялікай колькасці перакладаў. Апублікаваныя яны галоўным чынам у часопісе «Крыніца» (у прыватнасці, лірыка М. Рэнджава, хайку М. Басё, вершы нямецкіх аўтараў др. пал. XX ст.). Тады ж А. Разанаў звяртаецца да старабеларускай літаратуры, узнаўляе даўнія тэксты сродкамі сучаснай мовы. Калі казаць пра апошнія дзесяцігоддзі, то плён дзейнасці перакладчыка адлюстраваны найперш у выданнях з серыі «Паэты планеты» (напрыклад, цалкам з разанаўскіх перакладаў складзены зборнікі выбранага Р. Тагора, С. Косавела, М. Басё). У нашай рабоце ахарактарызуем выкананыя А. Разанавым пераклады з літоўскай, латышскай і эстонскай моў.

Найчасцей пісьменнік перакладаў з *літоўскай* мовы, якой добра валодаў і таму мог карыстацца арыгінальнымі тэкстамі, а не падрадкоўнікамі. Калі меркаваць па звестках біябібліяграфічнага слоўніка «Беларускія пісьменнікі», то першымі былі перакладзены вершы «Дружба» С. Нерыс і «Дзеці ля помніка Леніну» А. Бярнотаса, надрукаваныя ў ЛіМе (1972) [1, с. 128]. Зімой 1973 г. А. Разанаў паехаў у суседнюю краіну ў творчую камандзіроўку (працягвалася да лета 1974 г.), дзе «авалодваў літоўскай мовай, перакладаў літоўскіх паэтаў ды яшчэ вышукваў рэшткі беларушчыны» [2, с. 163]. Гэтая акалічнасць дапамагла яму пры працы над згаданай вышэй двухтомнай анталогіяй «Літоўская савецкая паэзія». У названым выданні змешчаны вершы 86 аўтараў, перакладамі якіх займаліся 48 чалавек. А. Разанаў працаваў з тэкстамі 31 паэта, прычым творы 16 аўтараў перакладзены выключна ім. Так, у **першым** томе знойдзем разанаўскія пераклады з С. Нерыс (8 вершаў), К. Боруты (2), В. Мікалайціса-Пуцінаса (5), В. Анайціса (2, прычым усе наяўныя ў анталогіі творы гэтага аўтара поўнасю пераклаў А. Разанаў), А. Скінкіса (поўнасю, 5), А. Вянцлавы (поўнасю, 11), К. Корсакаса (2), А. Жукаўскаса (8), Э. Матузьявічуса (9), Э. Межэлайціса (4), П. Дравініса (поўнасю, 4). У

другім томе – А. Малдоніса (5), А. Пуйшытэ (поўнасцю, 2), Ю. Марцінкявічуса (1), В. Каралюса (3), Р. Скучайтэ (поўнасцю, 6), П. Рашчуса (поўнасцю, 3), І. Юшкайціса (3), А. Бярнотаса (8), А. Дабульскіса (поўнасцю, 3), Р. Кятуракіса (поўнасцю, 4), М. Марцінайціса (5), У. Шымкуса (поўнасцю, 8), Ю. Вайчунайтэ (поўнасцю, 11), П. Палілёніса (поўнасцю, 1), І. Кантаўтаса (поўнасцю, 5), А. Букантаса (поўнасцю, 5), С. Гяды (2), В. Пальчынскайтэ (3), О. Балюконітэ (поўнасцю, 6), Д. Саўкайцітэ (поўнасцю, 4). Падлічым колькасць твораў: у I томе пададзены тэксты 219 вершаў (пісьменнік пераклаў з іх 60), у II томе маецца 255 твораў (і 88 перакладаў). Такім чынам, усяго анталогія змяшчае 474 тэксты, з якіх 148 перакладзены А. Разанавым.

Літоўская даследчыца А. Лапінскене ў адной са сваіх работ называе і іншыя кнігі паэзіі, выдадзеныя пры ўдзеле А. Разанава: «Бяздомная любоў» А. Жукаўскаса (1974), «Трава і камень» Ю. Марцінкявічуса (1981), «Вадзяныя знакі» А. Малдоніса (1985), «Белы замак на гары» (паэзія М. Марцінайціса, С. Гяды, Э. Межэлайціса, 1992) [3, с. 179]. Напрыклад, зборнік «Вадзяныя знакі» [4] змяшчае 92 вершы, над якімі працавалі А. Разанаў (зрабіў 41 пераклад), А. Вольскі (19), В. Зуёнак (12), У. Паўлаў (2), Я. Сіпакоў (2), Х. Жычка (1), Р. Барадулін (7), Г. Бураўкін (5), Ю. Свірка (3). Са спадчыны М. Марцінайціса беларускі пісьменнік сярод іншага пераклаў шэраг балад пра Кукуціса (1984) і нават напісаў некалькі сваіх твораў з гэтым жа персанажам. Таксама маюцца яшчэ пераклады з А. Дрылінгі, В. Рэймерыса, Я. Дзегуцітэ, М. Чурлёніса, В. Марцінкуса.

Аднак А. Разанаў працаваў не толькі з літоўскай паэзіяй. У часопісе «Вясёлка» (№ 1 за 1981 г.) было надрукавана апавяданне К. Марукаса «У навагоднюю ноч». З творчасці К. Саі паэт пераклаў дзіцячую аповесць-казку пра гномаў «Гэй, хавайцеся!» (1982) і п'есу «Клеменс» (1979). Акрамя таго, назавём яшчэ раман Ё. Авіжуса пра падзеі пачатку 1940-х гг. «Час, калі пусцеюць сядзібы» (1989). У зборніку «Бурштынавыя пацеркі» (1984) змешчаны наступныя разанаўскія пераклады літаратуры для дзяцей: П. Машотас «Зайка-зладзюжка» (апавяданне), «Зімою» (урывак з аповесці); Вайжгантас «Казка віленскага замка»; Ш. Рагана «Вішні» (апавяданне); К. Боруа «Певень ідзе на паншчыну» (апавяданне); В. Мілюнас «Суніцы» (апавяданне); К. Марукас «Салдацкі гасцінец» (апавяданне); Р. Ланкаўскас «Стрыгун» (апавяданне). Пераклады публіцыстыкі знойдзем у зборніку «Наш Нёман» (1988).

Вышэй ужо згадвалася пра недастатковую даследаванасць перакладчыцкай дзейнасці А. Разанава айчынным літаратуразнаўствам. Калі казаць пра літоўскую крытыку, то асноўным даследчыкам з'яўляецца А. Лапінскене, прычым яна асэнсоўвае не толькі здабыткі А. Разанава, але і ўвогуле спецыфіку літоўска-беларускіх літаратурных сувязей. Навуковец была асабіста знаёмая з пісьменнікам, таму ў сваіх работах прыводзіць шмат цікавых звестак, у тым ліку, напрыклад, згадвае, пра цяжкасці, што ўзніклі ў беларускага перакладчыка: «Увосень 1982 года, сустрэўшыся ў Мінску, гутарыла з А. Разанавым пра анталогію [*“Літоўская савецкая паэзія”*], спецыфіку перакладчыцкай работы, яе складанасці і асаблівасці. Ён здзівіў мяне тым, што не толькі валодаў літоўскай мовай, а і адчуваў яе. На пытанне, што аказалася самым няпростым пры перакладзе літоўскай паэзіі, А. Разанаў назваў архаічнасць літоўскай мовы» [3, с. 178]. Таксама адзначаецца, што пісьменнік не проста добра разумее, а адчувае літоўскую мову, лёгка працуе як з сучаснымі творамі, так і з класікай, імкнучыся пры гэтым як мага больш дакладна перадаць па-беларуску сутнасць пэўнага тэксту і асаблівасці стылю ягонага аўтара: «Рэдактар анталогіі Васіль Вітка прызнаваўся, што А. Разанаў паспяхова, прафесійна перакладае і класіку, і найноўшых паэтаў. І гэты поспех невыпадковы. А. Разанаў – таленавіты творца. Уражвае яго ўспрымальнасць, паэтычнае чуццё, здольнасць паглыбіцца ў светаадчуванне і творчы почырк таго паэта, які перакладаецца, паразумецца з самаю існасцю твораў і суадпаведна ўзнавіць іх на роднай мове» [3, с. 178].

Бачна, што паэт актыўна перакладаў тэксты вялікай колькасці літоўскіх аўтараў. Але ягоная сувязь з літаратурным працэсам суседняй краіны гэтым не абмяжоўваецца. У 2018 г. у віленскім выдавецтве «Номо liber» выйшаў зборнік «Lietuviški punktyrai» («Літоўскія пункціры»), які склалі пункціры (створаны А. Разанавым новы жанр), «натхнёныя» краявідамі, жыццём і культурай Літвы і напісаныя на тамтэйшай мове. Водгукі крытыкаў пра названую кнігу апублікаваў па-беларуску часопіс «Дзеяслоў» [3]. Там, напрыклад, адзначаецца, што праца паэта з тэкстамі на літоўскай мове пэўным чынам паўплывала і на ягоную беларускую творчасць. Калі казаць пра лексіку, то самыя ярковыя прыклад такога ўплыву, на наш погляд, – словы *бажніца*, якое сугучна з літ. *bažnyčia* і сустракаецца ў пісьменніка значна часцей, чым *царква*. Неабходна таксама згадаць, што ў 2018 г. А. Разанаў за «ўвагу і любоў да літоўскай мовы, за яго пераклады літоўскай літаратуры на беларускую мову» (Б. Ёнушкяйтэ) [3, с. 178] атрымаў званне ганаровага сябра Саюза пісьменнікаў Літвы; прычым такіх ганаровых сяброў там усяго трое, а прапанову аб наданні А. Разанаву гэтага звання падтрымалі адзінагалосна ўсе літоўскія пісьменнікі.

З *латышскай* мовы А. Разанаў перакладаў вершы вядомага сучаснага пісьменніка У. Бэрзыньша (1944–2021). Так, у № 18 «Крыніцы» за 1996 г., значная частка якога прысвечана творчасці гэтага аўтара, змешчаны тэксты «Сярэдзінны час», «Хлусня», «Пятроў дзень», «Рыпяць вароты...» і інш. А. Разанаў у прыведзенай побач нататцы адзначае: «Улдys Бэрзыньш – вятрак, што ўзяў ролю і пераняў паводзіны Дон-Кіхота. Усе вятры свету варушаць яго крылы, і беларускі ў тым ліку ... Для мяне гэты “вятрак” адкрыўся ў свой час не толькі як сума адмысловых тэкстаў, але і як з’ява, што сама здольна адкрываць, – як новы, амаль універсальны кантэкст» [5, с. 60–61]. Заўважым з гэтай нагоды, што латышскі пісьменнік займаўся вывучэннем вялікай колькасці моў (найперш цюркскіх), перакладаў з іх. Яго намаганнямі па-латышску загучалі, у прыватнасці, «Каран», «Псалтыр», «Слова пра паход Ігаравы», вершы Саадзі і В. Хлебнікава. У. Бэрзыньш цікавіўся славянскім фальклорам, ведаў беларускую мову і сябраваў з А. Разанавым. Таксама пісьменнік эксперыментаваў са зместам і формай сваіх вершаў (напрыклад, адмовіўся ў іх ад знакаў прыпынку або расстаўляў хаатычна). У матэрыяле «Крыніцы» паэт так гаворыць пра ўласныя адносіны да пунктуацыйнага афармлення вершаў: «У старой персідскай і цюркскай паэзіі знакаў прыпынку наогул не існавала. Біблейская паэзія, у сваю чаргу, занадта багатая знакамі прыпынку, націску, інтанацыі, – але іх рабілі вышкаленыя рэдактары сотнямі і сотнямі гадоў пасля з’яўлення саміх тэкстаў. Калі ў тэксце няма знакаў, словы толькі, дык самі словы, іх марфалагічная форма, сінтаксічны лад павінны ўказваць тое дыханне, тую жарсць, якія тэкст імкнецца выказаць! Таму персаў Саадзі і Румі, турка Юнуса Эмрэ я перакладаў без знакаў: калі ім не трэба было кропак на помач, дык і мне не трэба. Неабходна ператлумачыць тэкст так, каб ён існаваў і без знакаў прыпынку (дадатковых путаў для перакладчыка...)» [5, с. 54–55].

Тэксты У. Бэрзыньша для часопіса пераклалі А. Гуцаў і А. Разанаў. Апошні зрабіў 10 перакладаў, і большасць з іх – вершы без рыфмы. Творы «Хлусня», «Звацца», «Сярэдзінны час», «Эстонскі матыў», «Агонь трухлее хліпае альшына год...», «Рыпяць вароты, вецер трэцца...» маюць падзел на абзацы-страфоіды і хаатычную расстаноўку знакаў прыпынку (дзесьці яны стаяць усюды, дзесьці – толькі ў канцы радкоў, а ў частцы тэкстаў увогуле адсутнічаюць). Вершы «Пятроў дзень», «Ліфляндзя з чатырох да пяці» напісаны як адзін доўгі абзац-сказ з расстаўленымі коскамі. Верш «Крот рые сад, жыццё памрока...» падобны да названых тэкстаў, толькі абзацаў-сказаў у ім два. Адзіны прыклад рыфмаванага тэксту наступны: «Пупышкі свае навіны, // нябёсы сваю галечу // раскрылі... // Не ў зеляніну // глядзі ўжо, // і не ў сінечу. // Сцярожка, нібы на пласе, // слухай, аднаразовы, // як мурашы ў прадчассі // вядуць між сабой размову» [5, с. 77]. Адпаведна, латышскі пісьменнік, як і А. Разанаў, большую цікавасць праяўляе да формы версэта (у «разанаўскім» разуменні дадзенага жанру) і верша ў прозе, хоць можа пісаць і «традыцыйныя» рыфмаваныя творы. Іншы раз У. Бэрзыньш змяшчае ў назвах некаторых тэкстаў цікавыя жанравыя вызначэнні: «Паэтызм беларус», «Празаізм салавей», «Апакрыфічная проза»; прычым, па заўвазе А. Гуцава, вершы ў адным зборніку могуць называцца і прозай, і паэзіяй, і вершамі [5, с. 57]. Пісьменнік на гэта адказвае, што пры перавыданні вырашыў пакінуць такія тэксты ўвогуле без назвы, бо «Усё словамастацтва – паэзія, усё сюжэтамастцтва – проза. У літаратуры абедзве ідуць уперамешку: ва ўсіх жанрах» [5, с. 57].

А. Гуцаў паведамляе, што ў мове твораў У. Бэрзыньша няма актыўнага ўжывання неалагізмаў або дыялектнай лексікі, аднак ягоная паэзія «паддаецца толькі імітацыйнаму перакладу і перакладу з каментарыямі ...» [5, с. 74]. Прычына гэтаму – т. зв. моўны эліпс, недасказанасць. Згодна з тлумачэннем А. Гуцава, вершы паэта будуць на полісеміі і семантычнай глыбіні слоў. Як вядома, у розных людзей успрыняцце аднаго і таго ж слова ніколі не будзе тоесным; яно залежыць ад досведу чытача, псіхічных працэсаў. У. Бэрзыньш закладвае ў верш магчымасць па-рознаму тлумачыць адно і тое ж слова, выраз (часта нават у не прадугледжаным пісьменнікам кірунку). Адпаведна, славесны аб’ём тэксту атрымліваецца заўсёды меншы за патэнцыйны сэнсавы аб’ём. Вось гэта і ёсць, паводле перакладчыка, з’ява эліпсу. Іншая важная асаблівасць – пэўны ўплыў шматлікіх моў, якія ведаў латышскі аўтар: «Паэзія Улдys Бэрзыньша – перакладчыка-паліглота – менавіта гэтай з’явай міжмоўнага сутыкнення інспіравана, яна вырастае з маргінальных зон семантыкі слоў – там, дзе пачынаецца моўны эліпс» [5, с. 74]. На жаль, каб дакладна ўсвядоміць асаблівасці тэкстаў паэта, неабходна азнаёміцца з імі па-латышску, прычым дасканалы ведаючы лексіку з усімі яе семантычнымі адценнямі, а таксама характэрныя культурныя коды і архетыпы. Гэты багаты культурна-моўны пласт з’яўляецца амаль неперакладаемым. Аднак істотна, што прыведзеныя вышэй палажэнні лёгка дастасуюцца і да творчасці А. Разанава. Даследчыкі ягоных тэкстаў неаднаразова падкрэслівалі імкненне аўтара да «сціскання» аб’ёму твораў

(квантэмы, вортдыхтэ і пункціры могуць складацца ўсяго з трох радкоў, а словатворы ўяўляюць сабой кожны толькі адно асобнае слова), аднак яны могуць быць па-рознаму патлумачаны дзякуючы асабістым ведам чытачоў, умовам і часу азнаямлення з творам, эмоцыям, настрою і інш. Абмежаванасцю аб'ёму вершаў А. Разанаў як бы «правакуе» мысленне чалавека-ўспрымальніка дапоўніць вобразную карціну тэксту, абапіраючыся на назапашаны за жыццё досвед, прычым адрозны ў кожнага, адшукаць тое, што не рэпрэзентавана словамі, але закладзена ў змест аўтарам (і тое, што не закладзена). Шмат таксама было напісана пра сувязь разанаўскай творчасці з нацыянальнымі беларускімі архетыпамі. Назавём, напрыклад, вобразы дуба, балота, акна, дзвярэй і парога, маланкі. А ў вершаках, напрыклад, адлюстравалася знаёмства А. Разанава з замежнымі мовамі.

У 1986 г. з'явіўся невялікі зборнік «Гняздоўе вятроў» [6]. Сюды ўвайшлі тэксты шэрагу *эстонскіх* паэтаў XX ст. Рэдактарамі выдання былі Г. Шаранговіч і А. Разанаў, які выступіў таксама ў якасці аднаго з перакладчыкаў. Агульная колькасць вершаў у кнізе – 145, а аўтараў – 22. Письменнік працаваў з творами Х. Тальвіка – «Легендарны», «Асенняя песня» і інш. (усяго 5 вершаў); К. Мерылас – «За хатаю – возера...», «Сведчанне», «Вечар»; Д. Варандзі – «Ноч», «Балада» і інш. (6); А. Аліксара – «Пошуг маланкі», «Перавернутае імгненне» і інш. (4); А. Калепа – «Не, прарокам я быць не хачу...», «Мяркую, пара мне сказаць пра азёры...» і інш. (5); Х. Рунэля – «Мы адыходзім...», «Вечароў чырвоных пурпур...» і інш. (5); Я. Каплінскага – «Жыццё як імгненне», «Сёння...» і інш. (11); В. Луйк – «Вішня», «Каханне» і інш. (13); Ю. Вайдзінга – «безліч пакояў дом той хавае...», «Прыйдучь аднастайныя часіны...», «Ад жывых лісты і ад памерлых...». Адапаведна, усяго 55 разанаўскіх перакладаў.

Калі ў літоўскай анталогіі пададзены «традыцыйныя» вершы з той ці іншай рыфмоўкай (бадай, вылучаюцца пэўным чынам толькі «Сямірадкоўе пра бязмоўную пагібель» С. Гяды, дзе адсутнічаюць знакі прыпынку, а таксама «З высокага неба...» В. Анайціса і «З «Паэмы агню»» Ю. Марцінкявічуса, дзе рыфмаваныя радкі перамешваюцца з халастымі), то ў эстонскіх пісьменнікаў «нетрадыцыйных» вершаў досыць багата. Вышэй гаворка вялася пра пункціры А. Разанава. Да іх па форме падобныя карацелькі В. Луйк: «Ты ж ведаеш: // любяць мяне // сняжынкi. // Пагавары са мною // на мове // гэтага снегападу» [6, с. 115], «Прычаравалі дажджы // белую казку // да гнуткіх галін» («Вішня») [6, с. 115]. Акрамя таго, вершы эстонскай паэткі, як і пункціры, малююць перад намі адзін пэўны вобраз, раптам убачаны аўтарам, перадаюць перажытыя ў той момант эмоцыі. Асабліваю цікавасць сярод змешчаных перакладаў эстонскіх пісьменнікаў выклікаюць тэксты з адсутнымі знакамі прыпынку. Напрыклад, верш Ю. Вайдзінга «безліч пакояў дом твой хавае...» захоўвае падзел на строфы, рыфму, але з пунктуацыйных знакаў там засталіся толькі кропкі ў канцы кожнай страфы. У Я. Каплінскага рыфма адсутнічае, маюцца толькі радкі, вылучыць сэнсавыя часткі ў якіх мусіць чытач: «Не мае межаў нябыт быццё напойваецца спакоем // тлумачыш ты Лаа-цзы па-свойму тлумачышся ім // кніга разгорнутая і сягоння // ляціць матыльком абдымаюцца шчыльна // у кветкавай завязі і нерухомаць і рух // вецер вясновы хвалое рунь і пачуцці // калі я нешта кажу дык таму што за мной // віруе вада і масты трываюць // і лунае палатка ў белай лапландскай начы // на ланцужкі распадаюцца фразы гэтак // выказваецца жыццё што выказвае мудрасць твой // позірк растане ў белых аблоках гэта // любоў што сцірае нас з белых лістоў вучнёўскіх // і дазваляе ліцца дажджу аж пакуль між намі // і гэтай зямлёю растануць апошнія межы // усё і святло і кару і лістоту і нас напаўняюць // сляды неабсяжнасці гэта любоў застанемся // мы тым застанемся што нічыё» [6, с. 106–107]. Хоць тэкст пазбаўлены кропак і косак, але ён застаецца зразумелым, чытачу цікава адбудоўваць назад фразы, што распаліся, як пазначана ў творы, на мноства ланцужкоў. У залежнасці ад пэўнага ўстаўленага знака прыпынку, наяўнага аўтарскага падзелу на радкі (які не заўсёды супадае з сэнсавым завяршэннем фразы) утвараюцца розныя па эмацыянальнасці і змесце сказы: «Не мае межаў нябыт, быццё напойваецца спакоем – тлумачыш ты Лаа-цзы па-свойму, тлумачышся ім. Кніга, разгорнутая і сягоння ...» і «“Не мае межаў нябыт. Быццё напойваецца спакоем», – тлумачыш ты, Лаа-цзы. Па-свойму тлумачышся ім, кніга, разгорнутая і сягоння...» і інш. А. Разанаў стварыў падобны аўтарскі жанр злёсаў – тэкстаў з разгорнутым сюжэтам, аднак без знакаў прыпынку, дзе чытач таксама мусіць «адбудаваць», злучыць самастойна сэнсавыя часткі фраз. У гэтым часта дапамагае загалоўак. Да злёсаў блізкія яшчэ разанаўскія квантэмы, якія, аднак, загалоўкаў не маюць і складаюцца ўсяго з 3–4 радкоў. Пэўныя сэнсавыя часткі тут прапушчаны, таму «аднавіць» першапачатковы змест квантэмы бывае даволі складана.

Адзначым, што і ў 2010-я гг. А. Разанаў займаўся перакладам тэкстаў з названых моў. У названым вышэй нумары «Дзеяслова» А. Лапінскене піша пра выхад кнігі, дзе маюцца разанаўскія пераклады з літоўскай: «Адно з апошніх выданняў – “Выбраная лірыка” Юсцінаса

Марцінкявічуса (2019): доля ўкладу Алеся Разанава важкая» [3, с. 179]. Магчыма, гаворка вядзецца пра кнігу Ю. Марцінкявічуса «Выбраная лірыка», якая была выдадзена ў 2019 г. у серыі «Паэты планеты» [7]. Зборнік змяшчае 60 вершаў, сярод якіх 39 пераклаў А. Разанаў, 11 – Л. Баршчэўскі, 10 – Р. Барадулін. У пачатку кнігі пазначана, што пераклад зроблены паводле літоўскамоўных выданняў 1979, 2005 і 2012 гг. Як бачна, асноўнае месца займае якраз выкананае А. Разанавым. Гэта рыфмаваныя вершы («Крылатыя сосны», «Пахаванне ракі», «Акно», «Раны», «Калі гаворым аб айчыне...» і інш.), верлібры («Час», «Душа напоўнілася крыкам жураўлёў...», «Калі стараецца прыпомніць дрэва...», «Лагода гэтае жыццё», «Маленства паэзіі» і інш.), вершы без знакаў прыпынку («Паэзія?», «Хлеб», «выгавараную...» і інш.). Верш «Хлеб», дзе лірычны герой «бачыў у хлебе аблічча бога» [7, с. 70], тэматычна перклікаецца з разанаўскай злёсай «З-пад рукі». У некаторых тэкстах прысутнічае гукапіс (на жаль, мы не можам сказаць, асабліваецца гэта арыгінальнага твора або менавіта перакладу), напрыклад, «А што я не маю – // узруненай роўнядзі нівы // ці горнасці неба, // з якім дзе калі гаварыў ганарліва» [7, с. 6], «Не маем асновы: // адкуль і куды. // Здумелыя словы. // І выдмы нуды. // Ці хібы сялібы, // ці ямы віры, // што рушылі рыбы // у вырай нямы?!» [7, с. 17].

У гэтай жа серыі «Паэты планеты» выдадзены зборнік Т. Вянцлавы «Выбраныя вершы» (2019), дзе змешчаны разанаўскі пераклад верша «Паўтор з варыяцыямі».

Вышэй адзначалася, што пісьменнік перакладаў не толькі паэзію, але і прозу з драматургіяй. Асаблівую цікавасць выклікае здзейснены А. Разанавым пераклад п'есы К. Саі «Клеменс». Тэкст друкаваўся ў № 20 (4) «Крыніцы» за 1996 г., а асобнымі выданнямі п'есавыдадзена ў 2012 (серыя «Драматургі свету») і 2013 гг. [8]. У арыгінале твор мае назву «Дзевяцібедаўцы». Гэта жыхары аднайменнай вёскі, што жывуць хоць і бедна, але ў спакоі і волі, атуленыя непразнай пушчай. Аднойчы туды трапляе карабель замежных купцоў, якія здзіўляюцца «безгаспадарлівасці» тутэйшых (напрыклад, можна ссекчы дрэвы і дорага прадаць, але людзі гэтага чамусьці не робяць), іх сціпласці і нават задаволенасці такім бедным жыццём. Купцы прапануюць дзевяцібедаўцам набыць Клеменса – незвычайна разумнага быка замежнай пароды. Пасля доўгага абмеркавання і спрэчак вяскоўцы ўсё-такі набываюць яго, сабраўшы апошнія грошы. У выніку былая Дзевяцібедаўка пераўтварылася ў вельмі заможнае паселішча. Статкі павялічыліся, а малака стала зашмат, таму нават колы ў вазах замест смалы мазалі маслам. Аднак выявілася, што Клеменс не любіць песняў, моцных пахаў, стракатых колераў і шалее ад іх. Таму людзі перасталі збірацца на святы, сеяць півоні, апранаць яркія андаракі, каб не парушыць спакой быка – ужо сапраўднага валадара Дзевяцібедаўкі. Жыхары цяпер заўсёды насілі на галовах клінкі для сыру ці гаршчкі з-пад малака, бо толькі пах апошняга супакойваў жывёліну. Адпаведна, вяскоўцы жылі ў багацці і раскошы, але ранейшай свабоды і спакою не было. Гэта асабліва засмучае музыку Скалнаса, які наважваецца забіць Клеменса, каб вярнуць ранейшае жыццё – беднае, але сапраўднае. Але не паспелі вяскоўцы нарэшце адчуць палёгкі, як зноў з'яўляюцца купцы, везучы чарговы тавар – незвычайнага каня.

У канцы 1970-х рэжысёр В. Маслюк, пазнаёміўшыся з п'есай К. Саі, вырашыў паставіць яе ў Беларусі. І звярнуўся да А. Разанава з просьбай перакласці тэкст, паколькі пісьменнік ведаў літоўскую мову і ў той час ужо быў вядомы сваімі перакладамі. П'еса былапастаўленая на сцэне Віцебскага драмтэатра і выклікала шырокі розгалас. Адзначаецца, што беларускі тэкст атрымаўся больш вострасацыяльным, бо засяроджваў увагу на праблеме захавання нацыянальнай культуры, мовы, свядомасці. Вось што каза сам рэжысёр В. Маслюк: «Ужо пры першай сустрэчы стала зразумела: гэты – зробіць! [А. Разанаў зробіць пераклад]. І прадчуванне збылося. У выніку перакладу з'явіўся новы «Клеменс», беларускі. Не, і сюжэт, і характары быццам бы засталіся тыя ж, але агульнае **наша** разуменне, пра што будзе спектакль, зрабіла п'есу больш тагачаснай і беларускай» [8, с. 100]. Рэжысёр згадвае і дакладную дату работы над спектаклем – 1979 г. (напрыклад, у анатацыі да выдання 2013 г. называецца канец сямідзясятых). Сам перакладчык так характарызаваў сваю работу над п'есай і ўражанне ад пастаноўкі: «Пачатак... Дамовіліся з Валерыем Маслюком – і я пачаў перакладаць «Клеменса» з літоўскай на беларускую. І больш за тое, перакладаў у нашу тагачасную атмасферу. Асобныя мясціны, пункты, пасажы завастраліся, актуалізоўваліся і нават развіваліся. Ну, а вершы ці песні, якія там гучаць, яны з самага пачатку пісаліся пасвойму. У самой п'есе такіх вершаваных тэкстаў няма. Гэта быў ужо заказ Маслюка, ён хацеў, каб прагучалі не пераклады, а сапраўдныя творы, і каб песні краналі залу. Я быў, прысутнічаў, і водгук і ад спектакля, і ад песняў знаходзіў мяне нават не толькі ў зале, але і потым» [2, с. 115]. Спектакль сапраўды аказаўся надзённым і папулярным у публікі.

П. Ламан, выканаўца ролі Скалнаса, распавядаў З. Бартосіку, што ў час гастролі ў Віцебскага тэатра ў Коўне п'есу паглядзеў і сам К. Сая: «... п'еса Саі "Клеменс" сама па сабе ніякай ідэалагічнай нагрузкі не нясе. Яна вельмі смешная. Гэта камедыя чыстай вады. І калі рэжысёр прачытаў, уся трупы ўспрыняла яе на ўра. Тым больш, у перакладзе Алеся Разанава яна вельмі смачна гучала.<...> Калі мы прыехалі на гастролі ў Коўна, за кулісы прыйшоў аўтар – Казіс Сая і сказаў – выдатны спектакль, але я пра гэта не пісаў» [2, с. 118–119]. У 2016 г. «Клеменс» быў пастаўлены рэжысёрам М. Лашыцкім у Гродзенскім аблдрамтэатры [9].

У 2013 г. па-беларуску выйшла кніга выбраных твораў У. Бэрзыньша «Салаўі крычаць, я па-латышску...», дзе можна знайсці пераклады А. Разанава і А. Гуцава. Дарэчы, калі У. Бэрзыньш наведваў прэзентацыю гэтага выдання ў Мінску, то даў інтэрв'ю «Настаўніцкай газеце», дзе сярод іншых было пытанне пра любімыя замежныя мовы і аўтараў. З беларусаў У. Бэрзыньш назваў якраз А. Разанава: «Яго паэзія мне блізкая па архітэктоніцы, прынамсі, тое, што ён раней пісаў. А цяпер да майго вялікага жаху ён сышоў у нейкі іншы бок, куды я ўжо не магу за ім крочыць. Гэта адбылося тады, калі ён пачаў займацца старажытнай літаратурай, пераствараць старажытныя тэксты на сучасны лад» [10].

Адпаведна, перакладам з названых моў А. Разанаў займаўся вельмі актыўна на працягу ўсіх шасці дзесяцігоддзяў уласнай творчай дзейнасці. Найчасцей пісьменнік звяртаўся да літоўскай (па колькасці выкананых паэтам перакладаў з ёй можа «паспаборнічаць» хіба толькі сербахарвацкая), якой валодаў так дасканала, што пазней стаў ствараць на ёй свае арыгінальныя творы. Дзякуючы паэту, па-беларуску загучалі шматлікія вершы, аповяданні, аповесці, раманы і п'есы. Калі ў 1970-я гг. перакладалася «традыцыйная» рыфмаваная лірыка, то пазней А. Разанаў звяртаецца і да эксперыментальнай паэзіі – твораў Ю. Марцінкявічуса, эстонскіх паэтаў, У. Бэрзыньша і інш. З латышскім пісьменнікам А. Разанаў сябраваў асабіста; і эстэтычныя погляды абодвух аўтараў з'яўляюцца шмат у чым блізкімі (цікавасць да верлібру, адсутнасць у тэкстах знакаў прыпынку, зварот да кантэксту многіх моў). Адметнай з'яўляецца і лексіка перакладаў, дзе можна знайсці ў тым ліку малаўжывальныя зараз літаратурныя словы, дыялектызмы, устарэлыя адзінкі і аўтарскія наватворы. Варта, аднак, заўважыць, што айчынная і замежная крытыка пакуль не асэнсавала належным чынам плён перакладчыцкай дзейнасці А. Разанава. Дзякуючы А. Лапінскене, больш-менш даследаванымі з'яўляюцца толькі пераклады з літоўскай. Ды і самі зборнікі, анталогіі, нумары «Крыніцы» і пад. выйшлі дастаткова даўно і зараз ужо маладаступныя шырокаму чытачу.

Літаратура

1. Гарэлік, Л. М. Разанаў Алесь / Л. М. Гарэлік // Беларускія пісьменнікі : біябібліяграфічны слоўнік : у 6 т. / Л. М. Гарэлік ; Інстытут літаратуры імя Я. Купалы Акадэміі навук Рэспублікі Беларусь, Беларуская энцыклапедыя ; гал. рэд. Б. І. Сачанка. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1995. – Т. 5 : Пестрак–Сяўрук. – С. 126–129.
2. Разанаў, А. С. Невядомая велічыня : гутаркі, артыкулы, згадкі / А. С. Разанаў. – [б. м.] : Логвінаў, 2017. – 254 с.
3. Вялікае Княства паэзіі Алеся Разанава. Галасы з Літвы // Дзеяслоў. – 2020. – № 1 (104). – С. 177–183.
4. Малдоніс, А. Вадзяныя знакі : вершы / А. Малдоніс. – Мінск : Маст. літ., 1985. – 158 с.
5. Гуцаў, А. Улдыс Бэрзыньш / А. Гуцаў [і інш.] // Крыніца. – 1996. – № 18 (2). – С. 51–77.
6. Гняздоўе вятроў. Вершы эстонскіх савецкіх паэтаў / рэд. Г. Шаранговіч, А. Разанаў ; пер. з эст. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1986. – 141 с.
7. Марцінкявічус, Ю. Выбраная лірыка / Ю. Марцінкявічус ; пер. з літ. – Мінск, 2019. – 84 с.
8. Сая, К. Клеменс : п'еса / К. Сая ; пер. з літ. А. Разанаў. – Мінск : І.П. Логвінаў, 2013. – 116 с.
9. Клеменс [Электронны рэсурс] // Гродзенскі абласны драматычны тэатр. – Режим доступу : <https://drama.grodno.by/affiche/klemens-3/>. – Дата доступу : 12.09.2021.
10. Чэмер, М. Паэт, перакладчык Улдыс Бэрзыньш (Латвія) : «Усё ёсць так, як яно ёсць...» [Электронны рэсурс] / М. Чэмер // Настаўніцкая газета. – Рэжым доступу : <https://nastgaz.by/paet-perakladchyk-uldys-berzynsh-latv/>. – Дата доступу : 24.03.2021.

УДК 811.161.1'367.4'371:72.012.9

Специфика значения слова *пространство* в составе конструкции *пространство для чего-либо*

П.С. ЗАВТРИКОВА

В настоящей работе определено содержание слова *пространство* как компонента активно используемой в современном дискурсе синтаксической конструкции *пространство для чего-либо*. Источником фактического материала послужили тексты основного корпуса НКРЯ. Было выявлено, что к XXI в. сформировались дополнительные значения слова *пространство*, не фиксируемые толковыми словарями русского языка, такие как 'место, в частности комната или здание, которое может быть использовано для конкретной цели', 'свобода и время думать или делать то, что хочется'.

Ключевые слова: пространство, семантика, компоненты значения, конструкция, Национальный корпус русского языка.

This paper defines the content of the word *space* as a component of the syntactic construction, actively used in modern discourse, *space for something*. The texts of the main corpus of the RNC served as a source of factual material. It was revealed that by the 21st century, additional meanings of the word *space*, that are not fixed by the explanatory dictionaries of the Russian language, had been formed, such as 'a place, especially a room or a building, that can be used for a particular purpose', 'the freedom and the time to think or do what you want'.

Keywords: space, semantics, meaning components, construction, Russian National Corpus.

Восприятие человеком окружающего мира обусловлено многочисленными объективными и субъективными факторами. Первостепенное значение имеет осознание пространственно-временной структуры действительности. Бытие, по утверждению Н.Д. Арутюновой, «определяется тремя основными параметрами: онтологическим, пространственным и временным» [1, с. 172]. Некоторые исследователи языка и культуры особенно подчеркивают значимость пространственного восприятия. Так, например, М.Ю. Лотман пишет, что «семиотика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры» [2, с. 205].

Одним из показателей важности категории пространства для человека является активное использование им слов с пространственной семантикой для обозначения разных феноменов бытия: *карьерный рост, крайний срок, на правильном пути, поле экспериментов, положение в обществе, широта души* и т. д. На то, что пространственные метафоры «внутренне присущи понятийной системе человека», обращают внимание Дж. Лакофф и М. Джонсон [3, с. 166]. Закономерно, что метафорика слов с пространственной семантикой уже являлась предметом отдельного научного исследования ([4], [5], [6] и др.).

Все больше расширяется семантика и доминантного имени концепта «Пространство». В последние годы отмечается значительное увеличение терминологических словосочетаний с ключевым словом *пространство*: *информационное пространство, кинематографическое пространство, социальное пространство, паремиологическое пространство, правовое пространство* и др.

Главная задача исследования, результаты которого отражены в данной статье, состояла в определении содержания слова *пространство* как компонента одной из активно используемых в современном дискурсе синтаксической конструкции. Актуальность работы связана с недостаточной изученностью функционирования слов, называющих абстрактные понятия, необходимостью всестороннего изучения функционирования в речи языковых единиц, имеющих отношение к объемным по своему содержанию когнитивным структурам.

Для слова *пространство* авторитетные толковые словари (под редакцией Д.Н. Ушакова [7, с. 1012], С.И. Ожегова [8, с. 622], Т.Ф. Ефремовой [9], С.А. Кузнецова [10]) с разной рубрикой, но практически в идентичных формулировках предлагают следующие значения:

- 1) 'одна из основных форм существования материи';
- 2) 'неограниченная протяженность во всех измерениях, направлениях';
- 3) 'промежуток между чем-н.; место, способное вместить что-л.';
- 4) 'большой участок земной поверхности'.

В толковом словаре под редакцией Д.В. Дмитриева также приведены эти четыре значения; кроме того, автор описывает две конструкции, в которых слово *пространство* характеризуется несколько иной семантикой: 'если кто-то говорит, произносит и т. п. что-то **в пространство**, значит, он произносит свои слова, не адресуя их никому конкретно, обращаясь ко всем сразу или размышляя вслух'; 'говоря о ком-то или чём-то, что он **занимает всё пространство**, вы подразумеваете, что этот человек или предмет очень велик, занимает очень много места в каком-либо помещении' [11].

Закономерно то, что лексикографическое описание обычно не успевает за развитием семантики слова. В настоящей статье выдвигается предположение о том, что к XXI в. сформировались дополнительные значения слова *пространство*. Для проверки данного положения мы обратились к ресурсам Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [12].

Из основного корпуса НКРЯ были отобраны контексты, в составе которых фиксируется сочетание слова *пространство* и существительного в форме Р. п. с предлогом *для*. Субстантивные словосочетания подобного состава (сущ. + *для* + сущ.) очень частотны в употреблении (почти 270 тысяч иллюстраций в основном корпусе НКРЯ).

В синтаксическом словаре Г.А. Золотовой описаны два типичных именных сочетания, в которых предлог *для* употребляется при имени предмета, предназначенного для названной цели (иллюстрации 1, 2), и при отвлеченных именах (иллюстрации 3, 4) [13, с. 42–43]:

*Поднялись на второй этаж, и пока старик звенел в кармане ключами, Дмитрий Алексеевич в раздумье осмотрел высокую, изрезанную дверь, облепленную без малого десятком **кнопок для звонков*** (В. Дудинцев. Не хлебом единым (1956)) (1) [12];

*Классическое **место для сушки растений** – чердак, там условия просто идеальны* (Е. Мельникова. Сад своими руками (2003)) (2) [12];

*У моих товарищей не хватало **дней для осуществления** всего задумываемого, которое казалось им так важно и так нужно* (Н. Морозов. Возникновение «Народной воли» (1928)) (3) [12];

*А отсутствие нравственного прогресса, т. е. сохранение постоянного отношения добра и зла, этой неумолимой константы жизни, ясно доказывает, что в материальном прогрессе **блага для человечества нет*** (Б. Вахтин. Письма самому себе (1967)) (4) [12].

Исследуемая конструкция с ключевым словом *пространство* также частотна (более трехсот вхождений) и представляет интерес, ввиду того что *для* – целевой предлог, а значит, носители языка воспринимают пространство как условие, возможность или необходимость для реализации чего-либо.

306 корпусных контекстов с конструкцией *пространство для чего-либо* с учетом семантики ключевого существительного можно разделить на несколько групп:

1) контексты, в которых слово *пространство* употребляется в прямом значении, то есть речь идет о физическом пространстве:

*Невский Проспект обладает разительным свойством: он состоит **из пространства для циркуляции публики*** (А. Белый. Петербург (1913–1914)) [12];

*Выхлопные трубы были прижаты ближе к коробке передач, в результате чего появились **большие пространства для внутренних туннелей*** (Дж. Уолтерс, Л. Шугуров. Красота по-итальянски // «Формула» (2002)) [12];

2) контексты, в которых слово *пространство* употребляется во вторичном номинативном значении, то есть речь идет не о физическом пространстве, а об умообразной сущности:

*Он собирается создать (и ведь создаст) большой оркестр – ему кажется, что у нас предостаточно **свободного пространства для большого джаза*** (О. Утешева. Не оставляйте стараний, маэстро // «Домовой» (2002)) [12];

*Словом, после его поправок появлялась уверенность в том, что теперь искусствоведам будет что анализировать – **пространство для дискурса** бесконечное* (М. Кантор. Честный англичанин (2011)) [12];

3) контексты, в которых описывается либо так называемое информационное пространство (иллюстрация 1), либо физическое пространство, используемое для реализации конкретных целей, дающее доступ к определенным материальным и нематериальным ресурсам (иллюстрация 2):

*Он состоит из 80 часов доступа в Сеть, трех мегабайтов **дискового пространства** для **www-страницы и почтового ящика** емкостью пять мегабайт (Вам пакет // «Карьера» (2000)) (1) [12];*

*Так, при содействии и поддержке Комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга в трех реконструированных зданиях откроется **пространство для жизни и творческого развития** в сфере современного искусства (И. Шалыто. «Нужно думать о новых форматах» // «Эксперт Северо-Запад» (2015)) (2) [12].*

Контексты из третьей группы могут быть названы переходными, поскольку у любых данных есть физический носитель, а в случае с пространством для конкретной цели речь идет и о физическом пространстве, и о возможностях, которые открываются в нем для людей.

Обращает на себя внимание тот факт, что вторая группа контекстов по численности значительно превосходит две другие и представляет около 60 % от общего числа корпусных иллюстраций. Контекстов о физическом пространстве – 30 %, «переходных» – около 10 %.

Судя по данным НКРЯ, тенденция переноса пространственных характеристик физического мира на нематериальные сущности духовного мира стала ведущей только в XXI в.; так, в картотеке фактического материала первым контекстом о «нефизическом» пространстве стала цитата из труда 1970 г.:

*По мере усложнения организации животного и возрастания его обучаемости в процессе эволюции инстинкты «отступают вверх», становясь все более абстрактными и оставляя все больше **пространства для их реализации** (В.Ф. Турчин. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции (1970)) [12].*

Подводя к тому, какие именно компоненты значения прослеживаются в современном употреблении слова *пространство*, стоит в первую очередь отметить преобладающую тематику отобранных корпусных контекстов: во многих из них описывается пространство для политических или экономических стратегических маневров, власти, бизнеса; речь идет также о пространстве для размышлений конкретного индивида или социума, для самовыражения, творчества, экспериментов, роста, диалога и проч.:

*Решение проблемы управления собственностью открывает **новое пространство для творчества** – но одновременно не оставляет места для произвола (С. Чернышев. Фермопилы.ru // «Эксперт» (2004)) [12];*

*Возможно, сам он и остался бы «просто космонавтом», но его авторитет требовалось капитализировать, и товарищи выталкивают его в первые ряды, а начальство расчищает **пространство для административной карьеры** (Л. Данилкин. Юрий Гагарин (2011)) [12].*

Контексты показывают, что человек ценит пространство, воспринимает его как место для реализации возможностей. Это представление прослеживается и в описании семантики слова *space* в Оксфордском словаре. В качестве восьмого значения приводится следующее: ‘the freedom and the time to think or do what you want’ (‘свобода и время думать или делать то, что хочется’) [14].

Приведем несколько корпусных контекстов, иллюстрирующих, что слово *пространство* может и в русском языке употребляться в данном значении в составе конструкции с предлогом *для*:

*Чем больше человек себе расчищает **пространства для свободы**, тем он больше не-свободен (А. Слаповский. Большая Книга Перемен (2010)) [12];*

*Хватит проклинать компьютер: это всего лишь **пространство для самовыражения** (И. Прусс, Ф. Алексеев. *Nhora* по-такорийски «язык» // «Знание – сила» (2014)) [12].*

Еще одна формулировка из Оксфордского словаря, на наш взгляд, точно отображает распространенное в последние десятилетия значение исследуемого слова: *space* – 4. ‘a place, especially a room or a building, that can be used for a particular purpose’ (‘место, в частности комната или здание, которое может быть использовано для конкретной цели’) [14]:

*Открытое в 1987 году на Хаустон-стрит место замыслилось как **пространство для перформансов и галереи**, где также можно выпить кофе и перекусить (Г. Гольденцвайг. Нью-Йорк (2006)) [12];*

*На собранные средства построят клуб, где откроют пекарню, **пространство для мастер-классов**, туристический центр и библиотеку* (М. Наумова, Г. Санжапова. Как производство крем-меда спасает глухую деревню: история Малого Турыша // Афиша Daily (2018)) [12].

Данное значение слова *пространство* фиксируется не только в составе анализируемой конструкции с предлогом *для*. Функция пространства может быть описана при помощи относительного прилагательного:

*Можно представить совсем иной принцип **выставочного пространства** – бесконечно длинную галерею в эрмитажном духе, когда долгие блуждания по залам, в конце концов, складываются в историю мирового искусства* (Д. Бавильский. Новые стихи (1999)) [12];

*Идея создания таких качественных **офисных пространств**, примыкающих к транспортным узлам на окраинах, очень востребована в Москве* (И. Ступин. Мастер девелоперских компромиссов (2004)) [12].

Содержание слова *пространство* обогащается новыми компонентами, утрачивается связь с физическим восприятием, контекстуальное окружение подвергается метафоризации; в корпусных контекстах фиксируется множество глаголов, описывающих ситуации активного воздействия на объект:

*Вот почему, и даже не в угоду новым значительным, появившимся в последнее время именам, а к выгоде прихлебателей и подпевал, **отвоевывающих себе пространство для гнусного комментирования**, подтачиваются и дискредитируются имена Шолохова и Горького* (С. Есин. Дневник (1993)) [12];

*В больнице, куда приехали за телом, а потом на похоронах люди почтительно отступали от сына, **очищая пространство для сыновьей скорби**, которой все равно было тесно от окруживших его со всех сторон лиц, серьезных глаз и ртов, из которых клубами шел пар* (И. Полянская. Снег идет тихо-тихо (1993)) [12];

*Возможно, эти пункты были включены в проект De Beers из тактических соображений, чтобы **расширить пространство для маневра и поисков компромисса*** (Я. Миронцева. Отложены переговоры России и De Beers // «Коммерсантъ-Daily» (1996)) [12];

*Сегодня нужно быстро принять конкретные законы, жестко **ограничивающие пространство для экономических репрессий*** (Мы против властей не бунтуем (2004) // «Эксперт» (2004) [12].

Обладать пространством – значит обладать возможностями, поэтому закономерно, что определенные пространства становятся тесно связанными с какой-либо деятельностью: деловой, досуговой, образовательной и проч. Эта тенденция восприятия пространства обыгрывается в том числе в названиях научных статей и конференций: «Муниципальное воспитательное пространство в парадигме личностно-ориентированного образования» [15], «Образовательное пространство вуза как фактор развития культуры самоорганизации личности студента» [16], «Организация досугового пространства школьников для поднятия престижа чтения» [17], «Пространство языка – пространство культуры» [18] и др.

Опираясь на данные НКРЯ, можно сделать вывод о том, что в современном русском языке слово *пространство* в составе конструкции *пространство для чего-либо* чаще характеризуется вторичным номинативным значением и описывает умозрительную сущность, а не физическое пространство. Это обусловлено тем, что в сознании носителей языка пространственными характеристиками обладает не только внешний мир, но и внутренний.

Обращение к Оксфордскому словарю и сопоставление приведенных в нем англоязычных контекстов с русскоязычными корпусными контекстами позволило выявить значения слова *пространство*, не фиксируемые толковыми словарями русского языка, но часто реализуемые в употреблении в составе конструкции *пространство для чего-либо* ('место, в частности комната или здание, которое может быть использовано для конкретной цели', 'свобода и время думать или делать то, что хочется'). В качестве периферийных сем в семантике слова *пространство* выделяют такие семы, как 'условие', 'возможность', 'потребность': человек последовательно воспринимает пространство как условие, возможность или необходимость для реализации чего-либо.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. О новом, первом и последнем / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка : Язык и время. – М. : Индрик, 1997. – 351 с.
2. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Мухачёва, А. М. Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. М. Мухачёва. – Томск : ТПУ, 2003. – 23 с.
5. Овчинникова, Т. Е. Пространственная метафора в семантике модальных частиц дейктического происхождения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. Е. Овчинникова. – М. : МГЛУ, 2009. – 25 с.
6. Сеницкая, А. В. Пространственность и метафорический сюжет : на материале произведений С. Кржижановского и К. Вагинова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / А. В. Сеницкая. – Самара : СамГУ, 2004. – 16 с.
7. Толковый словарь русского языка / Б. М. Волин (гл. ред.), Д. Н. Ушаков. – М. : ГИИНС, 1939. – Т. III. П–Ряшка. – 1424 с.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., дополненное. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
9. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Режим доступа : <https://lexicography.online/explanatory/efremova/п/пространство>. – Дата доступа : 13.01.2023.
10. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – Режим доступа : <https://gufo.me/dict/kuznetsov/пространство>. – Дата доступа : 13.01.2023.
11. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под. ред. Д. В. Дмитриева. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4329>. – Дата доступа : 14.01.2023.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 09.01.2023.
13. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – Изд. 3-е, стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2006. – 440 с.
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/space_1. – Date of access : 17.01.2023.
15. Муниципальное воспитательное пространство в парадигме личностно-ориентированного образования : материалы XVII Международной научно-практической конференции, Москва, 26 октября 2015 г. ; редкол.: И. А. Рудакова (научн. ред.). – М. : Перо, 2015. – 82 с.
16. Фалеева, Л. В. Образовательное пространство вуза как фактор развития культуры самоорганизации личности студента / Л. В. Фалеева // Образование и саморазвитие. – 2012. – № 6 (34). – С. 16–20.
17. Лайкова, В. Ф. Организация досугового пространства школьников для поднятия престижа чтения / В. Ф. Лайкова // Образование сегодня : векторы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции ; редкол.: М. П. Нечаев (гл. ред.). – Чебоксары : Экспертно-методический центр, 2018. – С. 152–154.
18. Пространство языка – пространство культуры : материалы региональной научно-практической конференции, Москва, 24 мая 2013 г. / Московский архитектурный ин-т (гос. акад.), Каф. русского яз. – М. : МАРХИ, 2013. – 134 с.

Тестирование на коммутативность как способ разграничения сложных знаков и устойчивых сочетаний знаков в китайском языке

А.В. ЗАГОЛОВЕЦ

В статье рассматриваются номинативные единицы китайского языка на предмет возможности обратного порядка следования структурных компонентов. Предпринимается попытка в рамках комбинаторной семантики классифицировать данные единицы, исходя из их семантики и комбинаторики. Роль номинативных единиц в предложении определяется с опорой на Корпус текстов Пекинского университета языка и культуры. Отправной точкой исследования является тестирование китайских номинативных единиц на коммутативность, под которой понимается возможность изменения позиций членов номинативной единицы без изменения её семантики. Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в теории и практике преподавания китайского языка.

Ключевые слова: китайский язык, комбинаторная семантика, сложный знак, устойчивое сочетание знаков, коммутативность.

The article examines the nominative units of the Chinese language for the possibility of the reverse order of the structural components. An attempt is made within the framework of combinatory semantics to classify these units based on their semantics and combinatorics. The role of nominative units in a sentence is determined based on the Corpus of texts of Peking University of Language and Culture. The starting point of the study is testing Chinese nominative units for commutativity, which means the possibility of changing the positions of parts of a nominative unit without changing its semantics. The practical significance of the work lies in the fact that the results obtained can be used in the theory and practice of teaching the Chinese language.

Keywords: Chinese language, combinatory semantics, compound sign, stable combination of characters, commutativity.

Возможный обратный порядок следования компонентов в сочетаниях знаков является одним из недостаточно изученных феноменов в китайском языке. Состоящие из двух морфем лексические образования, в которых наблюдается перестановка морфем, могут быть представлены в виде пары, а их значение после перестановки морфем может быть как одинаковым, так и различным, например: 叫喊 *jiàohǎn* – 喊叫 *hǎnjiào* ‘кричать’, 健康 *jiànkāng* – 康健 *kāngjiàn* ‘здоровый’, 假装 *jiǎzhuāng* – 装假 *zhuāngjiǎ* ‘притворяться’, 灯油 *dēngyóu* ‘масло для лампы’ – 油灯 *yóudēng* ‘масляная лампа’. Данное лингвистическое явление неоднократно затрагивалось в работах российских и китайских ученых, однако на вопрос, чем являются такие лексические единицы, словами либо же словосочетаниями, до сих пор нет четкого ответа. Многие лингвисты продолжают использовать термин *слово* или *сложное слово*, несмотря на тот факт, что именно устойчивость, которая является одним из главных его признаков, в этом случае отсутствует.

Широко известно, что в китайском языке отношения, которые существуют между компонентами сложного слова, однотипны с отношениями, существующими между компонентами словосочетаний. Это объясняется тем, что большое число производных слов образовано путем словосложения, исходной базой которых являются словосочетания или другие синтаксические единицы. Таким образом, провести границу между сложными словами и словосочетаниями, как свободными, так и устойчивыми оказывается довольно проблематичным.

Говоря о феномене неразличимости сложного слова и словосочетания, В.М. Солнцев указывал на тот факт, что единицы с общим идиоматическим значением теоретически могут быть неотличимы от несвободных словосочетаний-фразеологизмов. Однако в силу того, что несвободные словосочетания являются своего рода эквивалентами слов, то их можно относить к сложным словам. Соглашаясь с Л.В. Щербой, который считал такие несвободные словосочетания как *красное вино* и *записная книжка* разновидностями сложных слов, он утверждал, что подобные сложные единицы ни в коем случае не получится отнести к какому-либо виду словосочетаний по причине того, как они ведут себя в речи [1, с. 157–158].

Разница между сложным словом и устойчивым словосочетанием, по мнению А.Н. Гордея и Сунь Кэвэня, заключается в том, что в отличие от сложного слова, в устойчивом сочетании возможна коммутация, то есть изменение порядка следования компонентов без существенного изменения смысла [2, с. 50–51].

Изменение порядка морфем в сложных словах, как обращала внимание А.А. Хаматова, может приводить к образованию вариантов слова либо новых слов [3, с. 137]. Проведенный ею анализ лексического материала показал, что слова с разным порядком морфем могут быть образованы по всем основным моделям словосложения, существующим в китайском языке. Отрицая точку зрения Жэнь Сюэляна о том, что изменение порядка морфем – это особая модель словосложения [4, с. 199], она полагает, что если при изменении порядка следования морфем образуется новое слово, то речь идёт об особом словообразовательном приёме в рамках способа словосложения [3, с. 137].

Изучив взгляды лингвистов на данное лингвистическое явление и опираясь на положения комбинаторной семантики [5], в нашем исследовании мы предпримем попытку классифицировать номинативные единицы [6, с. 33] китайского языка с возможным обратным порядком следования компонентов с точки зрения их семантики и комбинаторики. В случаях, когда обратный порядок следования компонентов не приводит ни к семантическим, ни к комбинаторным различиям, мы будем говорить об устойчивых сочетаниях знаков. В случаях наличия семантических и, как следствие, комбинаторных различий, будем говорить о сложных знаках. А также, в случаях наличия незначительных семантических или комбинаторных различий, которые оказываются нерелевантными, будем выделять промежуточную группу устойчивых сочетаний знаков, движущихся в сторону сложного знака.

Начнем с анализа первой пары ①叫喊 *jiàohǎn* – ②喊叫 *hǎnjiào*, тестируя данные номинативные единицы на коммутативность. Из толкования их значения в Словаре современного китайского языка, как ‘кричать’, ‘восклищать’ [7], [8], следует вывод, что их семантика полностью совпадает. Анализ их комбинаторики на примере Корпуса текстов Пекинского университета языка и культуры показывает, что они могут играть одни и те же роли в предложении, а именно, сказуемого:

①路人叫喊后，司机停了车。Lùrén *jiàohǎn* hòu, sījī tíng le chē. ‘После того как прохожий **крикнул**, водитель остановил машину’;

②很多人喊叫，争取看全文，是出于好奇心理。Hěn duō rén *hǎnjiào*, zhēngqǔ kàn quánwén, shì chū yú hàoqí xīnlǐ. ‘Многие **кричали** и пытались прочесть весь текст из любопытства’;
как с прямым дополнением:

①那男人转过脸来，看来还年轻，有一张方正的脸，仔细端详林市一会，朝屋内大声叫喊一个名字，才问：「你哪里人，家在哪里？」Nà nánrén zhuànguò liǎn lái, kànlái hái niánqīng, yǒu yī zhāng fāngzhèng de liǎn, zìxì duānxiáng Línshì yīhuì, cháo wūnèi dàshēng *jiàohǎn* yīgè míngzì, cái wèn: «Nǐ nǎlǐ rén, jiā zài nǎlǐ?» ‘Мужчина повернулся лицом, он выглядел ещё молодо, лицо его было квадратной формы. Некоторое время он пристально смотрел на Линши, затем **прокричал** в комнату имя и только тогда спросил: «Откуда ты и где твой дом?»’;

②但是当他们袭击我们时，我听到他们喊叫两个词，我听说他们在进攻时总是喊叫部落和首领的名字：克罗维和拉加塔。Dànshì dāng tāmen xíjí wǒmen shí, wǒ tīngdào tāmen *hǎnjiào* liǎng gè cí, wǒ tīngshuō tāmen zài jìngōng shí zǒngshì *hǎnjiào* bùluò hé shǒulǐng de míngzì: Kèluówéi hé Lājiātǎ. ‘Но когда на нас налетели, я слышал, как они **выкрикнули** два слова. Я слышал, что они всегда во время своих атак **выкрикивали** название племени и имя вождя: Кроу и Раджата’;

так и с косвенным дополнением:

①当他们敲门和商议的时候，有好几次他突然起了这样的念头：从门后对他们大声叫喊，一下子把一切全都结束。Dāng tāmen qiāo mén hé shāngyì de shíhòu, yǒu hǎo jǐ cì tā túrán qǐle

zhèyàng de niàntou: cóng ménhòu **duì** tāmen dàshēng **jiàohǎn**, yīxiàzi bǎ yīqiè quándōu jiéshù. ‘Когда они постучали в дверь и начали переговоры, у него несколько раз возникала эта идея: **крикнуть на них** из-за двери, чтобы сразу все это прекратить’;

②结婚没多久，那女人在发现怀孕后，疯狂地**对他喊叫**. Jiéhūn méi duō jiǔ, nà nǚrén zài fāxiàn huáiyùn hòu, fēngkuáng de **duì tā hǎnjiào**. ‘Вскоре после свадьбы та женщина, узнав, что беременна, неистово **кричала на него**’;

роль дополнения:

①住在附近的人听到**叫喊**也走来了. Zhù zài fùjìn de rén tīngdào **jiàohǎn** yě zǒulaile. ‘Люди, живущие поблизости, тоже пришли, когда слышали **крики**’;

②她极力忍住，没有发出**喊叫**. Tā jílì rěnzhù, méiyǒu fāchū **hǎnjiào**. ‘Она изо всех сил старалась сдержать свой **крик**’;

обстоятельства образа действия:

①«麦依恩，你未经授权就擅自下决定》，葛罕近乎**叫喊地**宣称道. «Màiyīēn, nǐ wèi jīng shòu quán jiù shàn zì xià juédìng», Géhǎn jìnǐ **jiàohǎn de xuānchēngdào**. ‘«Миён, ты без уполномочия вынес решение», – почти **крича** сказал Гехан’;

②仿佛他被这一瞥激怒了，他举起手几乎**喊叫地**对这群人说：«你们自己来审判他吧!» Fǎngfú tā bèi zhè yīpiē jīnùle, tā jǔqǐ shǒu jīhū **hǎnjiào de duì zhè qún rén shuō**: «Nǐmen zìjǐ lái shěnpàn tā ba!» ‘Словно раздраженный этим взглядом, он поднял руку и почти **крича** сказал этим людям: «Судите его сами!»’;

а также определения:

①奇诺慢慢地转着头和身子，看着发狂一般，兴高采烈地**叫喊的**观众. Jīnuò mànmande zhuǎnzhe tóu hé shēnzi, kànzhe fākuáng yībān, xìnggāocǎiliè de **jiàohǎn de guānzhòng**. ‘Цзино медленно повернулся и увидел неистово и восторженно **кричащую** публику’;

②听到顾客**喊叫的**声音，老板急忙过来，劈头就对芸菲说：«唐芸菲，你已经得罪我不少顾客，再让你做下去，我的店可能要收起来，我今天正式宣布，你——被——解——雇了». Tīngdào gùkè **hǎnjiào de shēngyīn**, lǎobǎn jímáng guòlai, pītóu jiù duì Yúnfēi shuō: «Táng Yúnfēi, nǐ yǐjīng dézuì wǒ bù shǎo gùkè, zài ràng nǐ zuòxiàqu, wǒ de diàn kěnéng yào shōuqilai, wǒ jīntiān zhèngshì xuānbù, nǐ bèi jiègù le». ‘Услышав **кричащих** посетителей, начальник быстро подбежал к Юньфэй и сказал: «Тан Юньфэй, ты обижала многих моих клиентов, и если так дальше будет продолжаться, то мою лавочку прикроют, поэтому я говорю тебе: ты уволена»’ [9].

Проведенный выше анализ показывает, что коммутация в данном случае не приводит к различиям ни в семантике, ни в комбинаторике. Поскольку общее количество употреблений лексической единицы ①**叫喊 jiàohǎn** в корпусе текстов Пекинского языка и культуры составляет 6100, то ее необходимо квалифицировать как устойчивое сочетание знаков, а ②**喊叫 hǎnjiào** можно считать его комбинаторным вариантом, так как общее количество употреблений в корпусе ниже и составляет 5491.

Во второй группе номинативные единицы ①**灯油 dēngyóu** ‘керосин’, ‘масло для лампы’ и ②**油灯 yóudēng** ‘масляная лампа’, ‘лампада’, ‘светильник’ [7], [8] необходимо относить к сложным знакам, в силу того, что у них после перемены мест компонентов наблюдаются явные семантические и комбинаторные различия:

①每天早晨这位仆人修剪灯芯，添加**灯油**. Měitiān zǎochén zhè wèi púrén xiūjiǎn dēngxīn, tiānjiā **dēngyóu**. ‘Каждое утро слуга подрезал фитиль и подливал **масло для лампы**’;

②在农村，房屋仍然靠**油灯**照明. Zài nóngcūn, fángwū réngrán kào **yóudēng** zhàomíng. ‘В сельской местности дома до сих пор освещаются **масляными лампами**’ [9].

Необходимо также отметить, что после перестановки компонентов в семантике знаков меняться может либо только периферия, либо только ядро [10]. Так, в паре ①**达到 dádào** –

②到达 *dàodá* знак ①达到 *dá dào* ‘достигать, добиваться’ означает информационный процесс, его объектом выступает некое абстрактное понятие (например, цель, степень и т. д.), а знак ②到达 *dàodá* ‘достигать, прибывать; добираться, доехать до...’ – физический процесс, его объектом должно выступать конкретное место [7], [8]. У этих знаков периферия совпадает, а ядра разные. Например, у ①达到 *dá dào* комбинаторика выглядит следующим образом:

①她达到了汉语6级水平. *Tā dá dào le hànyǔ 6 jí shuǐpíng*. ‘Её уровень владения китайским языком **достиг** 6 уровня’;

①他达到了他的目的. *Tā dá dào le tā de mùdì*. ‘Он **добился** своей цели’.

В то время как ②到达 *dàodá* она, очевидно, совсем иная:

②我已经到达北京了. *Wǒ yǐjīng dàodá Běijīng le*. ‘Я **добрался** до Пекина’ [9].

Изменения «физический / информационный процесс», наблюдаемые в рассматриваемой паре, – это серьезные изменения в семантике, и если перестановка приводит к тому, что знак обозначает только физический процесс либо только информационный, то меняется семантическая категория, а изменение категории на основании различий в семантическом ядре – сигнал, что компоненты знака некоммутативны и перед нами сложные знаки.

К третьей промежуточной группе устойчивых сочетаний знаков можно отнести пару ①健康 *jiànkāng* – ②康健 *kāngjiàn*. В обоих случаях совпадает ядерное значение ‘здоровый; здоровье’ [7], [8]. Приведем примеры их одинакового употребления исходя из ядерной семантики:

①他每次碰到我, 都问我们的健康情况. *Tā měi cì pèngdào wǒ, dōu wèn wǒmen de jiànkāng qíngkuàng*. ‘Каждый раз, сталкиваясь со мной, он спрашивал о нашем **здоровье**’;

②吸烟有害康健, 这是大部分人公认的. *Xīyān yǒuhài kāngjiàn, zhè shì dà bùfèn rén gōngrèn de*. ‘Курение вредит **здоровью**, и это признают многие’ [9].

В то же время у ①健康 *jiànkāng* развивается периферийная семантика ‘нормальный’, ‘без недостатков’ [7], [8], например:

①国民经济快速、健康地发展, 说明我们采取的方针政策是正确的. *Guó mín jīng jì kuàisù, jiànkāng de fāzhǎn, shuō míng wǒmen cǎiqǔ de fāngzhēn zhèngcè shì zhèngquè de*. ‘Быстрое и **нормальное** развитие народного хозяйства свидетельствует о правильности выбранного нами политического курса’ [9].

Принимая во внимание тот факт, что ядерное значение у выделенной пары совпадает, а небольшое различие обусловлено появлением у одного из них периферийной семантики, то в этом случае логичнее будет отнести их к промежуточной группе устойчивых сочетаний знаков, близких к сложному знаку.

К данной группе можно отнести также пару знаков ①假装 *jiǎzhuāng* – ②装假 *zhuāngjiǎ* со значением ‘притворяться’, ‘симулировать’, ‘прикидываться’ [7], [8]. В семантике у них нет различий, однако в комбинаторике наблюдаются некоторые ограничения. Так, в отличие от ②装假 *zhuāngjiǎ*, знак ①假装 *jiǎzhuāng* может сочетаться с прямым дополнением, например:

①男的都会假装绅士, 表现贴心, 幽默, 大方. *Nán de dōu huì jiǎzhuāng shēnshì, biǎoxiàn tiēxīn, yōumò, dàfāng*. ‘Мужчины умеют **притворяться** джентльменами, проявлять внимательность, демонстрировать чувство юмора и щедрость’ [9].

В предложениях без прямого дополнения их употребление совпадает, поэтому мы также говорим о том, что данные сочетания знаков пока только движутся в сторону сложного знака:

①他继续干着手里的活儿, 假装没听见. *Tā jìxù gānzhē shǒu lǐ de huór, jiǎzhuāng méi tīngjiàn*. ‘Он продолжал свою работу, **притворяясь**, что не слышит’;

②这孩子很老实, 不会装假. *Zhè hái zi hěn lǎoshí, bù huì zhuāngjiǎ*. ‘Этот ребенок очень честный и не может **притворяться**’ [9].

Таким образом, в силу того, что язык определяется как система фигур и знаков для декодирования модели мира и сознательного управления интеллектуальной деятельностью, роль семантики, изучающей отношение языка к модели мира [11, с. 9], очень сложно переоценить. Полученные результаты исследования свидетельствуют об эффективности анализа семантики и комбинаторики пар знаков с возможной взаимозаменой компонентов в целях разграничения сложных знаков и устойчивых сочетаний знаков, а также необходимости выделения номинативных единиц, занимающих промежуточное положение между ними. Иными словами, если после коммутации значение знаков не меняется либо меняется незначительно, то и комбинаторика будет одинаковой либо приблизительно сходной.

Литература

1. Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков / В. М. Солнцев. – М. : Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1995. – 352 с.
2. Гордей, А. Н. Типологические аспекты словообразования / А. Н. Гордей, Сунь Кэвэнь // Пути Поднебесной. – Минск : РИВШ, 2011. – Вып. II. – С. 40–53.
3. Хаматова, А. А. Словообразование современного китайского языка / А. А. Хаматова. – М. : Муравей, 2003. – 222 с.
4. 任学良. 汉语造词法 / 任学良. – 北京 : 中国社会科学出版社, 1981. – 289 页.
5. Гордей, А. Н. Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : сб. науч. тр. по лексикографии. – Гродно : ГрГУ, 2005. – С. 32–35.
6. Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
7. 现代汉语词典 (第7版) / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. – 北京 : 商务印书馆, 2016. – 1897 с.
8. Большой Китайско-русский Словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bkrs.info>. – Дата доступа : 30.04.2022.
9. Корпус текстов Пекинского университета языка и культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bcc.blcu.edu.cn>. – Дата доступа : 30.04.2022.
10. Pike, K. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior / K. Pike. – The Hague-Paris : Mouton, 1967. – 762 p.
11. Гордей, А. Н. Семантический синтаксис и комбинаторная семантика / А. Н. Гордей // Русский язык : система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы). – Минск, 2006. – Ч. 2. – С. 9–13.

Персуазивная составляющая публицистического дискурса (на примере жанра интервью немецкоязычного авто / мотожурнала)

О.Н. КАРЕБО

Рассматривается реализация воздействующей функции публицистического дискурса на примере жанра интервью. Акцентируется внимание на особенностях тактико-стратегического выбора адресата в условиях социального контекста развертывания исследуемой дискурсивной формации как источника оказания косвенного влияния на аудиторию. Изучается эффект синергии тактико-стратегических схем в отношении интервьюируемого и адресанта. На примере кооперативного взаимодействия сторон-участников интервью выявляются языковые закономерности репрезентации избираемых стратегий и тактик.

Ключевые слова: тактика, стратегия, персуазивность, интервью, публицистический дискурс, диалог.

The influencing function of publicistic discourse is analyzed using the example of the genre of the interview. The attention is focused on the peculiarities of the addressee's selection of tactics and strategies within the social framework of the discursive formation under consideration as a source of indirect influence on the audience. The effect of interaction of tactical and strategic schemes in relation to the interviewee and the addressee is studied. On the example of the cooperation of the participants of the interview, the linguistic patterns of representation of the strategies and tactics used are specified.

Keywords: tactics, strategy, persuasiveness, interview, publicistic discourse, dialogue.

Публицистика как социальное явление выступает проводником актуальных идеологических настроений, способствуя созданию и утверждению в общественном сознании новых идей и ориентиров. При смене коллективного мировоззрения задействуются ресурсы публицистики как посредника в создании новой системы взглядов и ценностей, наделяя массово-информационный дискурс уникальной чертой лингвистического убеждения. Современный публицистический дискурс, по мнению Н.И. Клушиной, уходит от методов открытой пропаганды, отдавая предпочтение имплицитному воздействию на аудиторию. Утверждение необходимой идеи в массовом сознании происходит с помощью скрытых языковых механизмов воздействия, целью которых становится приведение читателя к нужной мысли [1, с. 4].

При всем многообразии функциональных линий публицистический дискурс обладает ярко выраженным характером воздействующего типа. Информирование от чистого воздействия отличается степенью проявления интенционального авторского начала. Более того, чистая функция информирования, понимаемая как объективная передача фактов, не является сегодня оправданной в вопросах удовлетворения читательских потребностей. Искусство публицистики, как отмечает Е.П. Прохоров, не должно ограничиваться панорамным освещением действительности. Задача автора-публициста состоит в понимании происходящего, определении своего отношения к нему и передачи своего суждения, мнения читателю [2, с. 151]. Подобной точки зрения придерживается и В.Ф. Петренко, говоря о правде как о «субъективированной истине» [3, с. 179]. Журналистика, как полагает В.Ф. Петренко, должна направлять в необходимую сторону трансформацию картины мира читателя, чтобы посредством изменения его взглядов и системы смыслов влиять на его поведенческие реакции [3, с. 183].

Речевое воздействие публицистического дискурса выполняет роль движущей силы диалога, отвечающей за установление и регулирование взаимодействия участников. Понимаемое как воздействие на собеседника с побудительной целью осознанного принятия точки зрения другого человека или принятия решения о каком-либо действии, речевое воздействие в значительной степени зависит от коммуникативной позиции говорящего. Оказывающий влияние эффект пропорционален степени коммуникативной авторитетности инициатора общения по отношению к своему собеседнику [4, с. 49].

Продуктивность речевого воздействия адресата зависит от реализации им трех целей общения: информационной, коммуникативной и предметной. Иначе говоря, инициатор диа-

лога должен донести информацию до собеседника и убедиться, что она воспринята, он должен сформировать определенные отношения с партнером и узнать что-либо, изменить в его поведении [5, с. 85].

Говоря о речевом воздействии, И.А. Стернин указывал на сознательную составляющую в реакции адресанта как ключевую характеристику, отличающую воздействие от манипулирования. Попадая же под манипулятивное влияние, адресант побуждается к действиям неосознанно или вопреки своему собственному намерению [4, с. 56].

В научной литературе речевое воздействие и персуазивность нередко представлены в качестве тождественных понятий. Такой позиции придерживается С.С. Борисова, характеризуя речь не только как средство передачи информации, но и как инструмент управления деятельностью людей [6, с. 7]. Вне зависимости от понятийного объема в толковании персуазивности (узколичностное или массовое влияние) подобное воздействие всегда направлено на изменение поведенческих, когнитивных или эмоциональных установок адресанта.

Ориентированный на адресанта персуазивный дискурс актуализируется в первую очередь тактиками убеждающего информирования, доказательства, аргументирования. Относительно нейтральная рациональная составляющая персуазивного дискурса нередко содержит элементы манипулятивного характера. Следует отметить, что современный публицистический дискурс демонстрирует тенденцию отказа от приемов открытой манипуляции, более склоняясь к использованию косвенных императивов скрытых форм. К таковым, в частности, относится внушение. Статус манипулятивной тактики за внушением закрепляет механизм оказания речевого воздействия в условиях отсутствия целенаправленного активного понимания ситуации и ее оценки со стороны адресанта. Внушение, таким образом, оказывает эмоционально опосредованное воздействие на реципиента за счет снижения сознательности и критичности при восприятии информации [7, с. 55].

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что генеральная стратегия регулирования взаимодействия сторон при развертывании публицистического дискурса подчинена цели адресата оказать воздействие на ментальную сферу адресанта, в частности, на его мнение и оценку, чтобы иметь возможность изменить поведение последнего в своих интересах [8, с. 8]. Убеждение аудитории имеет в основе рациональную составляющую, которая в значительной мере подкреплена эмоционально-оценочным фактором. Персуазивность как проявление риторической коммуникации сочетает в себе качества манипулятивного и аргументативного влияния в их эмоционально-логической связке.

Одним из наиболее релевантных жанровых направлений, реализующих персуазивную стратегию публицистической дискурсивной формации, является жанр интервью.

Современная востребованность жанра обусловлена социальным контекстом его существования. Интервью обладает широкими возможностями реализации коммуникативного потенциала, привлекая читателя динамикой диалогического общения. По М.А. Степановой дискурс современного интервью характеризуется наличием двух противоположных тенденций – формально-ролевой и естественной диалогичности, присущей традиционному речевому общению [9]. Свободная коммуникация, интерес, вызываемый личностью собеседника, обеспечивают читателя недоступной ни в одном другом публицистическом жанре степенью полноты и открытости общения, удерживая и усиливая внимание массовой аудитории к своему речевому творчеству.

Интервью присуще особое многообразие используемых персуазивных тактик и приемов, что объясняется его уникальной двусубъектной направленностью.

Цель каждого автора-публициста, побуждающая его начать речевое общение с читателем, заключается в сообщении последнему некой информации. Дискурсивность последующего взаимодействия сторон напрямую зависит от качества передаваемых данных, определяемых актуальностью, содержательностью, личной значимостью для читателя. В случае с интервью, несмотря на авторскую монополию моделирования диалога с участником беседы, источником информации выступает именно интервьюируемый. Задачей инициатора общения по этой причине становится такой выбор воздействующих тактик и коммуникативных приемов, которые позволят ему получить максимально ценную с точки зрения привлечения аудитории информацию.

Жанр интервью характеризуется особой интердепенденцией разнонаправленных стратегий и тактик. Образуя единую систему с ориентиром на речевое воздействие, они создают эффект синергии, при котором реализация одной стратегии усиливает воздействие других, что в ряде случаев является неременным условием их актуализации [10, с. 61]. По этой причине целесообразным видится параллельное изучение персуазивных тактико-стратегических возможностей интервью в их разносубъектной направленности на респондента и адресата.

Создание адресантом определенной тактико-стратегической системы помимо целевой составляющей во многом определяется форматом и политикой издания, тематикой, позицией журналиста, личностью собеседника. Не последнюю роль играет также разновидность интервью.

Одной из обязательных рубрик немецкого онлайн-издания *Motorsport* является интервью-беседа с участником соревнований или с экспертным лицом. Интервью со специалистом не является при этом чисто экспертной разновидностью, приобретая в той или иной мере черты информативного или проблемного вида. Беседа со спортсменами классифицируется как интервью-знакомство, в котором тем не менее присутствуют элементы иных разновидностей в виде собственного мнения участника разговора или информирования им читателя о некоем событии.

Такие портретные интервью характеризуются стилем живого разговора, демонстрирующего непосредственную диалогичность взаимоотношений собеседников. Говоря о новом типе интервью, М.А. Степанова отмечает смену дистантной формы коммуникации контактной, что происходит через механизмы прямого общения. В подобных интервью наблюдается повышение степени диалогичности, находящейся под влиянием факторов интенсивности диалогического взаимодействия, смысловой и формальной когерентности диалога, степени речевой активности участников [9]. В результате формируется новая стилевая модель интервью-разговора, представленная равнопартнёрским общением, когда мотивы, побудившие обе стороны к общению, в итоге приносят удовлетворение результатом как спрашивающему, так и отвечающему.

Равноправие участников интервью с высокой степенью естественной диалогичности реализуется вне зависимости от выбираемого журналистом стиля общения. Ориентированный ли на это на сотрудничество кооперативный стиль, или же снисходительно-агрессивная конфронтация, респондент в любом случае имеет возможность донести свое мнение до читателя, реализовав тем самым свою основную цель – собственно представленную презентацию.

Рубрика интервью издания *Motorsport* обладает достаточной степенью релевантности в деле демонстрации полюсных стратегий, избираемых журналистами. Предпочтения в стиле авторского общения с респондентом находят свое отражение в соответствующем тактико-стратегическом наполнении персуазивного характера. Так, например, К. Менат (*Christian Menath*) в своих публикациях придерживается позиции автора-агрессора, в то время как его коллега С. Мартон (*Samuel Marton*) организует общение с интервьюируемым в рамках партнёрского взаимодействия.

Остановимся более подробно на рассмотрении кооперативного стиля С. Мартона, на тех тактических и коммуникативных ходах, которые позволяют ему оказывать запланированное воздействующее влияние на респондента.

Интервью С. Мартона с Т. Трамницем (*Tim Tramnitz*), немецким автогонщиком, выступающим за команду *Trident* в региональном чемпионате Европы по формуле, является примером «мягкого» стиля общения с соответствующим выбором речевых тактик. Диалог собеседников отличается непосредственностью и спокойным, вежливым тоном. Корректность вопросов, психологическая и содержательная близость их тематики респонденту, поддержка собеседника, отсутствие прямых посылов к обсуждению личных тем – все это создает необходимый персуазивный эффект, побуждающий интервьюируемого максимально полно и свободно делиться запрашиваемой информацией.

С. Мартон прибегает к следующим тактикам, позволяющим ему реализовать выбранную стратегию воздействия на участника в кооперативном формате:

– тактика искренности в сочетании с демонстрацией сочувствия. В первую очередь это находит свое проявление в тематике обсуждаемых вопросов: о динамике карьерного роста Т. Трамница, полученных им травмах и переживаниях спортсмена по этому поводу, о мо-

ментах, присутствующих в жизни каждого подростка, но упущенных Тимом, посвятившим себя автогонкам. Журналист обращает внимание на те события карьерной жизни спортсмена, воспоминание о которых доставит удовольствие участнику интервью: *Du hast auch einige Rennen in der Formel 4 gewonnen... .Gab es einen Moment, den du hervorheben würdest?* [11].

Помимо тематики маркером реализации данной тактики также служит фокусировка журналиста именно на личности респондента – все обсуждаемые вопросы проходят через призму личного опыта спортсмена, ставя его в центр беседы;

– тактика доверия. Автор, получая ответ на поставленный вопрос, косвенно выражает согласие с мнением собеседника. В тексте интервью нет ни сомнений в правдивости или достоверности сведений, получаемых от респондента, ни комментариев, ни отсылок к авторитетным источникам по тематике вопроса. В синтактико-семантическом плане инициативные посылы С. Мартона реализуются преимущественно открытыми вопросами к участнику интервью. Автора интересует развернутое мнение собеседника, которое он полностью принимает. В единственном случае журналист прибегает к вопросу-утверждению (*Du bist schneller, oder?*), который в контексте обсуждения отношений спортсмена с коллегами по команде, является, скорее, приемом дополнительного подчеркивания достижений Трамница, нежели вопросом в традиционном понимании;

– тактика смены темы. Прибегая к подобной тактике организации интервью, журналист демонстрирует свое согласие на нахождение компромисса в информационном обмене. Отсутствие в кооперативном виде интервью провокационных вопросов, ставящих собеседника в неловкое положение, готовность журналиста сменить тему, чутко реагируя на нежелание респондента давать более конкретный ответ, создает эффект дружеского диалога. Так, например, ни на вопрос о финансировании (*Inwiefern ist es (Geld) für dich und deine Karriere eine Herausforderung oder kannst du dich vollkommen aufs Racing konzentrieren?*), ни о предпочтениях спортсмена в выборе будущей команды (*Es gibt einige Nachwuchsakademien im Formelsport. Die großen Namen sind Ferrari, Mercedes, Sauber oder auch Williams. Wo würdest du dich sehen?*) [11], журналистом не был получен однозначный ответ. Тем не менее, общие фразы респондента остались без уточняющих вопросов со стороны адресата, который отказался и от последующего обсуждения данных тем.

При общем благожелательном тоне ведения беседы журналист выстраивает четкую персуазивную линию, которая, с небольшими допущениями, позволяет ему получить необходимую информацию. Воздействие на собеседника с целью полного раскрытия темы начинается с создания непринужденной обстановки беседы, установления психологического контакта. Интервью разворачивается на вопросах о детстве и первых шагах в спорте, т. е. на информации, не требующей анализа, коррекции или фильтрации со стороны интервьюируемого. Это позволяет подготовить собеседника, создать у него впечатление легкого, свободного разговора. Подобное «раскачивание» на простой тематике нацелено на произвольное раскрытие респондента, на поддержку его желания и в последующем сразу и полностью делиться информацией.

Откровенности героя интервью в полной мере содействуют вышеописанные тактики, которые помимо поддержания психологического контакта, умело управляют настроением респондента через создание его положительного образа в глазах журналиста и читателей. Прямые и косвенные комплименты, отсутствие давления при нежелании продолжать беседу на определенные темы, комментариев со стороны автора, его нейтральная позиция интересующегося, а не экспертного лица, убеждают интервьюируемого идти навстречу желанию инициатора общения.

Стратегия воздействия в отношении адресанта-читателя в рассматриваемом случае кооперативного общения сторон-участников интервью заключается в положительном принятии им мнений и образов, сформированных автором-отправителем.

В интервью С. Мартона – это однозначно позитивная демонстрация персонажа участника беседы. Информирова читателя о герое интервью во вступительной статье, С. Мартон прибегает к тактике комплиментарного либо апологетического представления собеседника: *Tim Tramnitz zählt zu den größten deutschen Nachwuchstalenten im Motorsport. Der 17-jährige Hamburger hat in jungem Alter bereits viele Kart-Meisterschaften gewonnen und wurde in der Fahrerwertung der deutschen und italienischen Formel 4 vergangenes Jahr Zweiter. Sein Ziel hat er klar vor Augen: die*

Formel 1 [11]. Комплиментация автора имеет официальный, подтвержденный данными рейтинговой таблицы характер. Автор избегает личной оценки, ссылаясь на независимые цифры статистики, актуализируя тем самым аргументативную тактику убеждения. Журналист перечисляет факты успешной спортивной биографии участника интервью, обеспечивая его принятие читателем на рациональном уровне. Упоминание заслуг спортсмена на момент достижения им возраста 17 лет дополнительно подчеркивает исключительность его успеха.

Помимо прямого представления личности собеседника, интервьюер пытается косвенно подтолкнуть читателя к осознанию потенциала гонщика, работая на его положительный образ. Автор проводит параллель между соревнованиями класса формула 4, где Т. Трамниц уже победитель, и класса формула 1, куда он стремиться, и где, согласно посылу автора, его также ждет успех. Усилению эффекта содействует лексика соответствующей семантики (*die nächste deutsche Formel-1-Hoffnung, Nachwuchstalent*), утвердительный характер предложений, использование превосходных степеней прилагательных и наречий в представлении спортсмена (*zu den größten deutschen Nachwuchstalenten, am nächsten in der Formel 1, der beste Rookie*) [11].

Созданию положительного образа собеседника также служит обращение интервьюера к тактике контрастов. Последовательность и характер задаваемых вопросов позволяют автору достичь желаемого эффекта, умело выстраивая биографические и профессиональные факты из жизни пилота. Так, например, получив отрицательный ответ на вопрос о том, имел ли кто-то из членов семьи отношение к автоспорту, журналист спрашивает Трамница о переходе с карта на машину формульного типа, предварительно сделав отсылку к победам спортсмена. Контрасты «детство – взрослый период» и «обычная семья – профессиональный гонщик» характеризуют Тима как целеустремленную, самодостаточную и мотивированную на победу личность.

Свидетельства тактики контраста обнаруживаются по всему тексту интервью, и в каждом случае они содействуют одобрению действий участника, созданию его положительного имиджа. Вслед за вопросами о победах пилота интервьюер интересуется его состоянием после травмы вследствие технических неполадок во время гонки, его настроением и обстоятельствами возвращения в спорт: *Du hast auch einige Rennen in der Formel 4 gewonnen... Du hattest vor mehreren Monaten einen Crash in Estoril. Es gab wohl ein Bremsversagen und da hast du dir einen Wirbel zertrümmert. Wie ist das so in dem Moment, wo du weißt, was passiert ist, du die Diagnose bekommen auch Schmerzen hast? Wie hast du die Challenge, dich auf die neue Saison vorzubereiten, vor allem mental gemeistert?* Вопрос о неудачах итальянского сезона в Монце предваряет оптимистические ожидания гонщика последующих соревнований и его нацеленность на победу: *Der Saisonstart in Monza blieb punktlos. Wo willst du hin dieses Jahr?* [11].

Помимо контрастного способа привлечения внимания к личности пилота автор интервью использует приемы акцентного выделения информации. Задействуя эмоциональную сферу читателя, информация подобного рода способствует интуитивной выработке мнения, необходимого журналисту. Это в первую очередь повторы (*Horror-Crash, Crash*), детализация (*einen Wirbel zertrümmert, Schrauben im Rücken; Wie ist das so on dem Moment, wo du weißt, was passiert ist...*, *Was ist dir da durch den Kopf gegangen?*), усилительные частицы (*durchaus, eigentlich*), контекстуальные синонимы (*die Diagnose, Schmerzen*).

Активный тактико-стратегический набор адресата вне сомнений определяется тональностью беседы. Однако вне зависимости от демонстрируемого отношения общение актуализируется и подчиняется доминирующей над информативной цели воздействия. Представленный выше анализ речевых персуазивных особенностей жанра интервью на примере кооперативного стиля общения журналиста с респондентом обнаруживает уникальную черту публицистического диалога: развертывание адресант-направленной тактико-стратегической схемы активизирует идентичную по характеру систему средств воздействия на читателя. Персуазивный эффект распространяется как на когнитивную, так и на эмоциональную сферу респондента и читателя, обеспечивая необходимую нейтральность восприятия слов инициатора общения. Отсутствие прямых признаков убеждения, манипулирования со стороны адресата создает впечатление равнопартнерского взаимодействия, сохраняя при этом инициативу ведения и восприятия диалога за автором.

Литература

1. Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н. И. Клушина ; М., 2008. – 57 с.
2. Прохоров, Е. П. Искусство публицистики / Е. П. Прохоров. – М. : Сов. писатель, 1984. – 260 с.
3. Петренко, В. Ф. Истина и правда публичного слова / В. Ф. Петренко // Человек как субъект и объект медиапсихологии / отв. ред. Е. Л. Вартанова, Ю. П. Зинченко, В. В. Миронов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. – С. 169–199.
4. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия : учебное издание / И. А. Стернин. – Воронеж : «Истоки», 2012. – 178 с.
5. Мальцева, В. А. Общение как воздействие и диалог / В. А. Мальцева // Вестник ЧелГУ. – 2007. – № 15. – С. 80–87.
6. Борисова, С. С. Персуазивные стратегии в аналитических жанрах медиатекста (на материале немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. С. Борисова. – Орел, 2016. – 250 с.
7. Головин, С. Ю. Словарь психолога-практика / С. Ю. Головин. – 2-е изд. – Минск : Харвест, 2003. – 976 с.
8. Голоднов, А. В. Риторический метадискурс : основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации / А. В. Голоднов. – СПб. : Астерион, 2011. – 343 с.
9. Степанова, М. А. Диалогичность коммуникации в жанре интервью в современной немецкой прессе : на материала журнала «Der Spiegel» [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. А. Степанова. – М., 2006. – Режим доступа : <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/dialogichnost-kommunikacii-v-zhanre-intervju-v-sovremennoj-nemeckoj-presse.html>. – Дата доступа : 10.09.2022.
10. Горячев, А. А. Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. А. Горячев. – СПб., 2010. – 296 с.
11. Nächste deutsche Formel-1-Hoffnung? Tim Tramnitz im Interview [Electronic resource] // Motorsport-Magazin. – 2022. – 16 Mai. – Mode of access : <https://www.motorsport-magazin.com/formel1/interviews.html>. – Date of access : 25.09.2022.

К славянско-китайским лингвокультурным параллелям

(слав. **jarъ-* и кит. *чунь* 春)

В.И. КОВАЛЬ

В статье анализируется семантика славянских номинаций, этимологически связанных с корнем **jar-* и обнаруживающих соотношенность с представлениями о весне и любовно-чувственной сфере, а также китайские лексические и фразеологические единицы с иероглифом *чунь* 春 'весна, весенний', развивающие аналогичные переносные значения. Приводятся внеязыковые сведения, иллюстрирующие сходную эволюцию семантики рассматриваемых номинаций в славянской и китайской лингвокультурах.

Ключевые слова: ярый, яровой, Ярила, чунь, чунь хуа, семантика, символика.

The article analyzes the semantics of Slavic nominations, etymologically related to the root **jar-* and revealing correlation with the ideas of spring and the love-sensual sphere, as well as Chinese lexical and phraseological units with *chun* 春 'spring', developing a similar figurative meaning. Extra-linguistic information illustrating the similar evolution of the semantics of the nominations under consideration in the Slavic and Chinese linguistic cultures is given.

Keywords: yaryi, yarovoy, Yarila, chun, chun hua, semantics, symbolism.

Одним из приоритетных направлений современной лингвистики является сопоставительное исследование в рамках генетически и типологически разных языков, к числу которых относятся такие языки, как славянские и китайский: несмотря на их очевидную «разносистемность» и специфичность «языковых картин мира», в единицах различных уровней этих языков (прежде всего – в лексике и фразеологии) обнаруживаются многочисленные сходные закономерности.

Объектом исследования в данной статье являются славянские и китайские номинации, обладающие исходной семантикой 'весна, весенний', а предметом рассмотрения – закономерности развития в данных номинациях переносных оценочных значений.

Славянские лексические единицы, восходящие к корню **jarъ-/jaro/*jara*, трактуются этимологами как «продолжение и.-е. **iōro* или **iēro*, обозначавшего сезон, часть года, год, весну, в конечном счете – солнечный цикл, ход солнца» [1, с. 175]. Сравн.: др.-рус., русск.-цслав. *яра* [1, с. 175], др.-рус. *яръ* 'весенний' [2, с. 559]; укр. *яр* 'весна' [1, с. 175], *ярий* 'весенний, яровой' [3, с. 541], укр. *яръ*, чеш. *jar*, 'весна, яровой хлеб' [1, с. 180], болг. диал. *ярá* 'весна', чеш. *jaro* 'весна', *jarý* 'весенний', словц. *jar* 'весна', польск. *jarz* 'весна' [2, с. 559]. В современном русском языке слово *яровой* 'весенний, производимый весной (о полевых работах)' употребляется в терминологических словосочетаниях *яровой сев*, *яровая пшеница* 'то, что высевается и произрастает весной' [4, с. 784].

Весна, весеннее состояние природы, ее пробуждение неизменно ассоциируются с растущими, бурно развивающимися, наполненными внутренней энергией молодыми существами, что находит отражение в следующих номинациях: рус. *ярый* 'живой, быстрый, энергичный', чеш. *jarý* 'юный, свежий, буйный', словц. *jarý* 'полный сил, свежий' [1, с. 178]; чеш. *jařina* 'юноши 18–19 лет' [1, с. 173]; болг. *яре* 'козленок', серб. *jare* 'козленок, козочка', словен. *jare* 'ягненок', чеш. *jařátko* 'овца в возрасте полутора лет' [1, с. 172], рус. *ярка* 'молодая, еще не ягнившаяся овца', диал. *ярица* 'полугодовая овечка' [1, с. 173], болг. *ярка* 'молодая курочка', серб. *jārka* 'курица, которая неслась в первый раз', словц. *járka* 'годовалая овца' [1, с. 180], болг. *ярица* 'курица, которая еще не неслась', серб. *jāriца* 'козочка', хорв. *jārica* 'годовалая курица', словен. *jārica* 'молодая овца', польск. *jarzyca* 'первый рой этого года' [1, с. 172–173].

Вполне закономерно, что в семном составе рассматриваемых слов выявляются такие признаки, как 'интенсивность', 'чрезмерность', 'стихийность': рус. *ярый* 'полный ярости, бешенства'; 'неукротимый, неистовый (о стихиях, явлениях природы)'; 'чрезмерный, крайний в своем

проявлении, необычайный по силе, интенсивности»; 'страстно преданный чему-либо, упорно придерживающийся чего-либо, увлекающийся чем-либо' [4, с. 785]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля семантика слова **ярый**, включающая «эротическую составляющую», связанную с интенсивность проявления чувств, страстностью, представлена еще более детально: 'огненный, пылкий'; 'сердитый, злой, лютый, горячий, запальчивый'; 'крепкий, сильный, жестокий, резкий'; 'скорый, бойкий, неудержный, быстрый'; 'крайне ретивый, рьяный'; 'горячий → похотливый' [5, с. 679]. Наличие в словах с этимологическим корнем **jar-* переносных значений 'животная похоть', 'плотская любовь', 'оплодотворяющая сила' отмечал, основываясь на данных славянских языков, этнограф XIX в. П.С. Ефименко [6, с. 5].

Сходной семантической структурой обладает и слово **ярость**: 'сильный гнев, бешенство'; 'необычайная сила, интенсивность проявления чего-либо, неукротимость, неистовство' [4, с. 784]; 'сильный гнев, озлобление, лютость'; 'зверство, неистовство' → 'похоть' [5, с. 679]. Аналогичную закономерность развития семантики реализует устаревший глагол **ярить**: 'разъярять, горячить, кипятить, сердить, дразнить'; 'злить, злобить, озлоблять' → 'разжигать похоть' [5, с. 679]. Сравн. также: укр. **ярий** 'весенний, яровой'; 'молодой' → 'страстный, пылкий'; **ярість** 'страстность, пыл' → 'половая возбужденность' [3, с. 541–542]; хорв. **járiti se** 'распалиться' → 'спариваться (о животных)'; серб. **jārit se** 'спариваться (о петухе и курице)'; словен. **jariti se** 'спариваться (о птицах)' [1, с. 174].

В связи с рассматриваемой проблематикой особый интерес представляют семантика и этнокультурное содержание мифонима **Ярила (Ярило)**, соотносящегося с представлениями о весне: «Рус. **Ярило**, бел. **Ярыла**, серб. **Јарило** в славянской мифологии – божество весеннего плодородия; сравн. **яровой (хлеб)** 'посеянный весной', **ярина, ярь, ярица** 'весенние всходы'); укр. **ярий, ярий** 'молодой, полный сил, страстный'» [7, с. 686].

Наиболее ранняя информация о празднике, посвященном культу Ярилы в XVIII и в первой половине XIX вв., «связана с борьбой церкви с оргиастическими календарными действиями и ритуальными бесчинствами» в ряде российских губерний. Центральным событием таких ритуалов было захоронение куклы Ярилы с подчеркнутыми признаками мужского пола: «С эротическими коннотациями связан обычай **Ярилину плешь погребать**: из глины лепили Ярилу и Ярилиху, которых разбивали и выбрасывали в воду после гулянья» [8, с. 637].

В.И. Даль определяет слово **Ярило (Ярила)** как 'древний славянский бог плодородия, от которого ярится земля и все живое' и приводит поверье, указывающее на тесную связь этого языческого персонажа с плодородием земли и детородными способностями людей: «Ярила ходит по нивам, растит рожь, приносит новорожденных» [5, с. 680]. Вполне закономерно, что в сфере народной духовной культуры этот персонаж осмысливается как языческое божество, наделенное мощной продуцирующей символикой, включающей в себя любовно-эротическую составляющую: «Слово **Ярила** означает быстро распространяющийся весенний или утренний солнечный свет, возбуждающий растительную силу в травах и плотскую любовь в людях и животных, потом – юношескую свежесть, силу и храбрость в человеке» [6, с. 5].

Достаточно исчерпывающие сведения о Яриле как мифологическом персонаже приводит исследователь традиционной славянской культуры Е.Е. Левкиевская, которая прежде всего указывает истоки семантики мифонима: «Древний корень **яр-**, к которому восходит имя **Ярилы**, означал весну, а также состояние любви и готовности произвести потомство. Глагол **ярить(ся)** в русском языке имеет значения 'горячиться, кипятиться', а также 'разжигать любовное желание', а слово **ярость** в некоторых русских диалектах означает 'похоть, возбужденное состояние в период течки у животных', а в украинских – 'страстность, пыл, любовную готовность' [9, с. 47–48].

Информативны также внеязыковые сведения, относящиеся к содержанию ритуальных игр молодежи, приуроченных к праздникам в честь Ярилы, которые назывались **Ярилиными игрищами, Ярилиными гуляньями** или просто **ярилками**: «Эти игрища и в конце XIX века носили самый разгульный характер: все собравшиеся пили безо всякой меры, пели нескромные песни, плясали, разбивались на парочки. Недалеко от Рязани ярилки праздновали ночью. Неженатая молодежь – семейных на гулянье не допускали – собиралась на холме, который назывался **Ярилина плешь**, и разжигали костер. <...> Название **Ярилина плешь** восходит к очень древним по происхождению, однако существовавшим еще в начале XX века обрядам

«погребения Ярилы», совершавшимся поздней весной или в начале лета. Во время таких обрядов, сопровождавшихся веселыми гуляньями и пьянством, из деревянного обрубка, веток и тряпок делали куклу, изображавшую мужчину с его естественными половыми принадлежностями. Куклу клали в гробик, и пьяные бабы закапывали его с разными причетами. В окрестностях Владимира, например, этот праздник назывался *Ярилову плешь погребать*. Если знать, что во многих русских говорах словом *плешь* называют детородные органы, то становится понятным и название холма, на котором праздновали *ярилки*, и смысл обрядового погребения Ярилы – побудить землю стать более плодородной» [9, с. 49]. Ритуальное погребение *Яриловой плешки*, имело, таким образом, аграрно-магическое содержание: «В ряде случаев образ Ярилы наделен фаллическими чертами. Это особенно сказывается при обряде похорон Ярилы, которые, очевидно, отражали окончательное отмирание посеянного в землю зерна в период формирования новых колосьев» [10, с. 682].

Сравн. также рус. диал. *плешка* ‘голая, безлесная вершина горы’; ‘плешь, лысина’; ‘фаллос’ [11, с. 137]; *плёшник* ‘распутник, бабник’; *плёшничать* ‘развратничать’ [11, с. 138]. О наличии у слова *плешь* (наряду с общеупотребительной семантикой ‘лысина’), «сниженного» значения свидетельствует лубочная картинка «Тарас плешивый» (1766 г.): в сопровождающем картинку тексте семантика рассматриваемого слова оказывается гендерно маркированной, поскольку женщины и встретившийся им мужчина, используя в процессе общения эротические метафоры, понимают слово *плешь* различно, из-за чего и возникает смеховой эффект.

В таком же аспекте излагает культурную семантику мифонима *Ярила* и Л.С. Клейн: «Этнографам информанты сообщали о гуляниях в «Ярилин день», называемых «ярилки», когда полагалось *Ярилину плешь погребать*». Ученый подчеркивает, что если в семантике современных прилагательных *яркий* и *яростный* преобладают значения, выражаемые синонимами *сердиться*, *гневаться*, то «в древности преобладали сексуальные оттенки – в ярильных обрядах они ясно выражены фаллическим оснащением чучела». <...> «Фаллическое чучело Ярилы – с ярко выраженными мужскими атрибутами – клали в гроб и «с плачем и во ем» опускали в могилу» [12, с. 327–328].

С представлениями о Яриле как языческом божестве, оказывающем влияние на продуцирующие способности людей, связан (в том числе и этимологически) русский обряд *яровуха*: «*Яровуха* (по имени языческого божества плодородия Ярилы) состояла в том, что после вечеринки в доме невесты вся молодежь оставалась там спать вповалку, причем допускалась большая вольность обращения, за исключением интимной близости. Это был типичный «свадебный грех», форма группового секса» [13, с. 8].

Проходившие в XIX в. в Нижегородской губернии праздники, посвященные Яриле, также предполагали свободу отношений между молодыми людьми: «В первое воскресенье после Петрова дня девушки и парни собирались плясать и веселиться. Матери охотно отпускали своих дочерей на это гулянье «поневеститься». Женихи высматривали невест, а невесты – женихов, но, однако, встречались и дурные последствия от «поневестыванья». Во время разгула дозволялись обнимания, целования, совершавшиеся под ветвистыми деревьями» [6, с. 9].

Сходная закономерность развития семантики (от временной – к любовно-эротической) наблюдается и в китайском языке, где иероглиф *чунь* 春 используется прежде всего для выражения темпоральных значений – ‘весна’, ‘весенний’; ‘Новый год’, ‘новогодний’. С этими исходными, первичными значениями тесно связана переносная семантика – ‘жизнеспособность, жизнедеятельность’, что обусловлено представлениями о весне как поре года, стимулирующей активные жизненные процессы в природе. Продолжением этих устойчивых ассоциаций являются следующие переносные значения названного понятия в китайском языке: ‘любовь, страсть’ (сравн. универсальную метафору «весна – пора любви») и ‘похоть, похотливый’ а также ‘непристойный, эротический’; ‘порнографический’ [14, с. 577].

Названная семантическая закономерность иллюстрируется многочисленными примерами китайских устойчивых словосочетаний, в которых компонент *чунь* 春 формирует широкий спектр значений – от влюбленности до непристойности: *чунь син* 春心 ‘влюбленность, страсть’; *чунь ню* 春女 ‘девушка на выданье, невеста’; *чунь цин* 春情 ‘чувственное влечение, страсть, похоть’; *чунь юань* 春院 ‘публичный дом’ и др.

В некоторых других китайских устойчивых словосочетаниях, содержащих компонент *чунь* 春, рассматриваемые переносные значения возникают в результате развития полисемии: *чунь гун* 春宮 ‘дворец (резиденция) наследного принца’ → ‘эротический (порнографический) рисунок’; *чунь сэ* 春色 ‘весенний пейзаж’; ‘весенние краски; весенний колорит’; ‘радостное выражение лица’ → ‘похотливое выражение, страсть’; *чунь фэн* 春風 ‘весенний ветер’; ‘радостное, счастливое выражение лица’ → ‘половой акт’ [14, с. 577–578].

Эвфемистичными по своей природе являются словосочетания *чунь хуа* 春画 (весенняя картина), *чунь цэ* 春冊 (весенний альбом), *чунь гун* 春宮 (весенний дворец), *чунь гун хуа* 春宮画 (картина весеннего дворца), *чунь гун ту* 春宮圖 (изображение весеннего дворца), использующиеся для обозначения «эротических изображений в диапазоне от представляющих полуобнаженную и обнаженную (ню) натуру до откровенной порнографии». При этом переносные значения слова *чунь* 春 ‘весна, весенний’ – ‘чувственный, любовный, страстный’, а также ‘эротика, похоть, непристойность’ – характеризуются как достаточно древние [15, с. 846].

Оценивая содержание китайских «весенних картин» *чунь хуа* 春画, В.В. Малявин замечает: «Рисунки в «весенних альбомах» за редким исключением показывают сцены совокупления. Они лишены вкуса к созерцанию человеческого тела: фигуры партнеров по «тайным утехам» изображены зачастую с явным нарушением пропорций, нередко даже одетыми, зато детородные органы выписаны во всех подробностях и увеличены в размерах. Каждая картинка сопровождается надписью одновременно поэтической и поучительной. Перед нами своего рода руководство по «технике секса», книга прежде всего практическая» [16, с. 375–376].

Подтверждение этому высказыванию находим в романе Ли Юя «Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти», главный герой короткого, пытаясь пробудить у своей молодой жены Юйсян «женскую энергию инь», решает ознакомить ее с содержанием *чунь цэ* 春冊 – весеннего альбома, содержащего порнографические рисунки *чунь гун* 春宮:

Видя, что ее ничем не проймешь, молодой муж весьма огорчился и даже впал в отчаяние. «Придется добыть кое-какое средство! – подумал он. – Только так ее можно будет пронять! Завтра же отправлюсь в книжную лавку и куплю альбом с картинками «весенних дворцов». В альбоме всего тридцать шесть картин, и каждая сопровождается танским стихом на «весеннюю тему». Покажу все эти рисунки Юйсян, впрочем, лучшие мы полистаем альбом вместе. Из этих картин она сразу поймет, что искусство любви придумал вовсе не я, оно существовало еще в давние времена, подтверждением чего является сие сочинение» [17, с. 35].

Сравн. также отрывок из стихотворного текста в романе «Цзинь. Пин. Мэй» (В одном из эпизодов главный произведения Симэнь Цин показывает свиток с «весенними» картинками своей жене перед интимной близостью):

Две дюжины игривых сценок, и в каждой молодая пара // Нашла пленительную позу в пылу любовного угара. // Волшебницу Горы шаманов красой затмили чаровницы; // Мужчины все под стать Сун Юю... Как тут страстям не распалиться! [18, с. 286].

К рассматриваемому вопросу имеют прямое отношение приведенные известным современным синологом А.И. Кобзевым сведения, касающиеся устойчивого словосочетания *чунь цян* 春錢 ‘весенняя монета’, которое используется для обозначения «символического артефакта традиционной китайской культуры, имеющего стандартную форму медных денег – круглых с квадратным отверстием посередине, несущего на себе нумерологизированные <...> эротические изображения и метафорическую надпись, по своей роли схожего с благожелательными амулетами». На аверсе такой «монеты» были изображены совокупляющиеся пары в четырех различных позициях, а на реверсе располагались четыре иероглифа: *фэн* 風 ‘ветер’, *хуа* 花 ‘цветы’, *юэ* 月 ‘луна’ и *сюэ* 雪 ‘снег’. Существенно при этом, что «три из этих четырех иероглифов сами по себе имеют значения, относящиеся к сексуально-эротической сфере: *фэн* (ветер) – половое влечение, спаривание, любовный, развратный; *юэ* (луна) – женское (иньское) начало; *хуа* (цветы) – красотки, проститутки». Аналогичные значения эти иероглифы реализуют в китайском языке, сочетаясь друг с другом или с другими иероглифами: *фэн юэ чжи шу* 風月之書 (книги о ветре и луне) ‘эротическая литература’; *фэн*

лю 風流 (поток ветра) 'любовь, разврат, проституция'; нань фэн 男風 (мужской ветер) 'мужеложство, педерастия'; мин юэ 明月 (полная луна) 'женские ягодицы', хоу тин хуа 後庭花 (цветок с заднего двора) 'педерастия' [19, с. 323].

В китайских поэтических текстах весна может ассоциироваться с проявлением любовных чувств благодаря использованию растительных символов. Таковыми в стихах выдающегося мыслителя и поэта Чжан Хэна 张衡 (династия Хань 汉朝) являются весенние тополь и ива:

Бурно-властно солнечная весна вступает в силу,

Тополя с ивами льнут-обнимаются.

Сотня птиц с юга вернулись,

Порхая-кружась, собрались над на моей веткой [20, с. 283].

Слова весна и весенний в китайских художественных текстах регулярно реализуют отмеченную выше переносную (любовно-эротическую) семантику. Так, в стихотворении выдающегося танского поэта Ли Бо 李白 «Песня обиженной красавицы» бывшая наложница императора вспоминает свою счастливую и безмятежную жизнь во дворце, сравнивая любовные объятия императора с весенним вихрем: *Когда я входила в ханьский дворец, / Мне было пятнадцать лет – / И молодое мое лицо / Сияло, как маков цвет. / И восхищался мной государь – / Яшмовой красотой, / Когда я прислуживала ему / За ширмою золотой. / Когда я сбрасывала в ночи / Пену одежд своих, / Он обнимал меня, государь, / Словно весенний вихрь* (перевод А.И. Гитовича) [21, с. 145].

«Весенний» мотив присутствует в другом стихотворении Ли Бо – «Весенние думы», воплощающем типичный для китайской классической поэзии мотив разлуки с любимым. Образ весеннего ветра здесь используется как аллегория любовных грез:

Когда ты подумаешь, государь, / О дальнем ко мне пути, / У меня, наверное, в этот день / Разорвется сердце в груди. / Весенний ветер я не зову – / Он не знаком со мной – / Зачем же в ночи проникает он / Под газовый полог мой? (перевод А.И. Гитовича) [21, с. 141–142].

В традиционной картине мира китайцев слово *весенний* ассоциируется, как можно полагать, со «свободным» ритуальным поведением молодежи. Исследователи духовной культуры древнего Китая отмечают широкое распространение связанных с культом плодородия традиционных весенних праздников, в продолжение которых допускалась свобода отношений между мужчинами и женщинами, юношами и девушками: «В Древнем Китае <...> брачные отношения людей осмыслились в контексте культа плодородия и культа Земли и Неба как божественной супружеской пары, порождающей все сущее. Для усиления производительных сил Земли использовались <...> массовые спонтанные сокоупления, происходившие во время весенних календарных празднеств. Религиозная семантика сексуального проецировалась и на повседневную жизнь, когда интимные отношения между людьми воспринимались сквозь призму соития божественной супружеской пары» [22, с. 294]. Подобное ритуальное поведение молодых людей не считалось предосудительным: «Крестьянские юноши и девушки, прошедшие обряд инициации, в дни весенних праздников, разбившись на пары, довольно весело и непринужденно проводили время. <...> В древнейшие времена свободное общение мужчин и женщин в период весенних празднеств было естественным и обычным» [23, с. 49].

Весенние обряды в Китае были тесно связаны с представлениями о стимулировании продуцирующих способностей человека мощным «энергетическим полем» весенней природы. Показательно в этом отношении высказанное Э.М. Яншиной мнение не только о естественности, но и обязательности весенних оргиастических праздников: «Весеннее празднество, символизирующее оживление природы и долженствующее обеспечить ее плодородие в наступающем сельскохозяйственном году, носило оргиастический характер: «В среднюю луну весны <...> приказано собираться мужчинам и женщинам. Не запрещается в это время [им] убежать (уединяться). А тех, кто без причин не выполнит приказа, – наказать» («Обряды Чжоу»). В этот же день договаривались о браках, а бездетные просили у богини-свахи потомства» [24, с. 124].

Таким образом, приведенный материал убедительно иллюстрирует сходные закономерности развития семантики славянских номинаций, этимологически связанных с корнем **jarь-* и имеющих исходное значение 'весна', 'весенний', и китайских слов и устойчивых словосочетаний с иероглифом *чунь* 春, реализующих аналогичные прямые и переносные значения.

Литература

1. Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. – М. : Изд-во «Наука», 1981. – Выпуск 8 (**xa – jьvьlga*). – 252 с.
2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс. – Т. 4 : Т–Я. – 1987. – 860 с.
3. Словарь української мови / Зібрала редакція журналу «Кієвська старина» ; упорядкував, з додатком власного матеріалу, Б. Грінченко. – Київ. – Т. 4 : Р–Я. – 1909. – 563 с.
4. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз. – Т. 4 : С–Я. – 1984. – 794 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1980. – Т. 4 : Р–В. – 683 с.
6. О Яриле, языческом божестве русских славян / П. Ефименко. – СПб. : Типография Майкова, в доме Министерства финансов, 1868. – 36 с.
7. Мифы народов мира : Энциклопедия : в 2 т. / А. С. Токарев (гл. ред.). – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – Т. 2 : К–Я. – 790 с. с ил.
8. Петрухин, В. Я. Ярило / В. Я. Петрухин // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5-ти т. ; под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2004. – Т. 5. – С. 637.
9. Левкиевская, Е. Е. Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. – М. : ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 528 с.
10. Рыбаков, Б. А. Язычество древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Изд-во «Наука», 1987. – 784 с.
11. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. – СПб. : Наука, 1992. – Вып. 27 (*Печенки – Подельвать*). – 400 с.
12. Клейн, Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества / Л. С. Клейн. – СПб. : Евразия, 2004. – 480 с.
13. Кон, И. С. Исторические судьбы русского эроса / И. С. Кон // Секс и эротика в русской традиционной культуре : сб. статей ; сост. А. Л. Топорков ; худож. Д. Шимилис. – М. : Ладомир, 1996. – С. 5–30.
14. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / Под ред. проф. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1983. – Т. 2. – 1102 с.
15. Кобзев, А. И. Чунь хуа / А. И. Кобзев // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. ; М. Л. Титаренко (гл. ред.) ; Ин-т Дальнего Востока. – М. : Вост. лит., 2006. – Т. 6 (дополнительный). Искусство / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – 2010. – С. 846–851.
16. Малявин, В. В. Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин / В. В. Малявин. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 451 с.
17. Ли, Юй. Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти / Ли Юй ; пер., [предисл., коммент.] Д. Воскресенского. – М. : Гудьял-пресс, 2000. – 317 с.
18. Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе : Роман : в 4-х т. ; пер. с кит. В. С. Манухин [и др.] ; сост. и отв. ред. А. И. Кобзев ; вступит. ст. Д. Н. Воскресенского, О. М. Городецкой, А. Д. Дикарева [и др.] ; прим. Д. Н. Воскресенского, О. М. Городецкой, В. С. Манухина [и др.]. – Иркутск : Уллис, 1994. – Т. 1. – 448 с. : илл.
19. Кобзев, А. И. «Весенняя монета» – эротонумерологическая загадка / А. И. Кобзев // Общество и государство в Китае : XXXII научная конференция / Ин-т востоковедения ; сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. – М. : Вост. лит., 2002. – С. 323–327.
20. Алимов, И. А. История китайской классической литературы с древности и до XIII в. : поэзия, проза : в 2 ч. / И. А. Алимов, М. Е. Кравцова. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2014. – 1408 с.
21. Поэзия эпохи Тан (VII–X вв.) ; пер. с кит. / редкол.: Л. Делюсин, Т. Редько, В. Сорокин [и др.] ; сост. и вступ. статья Л. Эйшлина. – М. : Худож. лит., 1987. – 479 с.
22. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб. : Издательство «Лань», 1999. – 416 с.
23. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – 2-е изд. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 488 с.
24. Яншина, Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии / Э. М. Яншина. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 248 с.

УДК 811.111'42:811.161.1'42:343.721

Обращения и другие средства выражения адресации в англо- и русскоязычном дискурсе мошенников

Л.А. ЛИТВИНОВА

В данной работе рассматриваются особенности функционирования такого речевого акта, как обращение, представленного в мошенническом дискурсе и привлекающего внимание адресата (потенциальную жертву мошенников) с дальнейшим побуждением последнего к совершению действий, выгодных для отправителя сообщения. В статье определяются основные разновидности обращений и других способов адресации, аспекты их использования в указанном типе дискурса.

Ключевые слова: мошеннический дискурс, сообщения, адресация, приемы и средства, обращение (апеллятив), приветствие, речевое воздействие.

This paper discusses the features of the functioning of such a speech act as an appeal, presented in a fraudulent discourse and attracting the attention of the addressee (a potential victim of fraudsters) with further encouragement of the latter to perform actions beneficial to the sender of the message. The article defines the main varieties of addresses and other ways of addressing, aspects of their use in the specified type of discourse.

Keywords: fraudulent discourse, messages, addressing, techniques and means, appeal (appellative), greeting, speech impact.

Настоящая работа посвящена выявлению и систематизации основных средств и способов адресации в англо- и русскоязычном мошенническом дискурсе. При этом под **адресацией** понимается направленность текста на получателя сообщения, а под **адресатом** – образ в сознании автора послания, «мишень воздействия», характеристики которой во многом определяют отбор адресантом языковых средств и построение самого послания [1, с. 160].

Выбор средств выражения адресации в качестве объекта нашего анализа мотивирован их статусом неотъемлемого компонента в **дискурсе мошенников**, который появился и успешно развивается во многом благодаря технологиям мобильной связи и сети Интернет и который удивительным образом до сих пор не попадал в поле исследовательских интересов лингвистов. Нам не удалось обнаружить ни одной лингвистической работы, посвященной вопросам языковой ткани, композиционной структуры или прагматической организации текстов мошенников, в то время как необходимость изучения мошеннического дискурса как исключительно манипулятивного и императивного вида общения является весьма очевидной.

В рамках данной статьи под **мошенническим дискурсом** мы понимаем послания (прежде всего в виде электронных писем, смс-сообщений и сообщений в мессенджерах), главной целью которых является побуждение или даже провокация адресата (жертвы) на выполнение каких-либо действий, например, на совершение платежей, выгодных для отправителя сообщения и направленных на его личное обогащение, что является противоправным актом и преследуется по закону, например:

Dear customer, Bank of America is closing your bank account. Please confirm your PIN at notbankofamerica.com/XJY23VB to keep your account activated.

Hello, mate, your FEDEX package with tracking code GB-6412-GH83 is waiting for you to set delivery preferences: c7dvr.info/FGdGtk12vilM.

Поздравляем! Вы сегодняшний победитель iPad 2! Отправьте ответное СМС, чтобы подтвердить Ваше совершеннолетие.

Здравствуйте! Вы получили перевод в размере 30 000 рублей. Для подтверждения перевода перейдите по ссылке <https://www...>

Здравствуйте! Я заблокировал Ваш айфон. Пришлите деньги на киви кошелек и я разблокирую ваш телефон.

Как видно из приведенных примеров, неизменным атрибутом мошеннических текстов является их ярко выраженное свойство адресации, проявляющееся в активном использовании обращений к получателю сообщения и других способов установления контакта с ним (*dear customer; hello, mate; здравствуйте; вы / ты* и др.), что обуславливает необходимость их детального рассмотрения как в чисто научных интересах (с целью более глубокого познания явления речевой манипуляции, проблемы фатической и персуазивной коммуникации, расширения знаний специалистов об адресатных характеристиках различных типов текстов, при том что вопросам выражения адресации посвящено немало работ в лингвистической науке [2]–[6] и др.), так и прикладных (с целью проявления заботы о населении, его информирования о наиболее популярных мошеннических уловках, речевых способах воздействия на сознание, приемах захвата и удержания внимания и проч.). Другими словами, внимание к данной проблеме объясняется не только ее теоретической, но и практической значимостью: любой текст пишется для своей аудитории, для своего читателя, чтобы вызвать в нем отклик и, желательно, не оставить его равнодушным. Сказанное предопределяет **актуальность** предпринятого исследования.

По нашим наблюдениям, в мошенническом дискурсе выделяются следующие **приемы и средства адресации**: обращение (апеллятив), приветствия, личные и притяжательные местоимения второго лица, эмоционально-экспрессивная и оценочная лексика, экспрессивные речевые акты (поздравления, похвала и комплименты), модальные глаголы и директивы.

Рассмотрим их более подробно.

1. Обращение / апеллятив.

Обращение (апеллятив) является одной из самых распространенных речевых единиц как в русскоязычном, так и англоязычном дискурсе мошенников. При этом под апеллятивом (обращением) понимается номинация адресата, упоминание его имени, статуса и / или должности получателя сообщения, например:

Dear Leigh! This morning JB Store announced their lottery winners. Congratulations you took 2nd place. Check what you won <https://www.rtapit.com/7FA>.

Здравствуйте, Валентина! Я не смогла связаться с Вами по почте, на Ваши ФИО поступил перевод от служб компенсации. Скоро он будет аннулирован. Получить можно здесь <https://www...>

Уважаемый абонент! На вашем счету замечена подозрительная активность.

Целью апеллятивов является вокативная функция – вызвать доверие и интерес потенциальной жертвы и установить с ней контакт. Как показывает исследование, в изучаемом типе коммуникации обращения могут носить **более официальный характер** (*Dear customer, Bank of America is closing your bank account.*) или **менее**, например:

Колян, привет! Можешь кинуть деньги на телефон?

Друзья! Помогите пожалуйста! Меня зовут Наталья...

Речевой этикет в данном случае зависит от социального статуса адресата, его профессии, возраста и пола. Понятно, что каждое сообщение рассчитано на определенную категорию адресата. Обращение должно настраивать тон беседы, регулировать речевое поведение собеседника, побуждать его к действию. Более официальный характер обращения помогает создать впечатление о надежности адресанта, его благих намерениях. Менее официальный характер обращений от незнакомого человека может, с одной стороны, сразу же расположить к себе потенциальную жертву, а с другой – спровоцировать нежелательный перлокутивный эффект – вызвать подозрительность и даже неприятие со стороны предполагаемой жертвы.

Интересно отметить, что официальные обращения в большинстве случаев имеют структуру «прилагательное + имя адресата». Так в качестве прилагательного используются позитивнооценочные слова со значением признака, как правило *уважаемый* и *dear*, с помощью которых можно быстрее привлечь внимание реципиента, вызвать доверие потенциальной жертвы и вынудить ее совершить выгодные для преступников действия, например:

Уважаемый Иван Петрович! 100 литров АИ – 95 в подарок! Нажмите поле «Получить».

По нашим данным, помимо того, что обращения в мошенническом дискурсе следует подразделять на официальные и неофициальные, их также можно объединить в группы другого порядка, а именно **личные** и **статусные** апеллятивы.

А. **Личные / номинативные апеллятивы** представляют собой обращения к адресату по имени, например:

Hello Judy! It's Danielle from Forward Florida Action! We want to invite you to register to vote online. Together, we can restore decency and elect competent leaders. Will you register?

Привет, Татьяна! Одолжи денег.

Hey Jason! It's John. I just got a new number. I hate to bother you but I'm out of town and just got into a car accident. I'm ok but I'm in hospital and need \$200 to get back home.

Мама, я попал в беду, срочно положи мне 600 рублей на номер 8-800-555 ...

Б. **Статусные / дескриптивные** обращения указывают на социальный статус (постоянный или временный) человека, принадлежность лица к какой-либо социальной группе, например профессиональной или любой другой. К числу статусных обращений В.И. Карасик относит единицы следующих типов: слова, обозначающие иерархию в той или иной системе социальных учреждений (воинские чины, название должности, ученой степени, духовного сана) [7, с. 210]:

Dear customer,

Your iPhone has been found.

Date and time: Saturday, November 5, 2016, 8:54 PM.

*Sign in with your Apple ID to view its current location
<https://apple.verify.com.de/login/?r=al3342>.*

Уважаемый клиент! Ваша карта заблокирована. Для разблокировки отправьте код – подтверждение на короткий номер ...

Dear Madam! We have been notified that you have inherited \$1, 003, 460 from your Great Aunt. Click here to claim it now.

Dear Sir! Go through the attached document on safety measures regarding the spreading of corona virus. This little measure can save you. Use the link below to download.

Как нами было замечено, такие статусные обращения чаще употребляются в англоязычном мошенническом дискурсе (**Dear Madam! Dear Sir! Dear Mr. Brown**). Так можно вежливо обратиться к незнакомому человеку. В русскоязычных же сообщениях мошенников чаще всего встречаются такие статусные обращения как *клиент*, *абонент* или обращение по имени и отчеству.

Статусные обращения могут быть прямыми (**Уважаемый абонент!**) и косвенными (**Только сегодня всем абонентам нашего мобильного оператора скидка!**). Прямые обращения встречаются очень часто и в англо-, и в русскоязычном дискурсе, поскольку действуют на адресата открыто и мгновенно. В случае с косвенными обращениями мошенник надеется, что адресат распознает иллюкутивную силу (вокативную), представленную в высказывании в форме относящегося к адресату существительного в косвенном падеже, и даст выгодный для злоумышленника ответ или совершит иные требуемые от него действия. Таким образом, главной функцией косвенных обращений является кодирование их апеллятивной (звательной) семантики, скрытое воздействие на собеседника (потенциальную жертву).

Такое разнообразие обращений в мошеннических текстах свидетельствует о том, что злоумышленник рассчитывает на них как на исключительно действенное средство манипулирования сознанием получателя сообщения.

В то же время нами было замечено, что практически 50 % мошеннических сообщений не содержат обращений вообще, тем не менее они способны вызвать и реально вызывают стабильный интерес и доверие жертв.

Hello! This is President Joan T. A. Gabel, the president of the University of Minnesota. I'm sending this message with my private number and it is needed to be treated with urgency. Kindly leave a message once you see this message. Thanks.

Привет! На этом сайте разместили видео про тебя <https://www...>

2. Экспрессивные средства.

Как показывает наше исследование, мошенники используют определенные экспрессивные средства адресации, как языковые (например, отдельные эмоционально-оценочные слова), так и речевые (дискурсивные формулы, нередко носящие этикетный характер, в частности приветствия) для привлечения внимания адресата и установления контакта с ним.

Остановимся на них подробнее.

А. Приветствия.

Приветствия относятся к одному из самых важных знаков речевого этикета. Мошеннические тексты не являются исключением. Так, в текстах злоумышленников обнаруживается сразу два типа приветствий: формальные и неформальные.

Формальные (этикетные) приветствия. В нашем обществе приняты определенные правила и принципы общения, которые составляют основу речевого этикета. Неотъемлемой частью речевого этикета являются приветственные речевые акты. Одними из самых нейтральных приветствий считаются коммуникативные акты *Здравствуйте! Добрый день!* Данные приветствия можно использовать среди незнакомых людей в официальной обстановке.

Good day, this is Louise from Barclay Fraud Team. Your account hacked please confirm bank details.

Здравствуйте, уважаемый абонент! Вы нарушили правила соцсети. Отправьте СМС на номер 12345 или ваш профиль будет удален.

Доброе утро! Сбербанк дарит 3 000 рублей за опрос в честь своего юбилея! Проходите опрос по ссылке 3000bonus-sber.blogspot.com.

Целью формальных приветствий является установление и поддержание контакта с адресатом, демонстрация уважительного отношения к нему и серьезности обращения. Соблюдение норм речевого этикета представляется эффективным средством воздействия на потенциальную жертву, так как к человеку, соблюдающему нормы речевого этикета, прислушиваются с доверием, автоматически наделяют его положительными качествами, что позволяет мошенникам, соблюдающим правила поведения, действенно оказывать нужное влияние на адресата.

Неформальные приветствия. Самыми часто употребляемыми приветствиями для неформальных ситуаций являются следующие речевые акты: «Привет», «Hello», «Hey», «Hi» и «Morning / Afternoon».

Hey, stuck at petrol station with the wrong debit card. Any chance you can send me \$150 to my other card. Call you soon. bsb 724 100 acc 100 265 651 Thanks.

Привет! Мои фото здесь: <https://www...>

Использование таких приветствий – это дружелюбный способ расположить к себе адресата, настроить на неформальное общение, расслабить жертву, затуманить ее сознание, отвлечь от главного, притупить внимание и снять подозрения.

Соотношение употребления мошенниками формальных и неформальных приветствий примерно одинаково (как в англо-, так и русскоязычном мошенническом дискурсе).

Б. Другие этикетные формулы.

Помимо приветствий, в своих сообщениях преступники активно используют и другие этикетные элементы, например, слово *пожалуйста* или комплименты (прямые или косвенные) как коммуникативные приемы, апеллирующие к тщеславию жертвы, а следовательно, нацеленные на управление ее эмоциональным состоянием и поведением. Это может быть неприкрытая лесть в адрес жертвы, эксплицитное или имплицитное указание на ее таланты, уникальные черты, превосходство над другими или успехи в определенной сфере.

Timothy! Lucky you! You've won our mystery box – please use this link to schedule the delivery <https://www.t5.ia/s/>.

Здравствуйте, Таня Квашина, мы с вами в одной команде проекта "Бизнес Класс". Это специальное сообщение только для Вас!

Для того, чтобы ваш уникальный регистрационный номер был активным в системе, необходимо оформлять заказы только из вашего личного кабинета!!!! Сейчас в преддверии Нового Года большие распродажи, согласитесь, покупать со скидкой качественный продукт очень приятно! Можно выбрать подарки родным, друзьям, знакомым, коллегам. Посмотрите, пожалуйста, новогодний каталог, и я уверена, что вы без покупок не останетесь!

Как видно из представленных примеров, подобные тексты изобилуют выразительными средствами, такими как экспрессивный синтаксис и эмоционально-оценочная лексика, а также особые стилистические средства и приемы: метафоры, эпитеты и под. (например, *Timothy! Lucky you!*; ваш уникальный регистрационный номер; *Уважаемый Иван Петро-*

вич! Together, we can restore decency and elect competent leaders). Целью подобных сообщений мошенников является убедить жертву в ее особенных качествах, в ее уникальности, что приводит к успеху злоумышленников в достижении их меркантильных целей.

В. Декларативы.

Еще одним средством экспрессивной адресации можно считать декларативные высказывания, то есть речевые акты, имеющие характер объявления, новостного заявления, в ряде случаев отличающегося сенсационностью и сопровождаемого выразительной пунктуацией:

Спам, который Вы ждали!

Внимание!!! Акция!!!

Notice! Your unique login has expired. Please tap twillio-ss0.com to update your password!

Attention Friend!!!

Г. Поздравления.

Поздравительные акты наподобие «поздравляю», «примите наши поздравления», «Congratulations!» и т. д. создаются исключительно для адресата, и в отсутствие партнера по общению (реального или вымышленного) такой тип высказываний просто был бы неуместным и неподходящим.

Уважаемый пользователь! Примите поздравления! Ваш IP-адрес был случайным образом выбран для БЕСПЛАТНОГО получения Samsung Galaxy S 10!

Congratulations! Your number made you Apple's winner! Go to <https://apple.cc> and enter code 8722 to claim your Free Apple Product!

Как показывает анализ, сообщения, содержащие экспрессивные языковые элементы, наиболее распространены в русскоязычном мошенническом дискурсе.

3. Личные и притяжательные местоимения второго лица и модальные слова.

Часто с целью полного захвата внимания потенциальной жертвы злоумышленники употребляют личные и притяжательные местоимения второго лица, в ряде случаев в сочетании с модальными словами наподобие *нужно, необходимо, можно* и др. Модальные глаголы *долженствования (нуждаться, долженствовать, must, should, to be to, to need, to have to)*, или глаголы, которые выражают деонтическую модальность, в значительной степени усиливают воздействие на адресата, выражают побуждение в открытом виде, то есть действуют императивно, например:

You are eligible for the government funded \$ 400,00 energy bill rebate. To complete your application you need to visit <https://offgem.secure-reg.com>.

Поздравляем Вас, по итогам нашей акции на Ваш абонентский номер выпал приз – плазменный телевизор! Чтобы получить приз, Вам необходимо оплатить государственную пошлину.

Сегодня мне нужны пять помощников с разных стран и городов. Я готов делиться с Вами 10 % своей прибыли!

4. Вопросительные предложения.

Также в мошенническом дискурсе можно встретить сообщения, содержащие вопросительные предложения, а вопрос, как известно, является одним из самых эффективных средств демонстрации направленности текста на адресата.

Congratulations! You've won the lottery! Your friend Daniel wants to connect with you. Both of you can redeem the prize when you apply here offer.1nuniyaz25qx.co. What are you waiting for?

ПОЗДРАВЛЯЕМ! МОЛОДЕЦ! СЧАСТЬЕ УЛЫБНУЛОСЬ ТЕБЕ! Обязательно отправь СМС на номер 1010! БРАВО! Вы хотите сойти с ума от счастья? Так почему медлите?! Организатор лотереи ждет Вашего СМС в течении 15 минут!

Подобные сообщения мошенников, содержащие вопросы, побуждают жертву действовать быстрее, не упускать свой уникальный, возможно единственный шанс, что, вероятно, и объясняет высокую эффективность воздействия таких сообщений на поведение жертвы.

5. Директивы.

Директив – речевой акт, побуждающий человека (жертву мошенников) к совершению финансовых операций, выгодных для отправителя сообщения (мошенника).

Уважаемый клиент! Ваша карта заблокирована. Для разблокирования отправьте смс на короткий номер.

You have won \$ 2,5 Million!!! Congratulations!!! Claim archives at <https://www.....>

Наиболее частотным директивом в мошенническом дискурсе является речевое действие с глаголом в повелительном наклонении. Это, вероятно, обуславливается стремлением мошенников максимально оперативно ввести жертву в заблуждение и вынудить ее выполнить требуемые действия.

Итак, средства адресации, придающие любому тексту диалогический характер, являются важнейшим элементом мошеннических сообщений, определяют их успешность / неуспешность, обуславливают получение / не получение выгоды злоумышленниками. Нами не было обнаружено ни одного сообщения мошенников, даже самого короткого, которое бы не содержало маркеров адресации в том или ином виде. Более того, почти в каждом мошенническом тексте, несмотря на его небольшой объем, в подавляющем большинстве случаев всегда присутствует сразу несколько средств адресации (например, приветствие, вопросительные предложения, экспрессивные речевые акты, поздравления, декларативы, директивы, использование личных и притяжательных местоимений второго лица и модальных слов, как это видно из примеров выше), что в очередной раз подчеркивает их исключительную роль в привлечении внимания предполагаемой жертвы, манипуляции ее сознанием, побуждении к выполнению определенных действий, навязываемых правонарушителями.

Таким образом, уникальной особенностью мошеннических текстов является феноменально высокая концентрация элементов адресации на небольших участках речевой цепи, что обусловлено чрезвычайными возможностями средств адресации по управлению волей, эмоциональным состоянием и сознанием людей.

Литература

1. Полуикова, С. Ю. Фактор адресата в персуазивном тексте / С. Ю. Полуикова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 1. – С. 159–165.
2. Блинова, Е. А. История средств адресации в немецком и русском языках (на материале формул приветствия и прощания) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. А. Блинова ; МПГУ. – М., 2014. – 19 с.
3. Каминская, Т. Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Т. Л. Каминская. – СПб., 2009. – 284 л.
4. Уделькина, А. И. Категория адресованности в полемическом дискурсе (на материале немецкоязычных СМИ) / А. И. Уделькина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2018. – № 1. – С. 119–124.
5. Погорелко, А. М. Система средств адресации русского и английского языков как разновидность лингвокультурологического поля : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. М. Погорелко ; Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 2001. – 28 с.
6. Стернин, И. А. Фактор адресата в речевом воздействии / И. А. Стернин // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – 2004. – № 1. – С. 171–178.
7. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

О соотношении понятий ‘идиолект’ и ‘идиостиль’

Н.Е. ПЕТРОВА

В статье рассматриваются различные лингвистические подходы на соотношение, содержание и объём таких понятий, как идиолект и идиостиль. Данные понятия интерпретируются автором с учётом этимологии и соотносятся с определениями языковой личности, авторской интенции, языковой картины мира.

Ключевые слова: текст, художественный текст, языковая личность, идиолект, идиостиль, интенция, языковая картина мира.

The article discusses various linguistic approaches to the relationship, content and scope of such concepts as idiolect and idiostyle. These concepts are interpreted by the author taking into account the etymology and correlate with the definitions of the linguistic personality, the author's intention, the linguistic picture of the world.

Keywords: text, literary text, linguistic personality, idiolect, idiostyle, intention, linguistic picture of the world.

В истории языкознания в центре внимания всегда находился носитель языка. В первую очередь человек был интересен для лингвистики как источник языковых инноваций, поскольку, как справедливо заметил Э. Сепир, «два человека одного поколения и из одной местности в одном и том же социальном окружении никогда не будут одинаковыми по составу речи» [1, с. 287].

Первое обращение к понятию языковой личности связано с именем немецкого ученого Л. Вайсгербера [2, с. 13]. Исследованием этой проблемы в дальнейшем занимались многие лингвисты, но прежде всего разработку категории языковой личности соотносят с именем Ю.Н. Караулова, который связал это понятие с анализом текста [3]. По мнению ученого, за каждым текстом стоит создатель, характеризующийся не только уровнем владения языком, но и личностным выбором языковых средств. В работах исследователя под языковой личностью понимается:

– совокупность способностей и характеристик человека, которые обуславливают создание и восприятие им речевых произведений (текстов), отличающихся степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определённой целевой направленностью [4, с. 3];

– любой носитель того или иного языка, характеризующийся на основе анализа созданных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире [5, с. 671].

В определениях языковой личности, согласно Ю.Н. Караулову, способности носителя языка объединены с особенностями текста, который им создан. Каждый текст, а значит, и каждый его создатель отличаются определенным набором языковых единиц, причём они (единицы языка) в другом тексте могут иметь иную интерпретацию и использоваться с другими целями. Поэтому любое исследование текста не может обойтись без обращения к личности автора, его идейно-эстетической позиции, особенностей отбора средств национального языка для выражения этой позиции.

В современном научном знании существует множество различных подходов к определению типологии языковой личности, что объясняется сложной природой её феномена. Например, подробная классификация психологических типов языковой личности предлагается С.А. Сухих, в которой выделяются экспоненциальный, субстанциональный и интенциональный уровни [6, с. 19]. В.И. Карасик приводит нормативно-центрическую модель языковой личности, в состав которой входит стандартная языковая личность, отражающая усреднённую литературно обработанную норму языка, а также нестандартную языковую личность, объединяющую в себе «верхи» и «низы» культуры речи. Исследователь выделяет, к примеру, такие типы, как вор, герой, клоун, жертва и др. [7, с. 10]. В.Б. Сиротина различает типы языковой личности на основе

особенностей её культуры речи и выделяет элитарный, среднелитературный, просторечный, фамильно-разговорный и др. типы [8, с. 7]. Заслуживает внимания типология языковой личности на основе анализа прагматики фразеологизмов: эгоцентрическая (насыщает собственную речь яркими фразеологизмами с целью саморепрезентации); социоцентрическая (использует клишированные выражения для определения своего статуса) [6, с. 23].

Подходящей к характеристике языковой личности нам представляется и известная типология лиц К. Юнга, согласно которой выделяются экстравертные и интровертные типы [9, с. 11]. К примеру, используя типологию К. Юнга, исследовательница М.В. Ляпон осуществляет психологическую характеристику языковой личности М. Цветаевой на основе языкового анализа её прозаических текстов [10, с. 260–276]. В белорусском языкознании О.А. Лещинская в результате анализа языка произведений Я. Купалы определила языковую личность писателя в одинаковой степени как экстравертной, так и интровертивной [11, с. 48].

Выбор той или иной типологии зависит от особенностей предмета анализа, а также от приоритетов самого исследователя, который может пользоваться одновременно несколькими её разновидностями, поскольку общеизвестно, что чем богаче личность носителя языка, тем с большим трудом она укладывается в классификационные рамки.

Поскольку языковая личность характеризуется стремлением к постижению окружающей действительности, одной из основных категорий, имеющей непосредственное отношение к понятию языковой личности, является понятие картины мира. Под картиной мира обычно понимается «упорядоченная совокупность знаний о действительности» [12, с. 10], которую представляет научная информация, религиозные представления, эстетические и нравственные ценности социума, в котором живёт языковая личность, и др., на основе чего «формируются различные уровни мировоззренческого потенциала индивида: мировидение, миропонимание, мироощущение и мирооценка» [13, с. 12]. В современной лингвистике интерес к картине мира предусмотрен в первую очередь тем, что в процессе анализа текста в аспекте теории языковой личности необходимо опираться на индивидуальные особенности авторского мышления, т. е. обращаться к индивидуальной (авторской) картине мира.

Если рассматривать индивидуальную картину мира с точки зрения заложенной в тексте информации, то она «представляет собой совокупность фактуальной, подтекстовой и концептуальной информации, ... это сложная система логических связей, представлений, характеристик, опирающихся не только на общепринятые знания человека, но и на индивидуальную интерпретацию этих знаний» [2, с. 41]. Вместе с тем при анализе текста мы не можем судить о целостной индивидуальной картине мира личности, поскольку имеем дело именно с языковой картиной мира автора. Здесь мы имеем дело с тем, как познание окружающего мира фиксируется в речи языковой личности. Таким образом, если в тексте автор воплощает свою языковую картину мира, значит, её можно постичь на основе анализа этих текстов.

Вербальным выражением языковой личности является её идиолект – совокупность языковых единиц, представляющая индивидуальную картину мира языковой личности. Языковая личность, опираясь на средства родного языка, создаёт свой идиолект, анализ которого в свою очередь даёт возможность охарактеризовать отдельные черты языковой личности носителя идиолекта.

Изучение речи отдельной языковой личности является актуальным в различных областях знаний. Например, исследование идиолекта имеет большое значение в педагогическом процессе, в психологии и даже в криминалистике, где используется «идентификация личности по голосу и говорению» [14, с. 78]. В филологии особую ценность получают исследования идиолектов создателей текстов (писателей), которые являются представителями так называемой элитарной речевой культуры, поскольку именно они наиболее полно и творчески владеют всеми богатствами исходного языка, отличаются своеобразным мировосприятием и мировоззрением и являются создателями текстов, на которые ориентируются другие носители языка как на образцовые в смысле использования языка.

Несмотря на то, что в основу любого художественного произведения положены возможности исходного языка, одинаковые и обязательные для всех, каждому произведению (тексту) свойственна уникальность и неповторимость. За каждым текстом стоит сам его создатель, который по-своему воспринимает и отражает окружающий мир, имеет отличающийся от других жизненный опыт, обладает определённой системой знаний, имеет свои склон-

ности, интересы, особенности поведения и т. п. Поэтому индивидуальность в языке художественной литературы опирается на языковую личность писателя и реализуется в его идиолекте и идиостиле [15, с. 37].

В современном языкознании такие понятия, как стиль, язык произведений, идиостиль, идиолект, нередко воспринимаются как синонимичные или тождественные. Это связано в первую очередь с нехваткой работ, посвящённых детальному рассмотрению проблемы определения сути терминов 'идиолект' и 'идиостиль' в лингвистике. Традиционно понятие идиолект объясняется как совокупность особенностей речи носителей языка [16, с. 165]. Ключевым словом в этом определении выступает лексема «особенности». Такой подход к толкованию понятия идиолект оставляет открытыми и нерешёнными многие вопросы, поскольку не ставит задачи выяснить, что необходимо считать особенным в речи той или иной личности. Более того, в ряде работ термин идиолект используется как синонимичный к термину идиостиль. Например, как терминологические дублиеты рассматриваются эти понятия в «Стилистическом энциклопедическом словаре»: «Идиостиль (индивидуальный стиль, идиолект) – совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей речи писателя, учёного, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [17, с. 95].

Вместе с тем, во многих работах отмечается, что такие понятия, как идиолект и идиостиль, тождественными считать нельзя [18]–[21]. Однако до сих пор в современном языкознании не выработан единый подход к истолкованию понятий идиолект и идиостиль. Одни исследователи считают, что термин идиолект выступает логически шире понятия идиостиль, другие, напротив, идентифицируют понятие идиолект как составляющую идиостиля: Также существует множество различных трактовок понятий идиолект и идиостиль на основе различных аспектов. В нашей работе понимание понятий идиолект и идиостиль основано на следующих положениях:

1. Оба эти термина имеют в своем составе часть *идио* (от греч. *idio*), означающую 'особенный'. Это значит, что идиолект и идиостиль являются всегда индивидуальными явлениями, олицетворяют субъективное и находят репрезентацию как результат творческого отбора языковой личностью того, что наилучшим образом отражает её видение (картину) мира, этические и эстетические установки.

2. Этимология термина *идиолект* восходит к греческим словам *dialectos* – 'разговор' и *lectos* – 'способен к разговору'. В лексикографических справочниках подается устаревшее значение заимствования *dialectos* – 'язык' [22, с. 199]. В современной лингвистике значение слова *разговор* неразрывно связано с понятием языка, поэтому мы считаем компонентами идиолекта единицы языка на всех его уровнях (фонемном, морфемном, лексическом, синтаксическом и т. д.). Однако не все языковые ресурсы, которыми пользуется автор, входят в структуру его идиолекта, а только те, которые преобладают в речи и сформировали языковую картину мира.

Часть *стиль* связывает понятие *идиостиля* со значением термина *стиль* в лингвистике как совокупность приемов использования средств языка. Вместе с тем, не каждый стилистический приём, которым пользуется автор, будет являться компонентом идиостиля того или иного писателя, поскольку каждый мастер слова пользуется в большинстве традиционными способами организации текста (тропами, фигурами и т. д.). Мы считаем, что *идиостиль* определяют те приёмы, выбор которых обусловлен спецификой языковой личности (например, собственным вкусом, особенностями мышления, психологическими факторами и т. д.). Языковая личность сознательно выбирает наиболее подходящий для выражения собственной точки зрения приём или способ организации текста: метафору или сравнение, гиперболу или литоту, антитезу или оксюморон и т. д. *Идиостиль* определяется системой концептуально значимых для языковой личности принципов организации текста, составляющими *идиостиля* становятся такие приемы, способы, фигуры и т. д., которые являются типичными и наиболее частотными для определённой языковой личности.

3. Важную роль в истолковании понятий *идиолект* и *идиостиль* приобретает авторская интенция (лат. *intentio* – 'стремление') – коммуникативное намерение, замысел; направление или направленность сознания, воли, чувства на какой-либо предмет; намерение, цель [23].

Авторская интенция, в нашем понимании, – это сознательное намерение придать языковой единице определённую контекстуальную значимость. Происходит целенаправленная деятельность языковой личности, которая преобразует обычную единицу языка в более значимую, выразительную, оценочную и т. д. на основе творческого контекстуального переос-

мысления. Однако проявление авторской интенции в пределах идиолекта и идиостиля мы считаем различным, что отражается на их определении. В изучении идиолекта в первую очередь ставится задача определить, например, какое слово или словосочетание получило переосмысление, какую коннотацию приобрела единица языка, какие дополнительные семантические приращения преобладают и т. д. В идиостиле же проявление авторской интенции прослеживается на уровне особенностей функционирования той или иной языковой единицы, а также актуальным представляется выяснить, какие приёмы текстообразования присущи автору, какой мотивацией отличается авторское переосмысление или коннотация.

4. В современном языкознании многие исследователи определяют понятие идиостиль как более широкое понятие, чем идиолект; некоторые лингвисты, напротив, содержание понятия идиостиль рассматривают как часть понятия идиолект. Бесспорно, исследовать идиолект и идиостиль изолированными друг от друга нельзя, потому что сам языковой материал, и традиционный, и индивидуальный, невозможно анализировать без рассмотрения роли этого материала в отражении субъективной точки зрения языковой личности (идиостиль). С другой стороны, невозможно вести речь об индивидуальном стиле писателя, не изучив особенностей его языка. Поэтому мы придерживаемся мнения о необходимости рассмотрения идиолекта и идиостиля конкретного автора в неразрывной взаимосвязи, поскольку считаем, что эти понятия не могут исследоваться по отдельности.

Таким образом, наше понимание сущности понятий идиолект и идиостиль сводится к следующим определениям: идиолект – совокупность языковых средств (фонетических, лексических, морфологических, синтаксических), которые посредством авторской интенции отражают фрагмент индивидуальной картины мира; идиостиль – индивидуальный способ организации языковых средств (совокупность приёмов, фигур, тропов, функций, преобладающих в авторских текстах), который посредством авторской интенции отражает фрагмент индивидуальной картины мира.

Литература

1. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М., 1993. – 612 с.
2. Литус, Е. В. Эволюция идиолекта писателя (на материале ранних и поздних рассказов А.П. Чехова) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Литус. – Славянск-на-Кубани, 2003. – 266 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения / Ю. Н. Караулов, Е. В. Красильникова // Язык и личность: сб. ст. / АН СССР, Институт русского языка ; редкол.: Д. Н. Шмелёв (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1989. – С. 3–8.
5. Караулов, Ю. Н. Языковая личность / Ю. Н. Караулов // Русский язык : Энциклопедия ; под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Большая Российская Энциклопедия, 2003. – С. 671–672.
6. Сичинава, Ю. Н. Особенности проявления языковой личности в окказиональном словотворчестве : на материале текстов В. Маяковского и И. Северянина : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Н. Сичинава. – Краснодар, 2007. – 192 с.
7. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М., 2004. – 390 с.
8. Сиротинина, О. Б. Языковая личность и факторы, влияющие на её становление / О. Б. Сиротинина // Термин и слово : сб. ст. / Нижегородский государственный университет ; редкол.: Р. Ю. Кобрин (отв. ред.) [и др.]. – Нижний Новгород : НГУ, 1997. – С. 7–12.
9. Юнг, К. Психологические типы / К. Юнг. – М. : АСТ, 2006. – 528 с.
10. Ляпон, М. В. Языковая личность : поиск доминанты / М. В. Ляпон // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность : сб. ст. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН ; редкол.: Ю. Н. Караулов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Институт русского языка, 1995. – С. 260–276.
11. Ляшчынская, В. А. Слова ў паэзіі Я. Купалы / В. А. Ляшчынская. – Мінск, 2004. – 272 с.
12. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии : монография / А. П. Бабушкин [и др.]. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2002. – 314 с.
13. Кныш, Л. С. Гутарковая камунікацыя ў мастацкай прозе Максіма Гарэцкага : спосабы стылізацыі : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Л. С. Кныш. – Мінск, 2006. – 147 с.
14. Брызгунова, Е. А. Идиолект и наддиалектная форма русского языка / Е. А. Брызгунова // Лингвистическая полифония : сб. ст. / редкол.: В. А. Виноградов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Языки славянских культур, 2007. – С. 78–84.

15. Леденёва, В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) / В. В. Леденёва // Филологические науки. – 2001. – № 3. – С. 36–41.
16. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
17. Котюрова, М. П. Идиостиль / М. П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка ; под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта, 2006. – С. 95–97.
18. Пятрова, Н. Я. Моўная асоба і ідыялект / Н. Я. Пятрова // Язык и социум : материалы IX Международной научной конференции, Минск, 2010 г. / Белорусский государственный университет ; редкол.: Л. Ф. Гербик (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2011. – Ч. 3. – С. 175–178.
19. Якупова, Л. Р. О соотношении понятий «идиолект» и «идиостиль» / Л. Р. Якупова // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 3 (65). – С. 209–212.
20. Кыдыкбаева, К. С. Значение категорий «идиолект», «идиостиль» при анализе художественного текста / К. С. Кыдыкбаева // Актуальные вопросы образования и науки. – 2021. – № 1 (71). – С. 94–97.
21. Толпарова, Д. В. Идиостиль и идиолект. К объёму и содержанию понятий / Д. В. Толпарова // Германистика в современном научном пространстве : материалы VIII Международной научно-практической конференции, Краснодар, 28 апреля 2022 г. / Отв. ред. И. А. Белокопытова. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2022. – С. 181–186.
22. Современный словарь иностранных слов : толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Т. М. Баш (отв. ред.) [и др.]. – М. : Вече, 2006. – 959 с.
23. Интенция [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/35591>. – Дата доступа : 17.01.2023.

Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники

Поступила в редакцию 17.01.2023

Полемический компонент дискурса печатных СМИ и его структурные закономерности

Е.В. САЖИНА

Настоящая статья посвящена рассмотрению структурно-композиционного блока полемического компонента дискурса печатных СМИ, индекс плотности которого позволяет относить те или иные жанры прессы к структурным элементам полемического дискурса. Вычисление индекса плотности полемического компонента, формирующегося посредством таких элементов как постановка проблемы, оценка, комментарий, мнение позволяют отнести тексты жанров прессы к ядру, ближней и дальней периферии полемического дискурса.

Ключевые слова: полемика, дискурс печатных СМИ, структурно-композиционные признаки, индекс плотности.

This article deals with the study of the structural and compositional block of the polemic component of the discourse of the print media, the density index of which allows one or another genre of the press to be attributed to the structural elements of the polemic discourse. The calculation of the density index of the polemic component, which is formed by means of such elements as posing the problem, evaluation, the commentary, opinion, makes it possible to attribute the texts of the press genres to the core, near and far periphery of the polemic discourse.

Keywords: polemic, discourse of print media, structural and compositional features, density index.

Введение. На протяжении столетий полемика, представляющая собой продукт сложной речемыслительной деятельности, основывающейся на различиях взглядов, мнений участников коммуникации, имеющих своей целью не только высказать и обосновать свою точку зрения, но и опровергнуть позицию собеседника, вызывает неугасающий интерес у представителей различных научных сфер. На современном этапе развития общества полемика особенно востребована, поскольку вопросы, решаемые в ходе полемической коммуникации, способствуют принятию важных решений, «которые будут способствовать улучшению жизненного уровня общества, развитию науки и техники, гармонизации отношений человека и взаимопониманию субъектов речевого общения» [1].

Понятие «полемика» с точки зрения лингвистики исследовалось в соотношении с такими понятиями, как «языковая личность», «коммуникативные стратегии и тактики», «речевой конфликт», «гармоничный / дисгармоничный речевой акт», «аргументация» и рассматривалась с позиции адресанта и адресата. С точки зрения лингвистической антропологии полемика анализировалась как коллективный языковой феномен, в основе которого лежат социально-психологические модели речевого поведения [2]. Также полемика изучалась с точки зрения конфликтологии [3].

Анализ определений, представленных в лексикографических источниках, научных публикациях, учебной литературе по культуре речи, деловому общению, риторике выделяют компоненты значения дискуссии, спора и полемики, что дает возможность разграничить данные формы аргументированной речи как по содержанию, так по объему и сфере функционирования. Однако, представляя собой сложное коммуникативное явление, полемика, несмотря на многочисленные исследования, до сих пор не имеет единого подхода к определению.

Полемика пронизывает все сферы человеческой деятельности, включая институт СМИ. Она представляет собой системо-образующий элемент дискурса печатных СМИ, «особое представление языковой картины мира, в которой конфликтный коммуникативный акт трактуется с позиций участников – отправителя речи (адресанта) и ее получателя (адресата), а также возникающих между ними противоречий» [4, с. 56]. Однако до сих пор нерешенным остается вопрос о нахождении лингвистических оснований для отнесения текстов тех или иных жанров дискурса печатных СМИ к полемическому типу.

Настоящая работа посвящена рассмотрению вопроса о полемичности дискурса печатных СМИ, установлению полемического компонента и его определению, а также выявлению структурно-композиционных признаков полемического компонента для дальнейшей дифференции коммуникативно-прагматических типов дискурса печатных СМИ. Актуальность темы обусловлена необходимостью дать определение и установить четкие границы полемического компонента в исследуемом дискурсе, структурно-композиционные признаки полемического компонента, а также разработать систему индексов, которые бы позволили произвести расчеты, на основании которых можно будет выделить ядро, ближнюю и дальнюю периферию полемического дискурса печатных СМИ, а также констатировать принадлежность / непринадлежность тех или иных жанров печатной прессы к полемическому типу дискурса.

Результаты исследования и их обсуждение. Многочисленные исследования, проводимые лингвистами уже не одно десятилетие, посвященные вопросу полемической природы высказывания, текста, дискурса, свидетельствуют о том, что полемика представляет собой сложное коммуникативное явление, которое требует глубокого осмысления.

По мнению ученых, полемика, дискуссия, спор являются формами аргументативной коммуникации. При этом между ними не ставится знак тождества, но подтверждается неразрывная связь. Так, полемика и дискуссия обнаруживают между собой сходства в том, что в них присутствует определенный тезис, лежащий в основе разногласий, которые решаются в ходе коммуникативного взаимодействия путем применения определенного набора приемов. Спор, в свою очередь, «представляет собой состязание за идею, мысль. В отличие от полемики, спор представляет собой обсуждение любого вопроса на любую тему. Участниками спора могут являться как компетентные, так и некомпетентные лица» [5].

Вместе с тем различия между этими формами заключаются в их целевых установках: цель дискуссии – поиск общего согласия, того, что объединяет разные точки зрения, цель полемики – утверждение одной из противостоящих позиций, цель спора – достижение истины. Участники полемики и спора как правило не ограничены в выборе стратегий и тактик, которые задействованы в достижении цели, в то время как для дискуссии имеется ряд ограничений.

С лингвистической точки зрения, «полемика представляет собой диалогическое (устное и письменное) общение компетентных в конкретной сфере деятельности субъектов, имеющих различные (противоположные) точки зрения относительно обсуждаемого вопроса, с целью утверждения своей позиции и опровержения другой при помощи достаточной и убедительной аргументации» [4]. Наличие противоположной идеи, мнения, лежащих в основе полемики, характеризует последнюю как спонтанную и непредсказуемую вербальную борьбу, не имеющую ограничений по времени и количеству участников.

Спор, представляя собой обсуждение любого вопроса на любую тему, в отличие от полемики, может включать и виды публичного «интеллектуального» взаимодействия (полемика, дискуссия, диспут, дебаты, прения), и виды взаимодействия субъектов в обыденной жизни (препирательство, ссора, пререкания) [5]. Спор охватывает различные сферы жизнедеятельности участников коммуникации, неограничен регламентом.

Дискуссия, представляя собой «коммуникативное взаимодействие субъектов, основанное на решении вопроса в рамках конкретной темы с целью определения истины либо приближения к ней» [5], проходит по определенным правилам, регламенту, где участники используют корректные приемы при обсуждении определенной темы в ограниченном временном отрезке.

Таким образом, на первый взгляд, можно провести следующие разграничения между рассматриваемыми понятиями. «Полемика – вид языкового общения нескольких партнеров и в этом смысле – диалог» [6, с. 9]. Полемика представляет собой спор, при котором имеется конфронтация, противостояние, противоборство сторон. Исходя из этого, полемику можно определить «как борьбу принципиально противоположных мнений по тому или иному вопросу, публичный спор с целью защитить, отстоять свою точку зрения и отвергнуть мнение оппонента» [7, с. 6]. К видам полемики относятся дебаты и дискуссия. Дебаты (прения) представляют собой «обмен мнениями, обсуждение, публичный спор по каким-либо вопросам, спор, который возникает при обсуждении докладов, сообщений, выступлений на собраниях, заседаниях, конференциях и т. п.» [7, с. 7]. Дискуссией, тематической и корректной по

форме полемикой, называют «такой публичный спор, целью которого является выяснение и сопоставление различных точек зрения, поиск, выявление истинного мнения, нахождение правильного решения вопроса, проблемы» [6, с. 12].

В настоящей работе мы придерживаемся точки зрения, в соответствии с которой полемика имеет особое (дискурсное) измерение, в рамках которого спор, дискуссия, дебаты как формы полемики не только оформляются как некая данность, но и конструируются как предмет познания для участников и сторонних наблюдателей. Исходя из этого, полемику можно определить «как борьбу принципиально противоположных мнений по тому или иному вопросу, публичный спор с целью защитить, отстоять свою точку зрения и отвергнуть мнение оппонента» [7, с. 6], которые могут проходить в форме дискуссии, «такого публичного спора, целью которого является выяснение и сопоставление различных точек зрения, поиск, выявление истинного мнения, нахождение правильного решения вопроса, проблемы» [6, с. 12].

Как видно из определений, полемика представлена рядом форм (спор, дискуссия, диспут, дебаты), которые, на наш взгляд, несмотря на возможность существования в чистом виде (научная дискуссия, судебный диспут и т. д.), в той или иной мере могут тесно переплетаться в ходе коммуникативной деятельности, дополнять друг друга, поэтому важным при отнесении того или иного дискурса к полемическому типу будет установление наличия в нем полемического компонента, который обладает рядом структурно-композиционных, когнитивно-семантических и коммуникативно-прагматических признаков.

В настоящей статье мы обращаемся к выявлению признаков полемики на структурно-композиционном уровне, которые, как показал практический анализ, представлены следующими структурно-композиционными элементами:

– *постановка проблемы* – блок текста того или иного жанра печатных СМИ, в котором сообщается о сложном теоретическом или практическом вопросе, требующем изучения, разрешения, формирования идеи, концепции для поиска ответа (решение проблемы) с проверкой и подтверждением в опыте;

– *оценка* – блок текста того или иного жанра печатных СМИ, в котором устанавливается значимость проблемы/вопроса для действующего и познающего субъекта;

– *комментарий* – блок текста того или иного жанра печатных СМИ, в котором приводятся рассуждения, пояснительные и критические замечания о существующей проблеме / вопросе;

– *мнение* – блок текста того или иного жанра печатных СМИ, в котором приводятся убеждения, суждения, умозаключения, выводы, точки зрения по теме, основанные на интерпретации фактов или эмоциональном отношении к ним со стороны адресанта.

Каждый элемент структурно-композиционного блока обладает собственными когнитивно-семантическими и коммуникативно-прагматическими признаками, которые будут рассмотрены в ходе дальнейшего исследования, в настоящей же статье мы обращаемся к анализу структурно-композиционных признаков полемического компонента дискурса печатных СМИ и установлению индекса плотности этого компонента в различных жанрах исследуемого дискурса с целью установления ядра, ближней периферии и дальней периферии полемического дискурса печатных СМИ.

Под индексом плотности полемического компонента исследуемого дискурса понимается показатель, связывающий число предложений и число пропозиций в этих предложениях, входящих в совокупность структурно-композиционных блоков, образующих полемический компонент текста того или иного жанра, и который рассчитывается по формуле $D_{ns} = \frac{p_{pror}}{n_{sent} \times n_{bl}}$, где D_{ns} – это плотность полемического компонента полемического дискурса печатных СМИ, p_{pror} – общее число пропозиций, входящих в структурно-композиционный блок, n_{sent} – общее число предложений, входящих в структурно-композиционный блок, n_{bl} – общее число структурно-композиционных блоков в полемическом тексте.

На первом этапе нашего анализа были отобраны тексты информационных, аналитических и художественно-публицистических жанров из белорусской прессы. Их анализ позволил установить, что полемический компонент наиболее характерен для таких информационных жанров, как интервью, брифинг, вопрос-ответ, репортаж. Среди аналитических жанров полемический компонент присутствует во всех жанрах, но имеет различный уровень своей выраженности. Менее представлен полемический компонент в художественно-публицистических жанрах.

На втором этапе практического анализа методом сплошной выборки были отобраны тексты таких жанров, как обозрение, проблемная статья и обзор, для того чтобы изучить структурно-композиционные признаки полемического компонента и установить индекс его плотности. Выбор указанных жанров обусловлен прежде всего их сходством по объему.

Как показал анализ обозрения в белорусской прессе, структурно-композиционный блок представлен следующим образом (пример приводится в сокращенном виде):

Постановка проблемы: «Основным критерием эффективности работы ЖКХ остается оценка потребителя».

Мнение: «Работа организаций жилищно-коммунального хозяйства стабильно входит в тройку тем, чаще других обсуждаемых в ходе житейских бесед».

Комментарий: «Это неудивительно, ведь услуги ЖКХ – это основа качества жизни. В профильном министерстве, оперируя цифрами и фактами, доказывают: доступность, качество и оперативность оказания услуг продолжают улучшаться. Перед работниками отрасли, которые, к слову, отмечают завтра свой профессиональный праздник, задача нынче поставлена непростая, но выполнимая – двигаться дальше и развиваться, как и вся страна».

Оценка: «Подведомственные Минжилкомхозу организации в прошлом году хорошо справились с предоставлением основных услуг. Да, есть недоработки».

Постановка проблемы: Больная тема – не удалось выполнить план по капитальному ремонту жилья, хотя объемы оказались рекордными – около 3,5 миллиона “квадратов” (или около 1000 многоквартирных жилых домов)».

Комментарий: «Вместе с тем, как отмечает министр жилищно-коммунального хозяйства Андрей Хмель, куда важнее, что лучшие стали доступность, качество и оперативность оказания услуг населению» [8].

Количественный подсчет показал, что в совокупности структурно-композиционный блок полемического компонента обозрения представлен 58 пропозициями в рамках 14 предложений в структуре 9 элементов структурно-композиционного блока. Применив формулу расчета индекса плотности структурно-композиционного блока, мы получаем следующий результат:

$$Dns = nprop : nsent \times nbl,$$

$$58 : 14 \times 9 = 37,28.$$

Дальнейшему анализу была подвергнута проблемная статья, в которой были выделены 12 элементов структурно-композиционного блока, представленные 33 предложениями, в которых содержатся 142 пропозиции.

$$142 : 33 \times 12 = 51,63.$$

Рассмотрим следующий пример (пример приводится в сокращенном виде):

Постановка проблемы: «Вранье, которым переполнены “независимые” сайты и социальные сети, похоже, становится опасным».

Мнение: «Потому что оно уже не проверяется, не осмысливается, не опровергается. Наоборот, воспринимается, как “всем известное”. И на его базе строятся выводы, из них возникают поступки, поступки ведут к преступлениям».

Комментарий: «Вот Никита Домрачев снова выступает. Не в суде, хотя казалось бы: не виновен – иди себя защити, все за это. Нет, на суде не могу – могу на ТУТ.бае. И им он говорит: “Сейчас в нашей стране... людей убивают в своих дворах”. Никого из собеседников не волнует, что не “убивают”, а “получает травмы в драке, умирает в больнице”. И тут-байки же знают, что не в своем дворе это случилось! Но в головах оно оседает вот в таком дурнопахнущем даже на мониторе виде».

Оценка: «Причем ТУТ.бай, а вслед за ним и почти все “независимые” сайты, промышляет таким гадством давно» [9].

Дальнейшему анализу был подвергнут обзор, который представляет собой изучение особенностей какого-либо события или явления с целью выявить общие закономерности (пример приводится в сокращенном виде):

Постановка проблемы: «Запад хочет превратить Украину в могилище ядерных отходов, но и сам он обречен».

Мнение: «Похоже, что в ближайшее время цветной революции за права геев в Беларуси точно не будет», – так один из канадских читателей прокомментировал заявление Пре-

зидента России Владимира Путина о том, что Москва и Минск договорились разместить тактическое ядерное оружие на территории Беларуси'.

Оценка: «Вместе с тем комментарии экспертного и медийного сообществ Запада также зачастую весьма адекватные».

Мнение: «Если заявление Путина действительно правдиво, то это будет российской версией американских ядерных боеприпасов, размещенных на территории Европы» [10].

Как показали расчеты, структурно-композиционный блок полемического компонента обзора представлен 13 элементами, состоящими из 23 предложений, представленных 73 пропозициями:

$$73 : 23 \times 13 = 41,26.$$

Для дальнейшего анализа мы отобрали по 30 статей трех указанных выше жанров и провели определение индекса плотности структурно-композиционных блоков полемического компонента в них на основании вычисления среднестатистического показателя. Из трех отобранных жанров наибольшим индексом плотности структурно-композиционного блока полемического компонента дискурса печатных СМИ отличается проблемная статья (63,75).

Выводы. Обращение к полемической форме коммуникации и ее измерению – это новый вектор исследований в области когнитивно-дискурсивной парадигмы в современных медиаусловиях.

Рассмотрение полемики как сложного коммуникативного явления, получающего репрезентацию в форме спора, дискуссии, диспута, дебатов и т. д., которые могут существовать как в чистом виде (научная дискуссия, судебный диспут и т. д.), так и в смешанном в рамках дискурса печатных СМИ, определяет актуальность обращения к установлению полемического компонента исследуемого дискурса, который обладает структурно-композиционными признаками, представленными такими элементами, как *представление проблемы, комментарий, оценка, мнение*. Индекс плотности данных элементов структурно-композиционного блока полемического компонента дискурса печатных СМИ позволяет выделить ядро, ближнюю и дальнюю периферию полемического дискурса, представленного теми или иными жанрами прессы.

Литература

1. Жумагулова, Б. С. Особенности полемического дискурса [Электронный ресурс] / Б. С. Жумагулова // Успехи современного естествознания. – Режим доступа : <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=32608>. – Дата доступа : 15.03.2023.
2. Линнас, Э. А. Критический анализ дискурса политической полемики (на материале электронных СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Э. А. Линнас. – Тверь : ТГУ, 2006. – 19 с.
3. Шестерина, А. М. Полемический текст в современной прессе : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / А. М. Шестерина. – Воронеж : ВГУ, 2004. – 498 с.
4. Линнас, Э. А. Критический анализ дискурса политической полемики : на материале электронных СМИ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Э. А. Линнас. – Тверь : ТГУ, 2006. – 165 с.
5. Сажина, Е. В. Дискуссия, спор, полемика : к разграничению понятий / Е. В. Сажина // Молодые ученые в инновационном поиске : сб. науч. ст. по материалам X Междунар. науч. конф., Минск, 11–12 марта 2021 г. : в 2 ч. / редкол.: И. В. Метлушко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2022. – Ч. 2. – С. 16–21.
6. Родос, В. Б. Теория и практика полемики / В. Б. Родос. – Томск, 1989. – 55 с.
7. Павлова, Л. Г. Спор, дискуссия, полемика / Л. Г. Павлова. – М. : Наука, 1991. – 178 с.
8. Нестеров, А. Основным критерием эффективности работы ЖКХ остается оценка потребителя [Электронный ресурс] / А. Нестеров // СБ. Беларусь сегодня. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/pod-kryshey-doma-vashego.html>. – Дата доступа : 17.03.2023.
9. Муковозчик, А. Что нужно, чтобы человек увидел в земляке врага? Помутить ему разум [Электронный ресурс] / А. Муковозчик // СБ. Беларусь сегодня. – Режим доступа : <https://www.facebook.com/sbbytoday/posts/1809539135864269>. – Режим доступа : 25.11.2020.
10. Осипов, М. Западные СМИ : Запад хочет превратить Украину в могилище ядерных отходов, но и сам он обречен [Электронный ресурс] / М. Осипов // СБ. Беларусь сегодня. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/zapadnye-smi-zapad-khochet-prevratit-ukrainu-v-mogilnik-yadernykh-otkhodov-no-i-sam-on-obrechen.html>. – Режим доступа : 16.03.2023.

УДК 811.161.3`366.55:821.161.3-31*I.Шамякін

Ужыванне параўнальных канструкцый у мове рамана І.П. Шамякіна «Сэрца на далоні»

Н.П. ЦІМАШЭНКА

Аўтар разглядае параўнальныя канструкцыі ў мове рамана І.П. Шамякіна «Сэрца на далоні»; выяўляе тыповыя формы і спосабы іх прадстаўлення ў тэксце; праводзіць класіфікацыйны аналіз такіх сінтаксічных канструкцый.

Ключавыя словы: сінтаксічная арганізацыя, параўнальная канструкцыя, параўнанне, параўнальны зварот, даданая параўнальная частка, сродак сувязі, сродак выразнасці.

The author examines comparative constructions in the language of I.P. Shamyakin's novel «Heart in the palm of your hand»; identifies typical forms and ways of their representation in the text; conducts a classification analysis of such syntactic constructions.

Keywords: syntactic organization, comparative construction, comparison, comparative turnover, subordinate comparative part, means of communication, means of expression.

Адным з самых дзейных прыёмаў актуалізацыі ўвагі чытача на вобразах-персанажах з'яўляецца ужыванне параўнальных канструкцый, якія прадстаўляюць сабой форму пазнання акаляючага свету шляхам супастаўлення розных аб'ектаў і наглядна-вобразна адлюстроўваюць рэчаіснасць. З іх дапамогай прадметы, людзі, з'явы, дзеянні характарызуюцца больш дакладна і маляўніча. Ужываючы ў сваіх творах кампаратывы, аўтар, па-першае, павялічвае разнастайнасць паэтычных фарбаў апісання, па-другое, паглыбляе звесткі пра прадмет свайго апісання, што дае магчымасць чытачу ўбачыць гэты прадмет у супастаўленні з іншымі прадметамі. У выніку супастаўлення асоб, характараў, падзей з іншымі аб'ектамі параўнання прадмет апісання становіцца больш выразным. Як вядома, параўнанне адносіцца да разнавіднасцей тропы. Тропы, або вобразна-выяўленчыя сродкі, здольныя перадаваць разнастайнасць жыцця ў яркіх, нязвыклых вобразах, занатоўваць новае, цікавае ў з'явах рэчаіснасці, адлюстроўваць адметны характар мастацкага мыслення, творчую індывідуальнасць аўтара. Акрамя таго, тропы перадаюць усе магчымыя адценні і значэнні слова, а таму значна пашыраюць яго сэнсавую ёмістасць. Значэнне тропы ў творчасці любога пісьменніка вельмі вялікае. Яны перш за ўсё выяўляюць спецыфіку мастацкага адлюстравання жыцця. Усё гэта – «сродкі вобразнага мыслення, індывідуалізацыі і эстэтычнай ацэнкі жыццёвых з'яў. Яны пашыраюць магчымасці нашага пазнання жыцця; павялічваюць сэнсавую ёмістасць слова і ўзбагачаюць мову новымі значэннямі слоў; надзвычай канкрэтна перадаюць характар жыццёвых з'яў; выразна выяўляюць адносіны аўтара да гэтых з'яў, іх эстэтычную ацэнку» [1, с. 139]. Параўнанне дапамагае зрабіць паэтычны малюнак па-мастацку дакладным, наглядным, жывапісным. Выражаючы разнастайныя значэнні, параўнальныя звароты частаносяць вобразны характар, а таму шырока выкарыстоўваюцца ў мове, асабліва ў творах мастацкай літаратуры, як выразны эмацыянальна-экспрэсійны сродак.

Такім чынам, параўнальныя канструкцыі – адзін з самых запатрабавальных сродкаў выразнасці. Носьбіты беларускай мовы часта адчуваюць патрэбу параўноўваць прадметы і з'явы аб'ектыўнай рэчаіснасці. Параўнанне вельмі часта змяшчае ў сабе адзнаку чалавекам з'яў або аб'ектаў, таму з'яўляецца дастаткова прадуктыўным прыёмам на старонках мастацкіх твораў. Гэтым абумоўлена актуальнасць даследавання параўнальных канструкцый у мове мастацкай літаратуры. Мэта работы – ахарактарызаваць шматграннасць структурных тыпаў параўнання і правесці класіфікацыйны аналіз такіх сінтаксічных канструкцый. Матэрыялам для нашага аналізу з'яўляюцца прыклады выкарыстання параўнальных канструкцый у рамана І.П. Шамякіна «Сэрца на далоні» [2]. Аўтар імкнецца ярка і даходліва данесці інфармацыю да чытача, а параўнанні дапамагаюць ахарактарызаваць недастаткова

вядомую з'яву шляхам адсылкі да знаёмай. Аналіз структурных і семантычных асаблівасцей параўнальных канструкцый у творчасці пісьменніка дазваляе пранікнуць у яго ўнутраны свет і выявіць сутнасць яго стылістычнай і эстэтычнай сістэмы. З другога боку, аналіз параўнальных канструкцый у мове рамана І.П. Шамякіна дазваляе глыбока зразумець лінгвістычную прыроду параўнання і раскрыць стылістычныя магчымасці гэтага тропа.

У межах злучнікавых тыпаў параўнальных канструкцый намі вылучаны наступныя структурныя разнавіднасці выражэння кампаратыўнай семантыкі ў рамане «Сэрца на далоні»:

1. Параўнанні-словы (словаформы з прыназоўнікам і без яго): *Кажуць, жывеш, як на небе* [2, с. 48]; *Дзіўна мяняўся колер вачэй у залежнасці ад настрою, як у кошкі, у той міг яны сыпанулі нейкія шэрыя іскры* [2, с. 48]; *Бо вы бяззубыя тут, як малюскі* [2, с. 52]; *Яна білася, трыпталася, як рыба, дрыгала ў наветры нагамі, намагаючыся вырвацца* [2, с. 60]; *Антон груба, як мяшок, кінуў жонку на шырокую тахту (яны спалі тут жа, на верандзе)* [2, с. 60]; *Той ускочыў, як падменены* [2, с. 69]; *Даглядала і асцерагала, як малога* [2, с. 72]; *Шыковіч, як губка, упітваў гэтыя эпізоды, дэталі* [2, с. 78]; *Жылі як ворагі* [2, с. 80]; *Прыйшлі грузавікі, доўгія, як лесавозы* [2, с. 81]; *Старшыня выканкома выслухаў спакойна, як быццам нават без цікавасці* [2, с. 125]; *На дзесяць год малодшы, а размаўляе з ім, старым чалавекам, вопытным работнікам, як з малым* [2, с. 127].

2. Параўнальныя звароты (словазлучэнні): *А ў дзверы ўжо заглядалі сёстры, хворыя, і ўсё addзяленне загудзела, як разварушаны вулей* [2, с. 54]; *Адзінокія цёмныя зоркі віселі над лесам, як далёкія сігнальныя ліхтары вялікага свету* [2, с. 65]; *Усе рухі ката былі разлічаныя, дакладныя, ніводнага лішняга, як на канвеернай лініі* [2, с. 83]; *Каб там, на каланчы, стаяў кулямёт, як на вышыцы каля паліцэйскай управы!* [2, с. 84]; *Ён мог прымаць хворых дома, як доктар Грайнінер* [2, с. 99]. Як правіла, параўнальны зварот у І.П. Шамякіна мае мадэль «назоўнік з дапасаваным азначэннем», дзе ролю залежнага кампанента выконвае прыметнік або дзеепрыметнік: *Што ржае, як шатландскія жарабцы?* [2, с. 124]; *Але, відаць, менавіта праз тое, што Гукан гаварыў пра Вараву, пра невядомых падпольшчыкаў і сувязных, як пра нейкіх далёкіх гістарычных асоб, а ён, Кірыла, апошні тыдзень жыў з імі, як з блізкімі і дарагімі людзьмі, Шыковічу расхацелася расказаць пра Савіча і Зосю* [2, с. 138]; *Знявага да Тукалы расла, як снежны ком* [2, с. 147]; *Толькі і можаш што паскудзіць, як шалудзівы кот* [2, с. 191]; *Маўчу, як фаршыраваная рыба* [2, с. 187]. Зрэдку ў якасці залежнага кампанента выступаюць займеннікі: *Але ён слабы, як усе мужчыны* [2, с. 173]; *Бо ты, Ірка, як наша англічанка, смяешся раз у месяц, на святочных днях* [2, с. 174]; *Яго і дзвюх дзяўчат-калгасніц кідала ў кузаве, як тыя кавуны, – ад борта да борта* [2, с. 257]. Мадэль «назоўнік з недапасаваным азначэннем» сустракаецца вельмі рэдка на старонках рамана: *Даволі дужая яшчэ, яна стаяла з пучком сухой травы ў руцэ, як вартавы са зброяй* [2, с. 265]; *Ён адарваўся ад рукапісу і пільна паглядзеў у лупатыя, як у хворага на зоб, вочы Рагойшы* [2, с. 143].

3. Поўныя даданыя параўнальныя часткі: *Ты добра ведаеш, як цябе «любіць» Галіна* [2, с. 48]; *Ён бадай пакутаваў, калі бачыў, што маладыя ўрачы баяцца яго і праяўляюць залішняю пачцівасць, быццам ён сапраўды сівагалавы прафесар, сусветнае свяціла* [2, с. 52]; *Званы зазванілі так, як званілі яны адвечна, калі ішла бяда – нашэсце ворага, навадненне, пажар* [2, с. 88]; *Як добры актор настройвае сябе на інакшае псіхалагічнае гучанне ў другой дзеі, так ён настройваў сябе на другую аперацыю* [2, с. 151]. Даданыя параўнальныя часткі ў аналізуемым рамане суадносяцца як з двухсастаўнымі, так і з аднасастаўнымі сказамі: *Нешта ціха патрэскае, нібы рвецца тканіна* [2, с. 201]; *А ты, дурная авечка, чаму працягваеш мне руку, быццам робіш вялікую даску?* [2, с. 170]; *Яму робіцца няёмка, як бывае няёмка глядзець на голую нябожчыцу* [2, с. 200].

4. Няпоўныя даданыя параўнальныя часткі, у якіх, як правіла, апушчаны дзейнік: *І б'ецца, б'ецца, нібы хоча вырвацца* [2, с. 202]; *Ён насіў яе на прасторнай верандзе, быццам закахваў, як малую, і праз сціснутыя вусны шаптаў...* [2, с. 60]; *І бадай ніколі ён яшчэ не думаў пра сваю жонку так жорстка і непачціва, як падумаў у тую хвіліну* [2, с. 72]; *Паклаў абедзьве рукі на паліраваны стол двухметровай даўжыні, як бы абняў сімвал сваёй улады* [2, с. 92]. Даданыя параўнальныя часткі з апушчаным выказнікам таксама з'яўляюцца прадуктыўным сродкам для перадачы параўнання: *Але ў злосці, у гневе ён быў такі ж нястрыманы, як Гаецкая ў страсці*

[2, с. 49]; *Слава! Вылеціш з-за стала, як корак з бутэлькі* [2, с. 187]; *Вытанцоўваў перад станінай, як дурань перад труной* [2, с. 244]; *Тамара Аляксандраўна, прывітаўшыся, адразу па-гаспадарску забралася на зубаўрачэбнае крэсла, уселася, як царыца на троне, такая ж ззяючая, як панікеліраваныя дэталі апаратуры* [2, с. 379].

Трэба заўважыць, што даданыя параўнальныя часткі (як поўныя, так і няпоўныя) суадносяцца з простымі сказами. Аднак да адметнасцей творчай манеры І.П. Шамякіна можна аднесці той факт, што аўтар рамана «Сэрца на далоні» даволі часта выкарыстоўвае асобныя самастойныя параўнальныя сказы: *Ён хітра капаў на дзявочы розум. Быццам асуджаў жорсткасці ўлад* [2, с. 106]; *І хоць бы дрогнуў голас. Нібы наведаміла, што ў шафе стаіць варэнне* [2, с. 159]; *Як незалежна яна трымае сябе на іх імправізаванай кухні! Як гаспадыня* [2, с. 171]; *Толькі падумала пра сына, а ён тут як тут. Як у сне* [2, с. 176]; *Быў... Быццам мяне пахавалі* [2, с. 184]; *Глядзі, якія вочы. Як вуглі* [2, с. 185]; *Але як маглі прыняць такое рашэнне, не пагаварыўшы нават з намі? Быццам мы з табой дармаеды нейкія* [2, с. 411].

5. Параўнанні-выказнікі: *Пасінела ружовая піка лысіны – абразіўся чалавек, што Шыковіч, не жадаючы паказаць рукапіс, як бы выказвае яму недавер* [2, с. 143]; *А гэтая вогненная чарадзея раптам застыла ўся як бы ў непаразуменні, а потым сказала, здалося Тарасу, з расчараваннем: «Вось вы які!»* [2, с. 167]; *А яна нібы засаромелася гэтага прызнання, як бы ў тым, што калгас быў бедны, ёсць і яе віна* [2, с. 169]; *Дваццаць год, а яна што дзіця* [2, с. 171]; *У яе была свая грубая філасофія: мужчыны – што каты, адразу, нюхам, чуюць кошку* [2, с. 173].

6. Параўнанні-фразеалагізмы: *Рос як у бога за пазухай* [2, с. 140]; *Маці што токам ударыла* [2, с. 171]; *А са Славіка – што з гуся вада* [2, с. 177]; *«Ты галодны?» – «Як воўк»* [2, с. 178–179]; *Маўчу як рыба* [2, с. 66]; *Што ты ўставіўся, як малады баран на новыя вароты?* [2, с. 208]; *На ваша імя прыляцяць, як матылі на агонь* [2, с. 261].

7. Параўнанні-дзеепрыслоўі і дзеепрыслоўныя звароты: *«Зося!» – паўтарыў ён гучней і, высокі, мажны, схіліўся над ложкам, як бы хочучы загарадзіць яе ад чужых вачэй, ад хвароб, ад усіх навал* [2, с. 54]; *Ён змоўк, настаяў хвіліну каля стала, як бы раздумваючы – ісці ці не ісці* [2, с. 64]; *Спынілася каля дзвярэй, трымалася за ручку, як бы рыхтуючыся ўцякаць* [2, с. 151]; *Стары зноў смешна зморшчыўся, заплюшчыў вочы, пакруціў галавой, як бы выпаласкваючы смехам рот* [2, с. 275]; *Потым ступіў крокі два ўбок, пакруціў стрыжанай галавой, як бы праганяючы сон* [2, с. 177].

У асобную групу злучнікавых параўнальных канструкцый (словаформаў і словазлучэнняў), якія часта сустракаюцца ў мове рамана «Сэрца на далоні», трэба ўключыць тыя, што адносяцца да словаформы ў ступені параўнання і звязваюцца з ёй пры дапамозе злучніка чым: *Яе нават не вельмі кранала, што сын больш аддае ўвагі гэтай амаль незнаёмай дзяўчыне, чым ёй, маці* [2, с. 179]; *Не, Слава, я таксама баюся, баюся, можа, больш, чым усе* [2, с. 181]; *Моладзь адразу ўгаманілася, бадай хутчэй, чым перад тостамі Шыковіча* [2, с. 185]; *Каб не падумалі, што ён выстаўляе сябе, іграе гэткага дзеяча, якога цікавяць матэрыі больш высокія, чым клопаты пра сына* [2, с. 224]; *Галя – лепшы педагог, чым мы з табой* [2, с. 231].

У межах бяззлучнікавых тыпаў параўнальных канструкцый намі вылучаны наступныя структурна-граматычныя разнавіднасці выражэння кампаратыўнай семантыкі ў рамана «Сэрца на далоні»:

1. Параўнанні ў форме Тв. склону: *На нейкі міг белай статуяй застыла на стале* [2, с. 49]; *Сястра (ці ўрач) адказвала голасам манахіні – халодным, бясстрасным* [2, с. 206].

2. Адмоўныя параўнанні: *І раптам цяпер адчуў, што ніякі ён не гаспадар тут...* [2, с. 393].

3. Параўнанні ў форме вышэйшай ступені ў спалучэнні з В. склонам (з прыназоўнікам за): *Яна ж на пяць год старэйшая за цябе* [2, с. 4]; *А мне спакой жонкі даражэй за ўсё* [2, с. 48]; *Мама мая на дваццаць гадоў маладзей за тату, і яе забралі ў армію, мама – хірург* [2, с. 101]; *Ён тут жа выклікаў капітана, бадай разы ў два старэйшага за сябе, пасівелага і ссутуленага* [2, с. 220]; *Дакажу, што і я не горшы за вас – за Тараса і яго брыгаднікаў, за бацьку, за Яраша* [2, с. 245]. Неабходна дадаць, што ў рамана вельмі часта сустракаюцца словаформы, якія прадстаўляюць сабой ступень параўнання прыметніка без залежнага назоўніка або займенніка: *Ён ведаў з мінулага, што найпрасцейшы і хутчэйшы спрадак*

памірыцца – гэта паказаць ёй, што нідзе ён не растраціў сваю сілу [2, с. 60]; Яна старэйшая ўдвая [2, с. 170]; Знайдзіце сырэйшыя дровы [2, с. 171]. Зрэдку сустракаюцца параўнанні ў форме вышэйшай ступені ў спалучэнні з Р. склонам без прыназоўніка, што з’яўляецца парушэннем сінтаксічнай нормы сучаснай беларускай мовы: Ён мае права падняцца вышэй усёй гэтай бытавой лухты, што атручвае жыццё і перашкаджае галоўнаму – працы! [2, с. 382]; Ты горш вошы тыфузнай!.. [2, с. 402].

4. Параўнанні пры дапамозе дзеяслова: Дзяўчынка здавалася ёй не толькі не цікавай, але нават вульгарнай [2, с. 167]; Галоўны хірург здаваўся звышчалавекам, богам [2, с. 197]; Ён сапраўды нагадаў шар, адглянцаваны [2, с. 204]; Чырвоны ад водблізку полымя, вялікі і нерухомы, з місачкай у руках, ён нагадаў правадыра невядомага племя надзвычай дужых і прыгожых людзей [2, с. 233].

5. Параўнанні з дапамогай прыметніка ў спалучэнні з прыназоўнікам або без яго: Калі ў мяне будзе такая лысіна і такія жывоцік, я буду выліты Шыковіч [2, с. 181]; Ён жартаваў, што ўпершыню ў жыцці падобны на прафесара [2, с. 196].

6. Параўнанні з дапамогай назоўніка ў спалучэнні з іншым назоўнікам: Яраш спыніўся за два крокі з выглядам чарадзея [2, с. 371].

Гэта так званыя лексічныя спосабы перадачы параўнання. Акрамя вышэйадзначаных прыёмаў, І.П. Шамякін пры дапамозе разгорнутага апісання параўноўвае людзей, з’явы, абставіны: Маша, якая чула ўсю іх размову, ціха сказала: «Ты задзірысты певень». – «А ты рыжая курыца» [2, с. 183–184]; Маўчанне Шыковіча на лятучцы ўсіх здзівіла. Звычайна ён кідаў трапныя жарты [2, с. 225]; Кірыла паглядзеў у акно і ўбачыў, што неба, яснае з раніцы, завалакла бела-попельная смуга [2, с. 226]; Пра аперацыі яна звычайна не любіла распытваць. Але на гэты раз выпадак быў асаблівы [2, с. 229]; Няўжо гэта сказала Іра? Тая Іра, якая чырванела і абуралася, калі пры ёй пачыналі размову пра каханне, хлопцаў-жаніхоў, замужжжа [2, с. 171]. Часам у тэксце рамана аўтар проста піша, што той ці іншы герой параўноўвае кагосьці (штосьці) з кімсьці (чымсьці): Ён таксама, як некалі на дачы Валянціна Андрэеўна, **параўнаў** яе са сваёй дачкой і падумаў аб адказнасці за выхаванне дзяцей [2, с. 314]; Магчыма, што адчуванні яе можна было б параўнаць з адчуваннем таго шахцёра, якога, не па яго волі, спусцілі ў глыбокую шахту, завалілі і пратрымалі там у цемры доўга-доўга [2, с. 318].

Нячастае ўжыванне бяззлучнікавых параўнанняў тлумачыцца перш за ўсё тым, што наяўнасць адпаведнага злучніка ўзмацняе параўнальнае значэнне. Таму большасць параўнальных канструкцый уводзіцца ў любы тэкст пры дапамозе злучнікаў (калі параўнанне ўваходзіць у склад выказніка, параўнальныя злучнікі выконваюць ролю часціцы) як, што, бы, як бы, нібы, быццам і інш. Злучнікавае параўнанне абумоўлена наяўнасцю ў сказе трох кампанентаў: адзін з іх складае аснову параўнання, абазначаючы тое, што параўноўваецца; другі з’яўляецца параўнальнай канструкцыяй, якая абазначае, з чым параўноўваецца; трэці служыць фармальным сродкам сувязі, пры дапамозе якой афармляецца параўнанне. Неабходна звярнуць увагу на такія сінтаксічныя канструкцыі, дзе ўжыванне злучніка як у ролі часціцы не перадае параўнання, а выражае значэнне тоеснасці: Хворая як хворая [2, с. 52]; Дзеці як дзеці [2, с. 205].

У вылучэнні параўнальных канструкцый вельмі важны лінгвакультуралагічны падыход, такі погляд на іх, які дапамагае ўбачыць культуранясучы патэнцыял параўнальных канструкцый. Суб’ект і аб’ект параўнання размяркоўваецца па самых розных лексіка-тэматычных групах, што, на нашу думку, залежыць у першую чаргу ад жанрава-стылёвай прыналежнасці мастацкага твора. У рамана «Сэрца на далоні» І.П. Шамякін выкарыстоўвае кампаратыўныя апісанні ў наступных мэтах:

1) характарыстыка дзеянняў і ўчынкаў чалавека: Але калі Шыковіч гарача падзякаваў яму, Міна Азаравіч збянтэжыўся, як дзяўчына [2, с. 132]; Маша і Іра быццам бы пасябравалі, разгаварыліся [2, с. 175]; Славік выпіў, паморшчыўся, быццам воцату каўтнуў [2, с. 182]; Калі ў дзень сустрэчы ён казаў ёй «ты», то цяпер звяртаўся на «вы», як належыць урачу да хвора [2, с. 150]; Адступіла на крок, нібы спалохалася [2, с. 266]; Стары зноў смешна зморшчыўся, заплюшчыў вочы, пакруціў галавой, як бы выпаласкваючы смехам рот [2, с. 275]; Шыковіч глядзеў на яго цяпер так, быццам не пазнаваў старога сябра, з якім з’еў не адзін пуд солі

[2, с. 146]; *Я хачу ненавідзець іх, як вы* [2, с. 106]; *Прыдзірліва, як следчы, аглядаў кожную новую сукенку і кофточку карэктаркі Маі Гутар* [2, с. 142]; *Зваліўшыся ў чужы сад, як з неба, я спалохаў мілую істоту* [2, с. 96]; *Генрых збянтэжыўся, пачырванеў, як дзяўчына* [2, с. 183];

2) характарыстыка асобы: *І разам з тым, я табе скажу, быў даверлівы, як дзіця* [2, с. 138]; *Яны ўсе ігралі, гэтыя мізэрныя пустыя людзі, здраднікі, уяўлялі сябе фюрэрамі і былі такімі ж бяздарнымі актарамі, як і Гітлер* [2, с. 92]; *Была яна засяроджаная, сур'ёзная, не такая гаварлівая, як учора* [2, с. 105]; *Ты ведаеш, я галодны, як дзіназаўр* [2, с. 112]; *Сястра застыла, як манекен, зграбная і халодная* [2, с. 150]; *Праўду кажуць: сааўтары – што палюбоўнікі адной жанчыны* [2, с. 216]; *Ты – як дэтэктыў* [2, с. 234];

3) характарыстыка прыродных аб'ектаў: *Зашумеў бор, як далёкі марскі прыбой* [2, с. 173]; *Дарога праз тарфянікі – што коўдра, роўная і мяккая* [2, с. 257]; *Дзіўна, што неба тут таксама здаецца вышэй, чым дзе ў іншым месцы* [2, с. 9];

4) характарыстыка жывёл: *Плывуць – не варухнуць ніводнай пер'інай, як мармуровыя* [2, с. 141];

5) характарыстыка з'яў прыроды: *Знікала ранішня дымка на небе, быццам вецер старанна працёр гэтае вялізнае блакітнае шкло* [2, с. 173];

6) характарыстыка частак цела чалавека: *Відаць, правы яму addali – лысіна блішчыць, што намаслены блінец* [2, с. 320]; *Раптам Лучынскі страшэннай доўгай рукой, як у Вія, паказаў на мяне* [2, с. 104];

7) характарыстыка памяшканняў: *Мая аперацыйная цяпер – што цэх* [2, с. 199].

З прыведзеных прыкладаў становіцца відавочным, што І.П. Шамякін найчасцей выкарыстоўвае параўнальныя канструкцыі пры характарыстыцы дзеянняў і ўчынкаў герояў рамана, каб чытач ярка і рэалістычна ўяўляў сітуацыю, у якой апынуўся герой рамана.

У лінгвістычных адносінах параўнанне ўяўляецца як складанае адзінства значных элементаў, іх асаблівая арганізацыя, або, іншымі словамі, яно мае сваю структуру, у якую, як вядома, уваходзяць наступныя кампаненты: паняцце, што патрабуе паяснення (суб'ект параўнання); паняцце, што служыць для паяснення (аб'ект параўнання); дапаможны кампанент, што звязвае папярэднія два паняцці (аснова для параўнання).

Такім чынам, параўнанне дапамагае больш дакладна перадаць прадмет ці з'яву, больш выразна ўявіць прадметы, што апісваюцца, мова аўтара набывае больш яркае і дакладнае адценне. Аўтары звяртаюцца да яго для таго, каб стварыць мастацкі вобраз найбольш маляўніча. Параўнальныя канструкцыі займаюць значнае месца сярод іншых сродкаў выразнасці, паколькі ў іх закладзены вялікія магчымасці: эмацыянальнасць, экспрэсіўнасць, стылістычная афарбоўка, вобразнасць і дакладнасць. У рамане І.П. Шамякіна «Сэрца на далоні» намі вылучаны параўнальныя канструкцыі з боку структуры і семантычнай напоўненасці. Праведзенае намі даследаванне яшчэ раз падкрэслівае майстэрскае выкарыстанне І.П. Шамякіным параўнальных канструкцый усіх разнавіднасцей, структура і семантыка якіх залежаць ад мэты аўтара і ад канкрэтнай сітуацыі. У аснове параўнанняў у пісьменніка ляжыць не чыста аб'ектыўнае падабенства, а больш суб'ектыўная адзнака, таму яны напоўнены светаадчуваннем і светаразуменнем аўтара. Параўнанняў у рамане шмат, і ўсе яны адрозніваюцца асаблівай яркасцю, выразнасцю, іх нельга вывучыць да канца, паколькі з кожным прачытаннем адкрываюцца ўсё новыя і новыя аспекты і бакі. Параўнальныя канструкцыі ў рамане І.П. Шамякіна «Сэрца на далоні» вызначаюцца трапнасцю, глыбінёй і ёмістасцю мастацкага абагульнення, а таму і валодаюць вялікай сілай эмацыянальнага ўздзеяння.

Літаратура

1. Цімашэнка, Н. Ужыванне параўнальных канструкцый у мове беларускіх прыказак і прымавак / Н. Цімашэнка // *Компаративні досліджэння слов'янскіх мов і літаратур* : Пам'яті акадэміка Леоніда Булаховскаго : збірнік навуковых прац. – К. : «Освіта Украіны», 2019. – Вип. 35. – С. 139–146.
2. Шамякін, І. Сэрца на далоні / І. Шамякін. – Мінск : «Беларусь», 1969. – 496 с.

УДК 811.111'37'42(043.3)

Оценочный компонент семантики лексических единиц в дипломатическом дискурсе (на материале английского языка)

Е.В. ШЕСТАКОВА

Статья посвящена определению места оценочного компонента в структуре лексического значения языковых единиц. Рассматриваются научные подходы к определению понятия *коннотация*. Анализируется связь оценки и эмотивности в составе коннотации. Оценка трактуется как фактор системной организации лексики, что проявляется в характере ее взаимодействия с дескрипцией в семантике слов. Исследуются особенности реализации оценочного потенциала лексических единиц в англоязычном дипломатическом дискурсе.

Ключевые слова: лексическое значение, оценка, эмотивность, коннотация, контекст, дипломатический дискурс.

The article explores the issue of the place of the evaluative component in the structure of the lexical meaning of language units. Scientific approaches to the definition of the concept of connotation are considered. The relationship between evaluation and emotiveness as parts of connotation is analyzed. Evaluation is interpreted as a factor in the systemic organization of lexical units, which manifests itself in the interaction of description and evaluation in the semantics of words. The features of the implementation of the evaluative potential of lexical units in the English-language diplomatic discourse are discussed.

Keywords: lexical meaning; evaluation; emotiveness; connotation; context; diplomatic discourse.

Лексическое значение является отражением объективной (внеязыковой) действительности, закрепленным в слове. Денотативный (дескриптивный) компонент значения указывает на конкретные свойства и признаки предмета, в то время как в коннотативном компоненте фиксируется отношение говорящего к денотату слова [1, с. 49]. Сложное взаимодействие объективной действительности и человека находит выражение в языке в различных аспектах, одним из которых является оценочный аспект. *Оценка* как семантическое понятие представляется как выраженное в словесной форме ценностное отношение субъекта к объекту оценки [2, с. 5], [3, с. 52], и ее место в лексическом значении слова определяется неоднозначно.

Широко распространенным является подход, согласно которому оценочность закрепляется за коннотативным компонентом значения, в котором отражается отношение говорящего к объекту действительности. Понятие *коннотация* в лингвистической литературе имеет несколько определений. В зависимости от интерпретации объекта, обозначаемого данным термином, основой коннотации считается эмотивный (В.И. Шаховский), культурный (Ю.Д. Апресян), стилистический компонент (Т.Г. Винокур, В.И. Кодухов, М.Н. Кожина, Ю.М. Скребнев), эмотивно-оценочный и стилистический компоненты (В.Н. Телия) или набор компонентов (эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический) (И.В. Арнольд, И.А. Стернин).

Существуют различные точки зрения относительно включения коннотации в структуру лексического значения слова и определения ее статуса в данной структуре. Коннотация понимается как сопутствующий или факультативный компонент значения (И.В. Арнольд, О.С. Ахманова), семантическая ассоциация (Ю.Д. Апресян, И.Р. Гальперин), «совокупность семантических наслоений, чувств, представлений об объектах» (Н.Г. Комлев); коннотация «накладывается» на основное значение слова (О.С. Ахманова) или находится в сложном единстве с денотацией (А.В. Кунин). Отмечается, что, хотя коннотации логически второстепенны, они не являются вторичными по отношению к денотативному содержанию [4, с. 132]. В большинстве работ коннотация включается в структуру лексического значения (В.Н. Телия, В.И. Шаховский, Ю.М. Скребнев, И.А. Стернин, В.Г. Гак, А.А. Романовская, М.В. Никитин, А.В. Кунин, И.В. Арнольд, З.Д. Попова, Ч. Стивенсон).

В данном исследовании коннотация рассматривается как часть системного лексического значения, составляющими которого являются оценочное, экспрессивное и эмотивное отношение говорящего к обозначаемому, а также стилистический и ассоциативно-фондовый

(эмпирический, культурно-исторический, мировоззренческий) аспекты; при этом оценочный компонент считается вершинным и выражает отношение говорящего к сообщаемому [5, с. 107], [6, с. 53], [7, с. 68–71]. Коннотация имеет системный характер порождения, не возникает случайно и находится в сложном единстве с дескриптивным компонентом, «так как существует не только рациональное, но и тесно с ним связанное чувственное познание действительности» [8, с. 177]. Такое единство справедливо называется «диархией», при которой выделяется тот или иной компонент в зависимости от намерения говорящего [9, с. 72].

Оценочный компонент в семантике слова может выступать как часть денотации. Оценка является денотативной, а не коннотативной в словах, где оценочный признак исчерпывает лексическое значение слова и где называется само одобрительное / неодобрительное отношение к предмету, а не предмет и его оценка [10, с. 702], [1, с. 61].

Важной характеристикой оценки является то, что она выступает как фактор системной организации лексики, что проявляется в характере взаимодействия дескриптивных и оценочных элементов в значении слов, в соответствии с теорией оценочной семантики А.А. Романовской. В зависимости от того, как взаимодействуют данные элементы в семантике слов, на примере имен прилагательных выделяются три группы единиц. К первой группе относятся слова, первичные значения которых не содержат оценочных элементов (например, прилагательные, обозначающие цвет); в таких словах оценка выражается в других лексико-семантических вариантах. В семантике прилагательных второй группы оценочный и дескриптивный элементы образуют основное значение, с помощью дефиниционного анализа данные элементы четко разграничиваются (например, прилагательные, обозначающие вкус). Третью группу образуют единицы, в исходном значении которых дескрипция и оценка представлены слитно, их нельзя разделить (например, прилагательные физической силы) [3, с. 55–57].

Оценочный потенциал лексических единиц наиболее полно раскрывается в контексте – языковом и внеязыковом (ситуативном, социальном, культурном) окружении языковой единицы [4, с. 134]. В данной статье особенности функционирования оценочных единиц исследуются на материале 40 текстов выступлений официальных представителей Великобритании на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН за период с 2015 по 2021 гг. (полные тексты выступлений представлены в Системе официальной документации ООН [11]; каждому документу в данной системе присвоен уникальный номер). Такие тексты относятся к *дипломатическому* типу институционального дискурса, который понимается как вид коммуникации, реализуемой в рамках института дипломатии.

Дескриптивность оценочной семантики наиболее ярко проявляется в словах общей оценки, или оценки «хорошо / плохо». Такая лексика, обладая большим объемом оценочности, занимает отдельное место в системе языка, что подтверждается при обращении к идеографическим словарям. Например, в «Roget's International Thesaurus» в рамках класса «The Mind and Ideas» выделены концепты «Goodness» и «Badness», в которых общеоценочная лексика сгруппирована по частям речи [12, с. 698–701]. Общеоценочные слова обнаруживаются в дипломатическом дискурсе: *advantage* ‘преимущество’, *benefit* ‘благо; польза’, *evil* ‘зло’, *harm* ‘вред’; *to improve* ‘улучшать’, *to help* ‘помогать’, *to condemn* ‘осуждать’, *to abuse* ‘злоупотреблять’; *good (better, best)* ‘хороший’ (‘лучше’, ‘лучший’), *positive* ‘позитивный’, *bad (worse, worst)* ‘плохой’ (‘хуже’, ‘худший’), *negative* ‘отрицательный’, *despicable* ‘отвратительный’. Особенность функционирования таких слов в дискурсе заключается в том, что оценочный знак общеоценочной лексемы может как совпадать, так и не совпадать с оценочным знаком целого высказывания. Например:

1. There is **excellent** work being done by the European Union, the Commonwealth and, of course, the United Nations, which has a vital role in ensuring that no country is excluded from the **wonderful benefits** of this technology and the industrial revolution it is bringing about. – *Европейский союз, Содружество и, разумеется, Организация Объединенных Наций отлично выполняют свою работу, которая играет жизненно важную роль в обеспечении того, чтобы ни одна страна не была лишена замечательных преимуществ подобных технологий и промышленной революции, к которой приводит их использование* (A/74/PV.4) (здесь и далее перевод официальный – ООН [11]).

2. We can realize the potential for development offered by a free, open, peaceful and secure cyberspace, while mitigating the **threats** from those who seek to **abuse** it. – Мы сможем реализовать возможности в области развития, открывающиеся благодаря свободному, открытому, мирному и безопасному киберпространству, и наряду с этим устранить угрозы со стороны тех, кто стремится им злоупотреблять (A/C.1/73/PV.22).

3. That illicit trade is much more than an environmental issue. It undermines **good** governance and the rule of law. – Эта незаконная торговля – нечто гораздо большее, чем просто экологический вопрос. Она подрывает **благое** управление и верховенство права (A/69/PV.100).

В первом примере общеоценочные единицы с положительным оценочным знаком функционируют в положительном контексте, где дается хорошая оценка работы организаций. Во втором примере существительное и глагол отрицательной оценки употребляются в положительном контексте (говорящий описывает перспективы дальнейшей работы), а в третьем контексте прилагательное положительной оценки функционирует в отрицательном контексте (речь идет о нарушении общепринятых правил). Из этого следует, что общеоценочная единица не определяет оценочный знак всего контекста.

Слова, имеющие в основном своем значении высокую степень интенсивности (т. е. усиления описываемого признака), также считаются собственно оценочными [2, с. 30] (*disaster* ('a **very** bad situation that causes problems') 'трагедия', *crucial* ('**extremely** important, because it will affect other things') 'критически важный', *horrific* ('**extremely** bad and shocking or frightening') 'ужасный', *terrible* ('**very** bad or unpleasant') 'ужасный', *to destroy* ('to damage sth **so badly** that it no longer exists') 'уничтожить') (здесь и далее значения приводятся по «Oxford Advanced Learner's Dictionary» [13]). Функционируя в дипломатическом дискурсе, такие единицы придают оценочный характер всему высказыванию, в котором они употребляются:

With the Syrian **crisis** in its eleventh year, there can be little doubt that the conflict is one of the most **terrible** human **disasters** of the twenty-first century. – Сейчас, когда сирийский **кризис** вступил в свой одиннадцатый год, вряд ли можно сомневаться в том, что этот конфликт является одной из **страшнейших** человеческих **трагедий** двадцать первого века (A/75/PV.60).

The Al-Assad regime's **horrific** attacks on civilians, and its use of chemical weapons no fewer than 32 times, are utterly **deplorable**. – **Глубокое возмущение** вызывают **ужасающие** нападения режима Асада на гражданское население и применение им химического оружия не менее 32 раз (A/75/PV.64).

При употреблении единиц с высокой степенью интенсивности делается акцент именно на оценочном, а не на фактическом (информативном) аспекте соответствующего контекста.

Лексические единицы, в семантике которых оценочный компонент относится к коннотации, характеризуются более широкой представленностью в языке. Включенность оценки в коннотацию определяется следующим образом: если значение слова возможно сформулировать без оценочных слов и прибавить к такой формулировке фразу «и это хорошо/и это плохо», оценка считается коннотативной [1, с. 61–62], [2, с. 30–31]: *discrimination* ('the practice of treating sb or a particular group in society less fairly than others') 'дискриминация'; *tension* ('a situation in which people do not trust each other') 'напряженность'; *productive* ('doing or achieving a lot') 'продуктивный'; *to violate* ('to go against or refuse to obey a law, an agreement') 'нарушать'. Оценочность таких слов наиболее ярко проявляется при актуализации коннотативного компонента в высказывании [5, с. 108]:

By helping to ease international **tensions** and create conditions of **stability, security and trust** among nations, it has allowed for a **vital** and **continuing contribution** to nuclear disarmament. – Договор, содействуя ослаблению международной **напряженности** и созданию необходимых условий для поддержания **стабильности, безопасности и доверия** между государствами, вносил и продолжает вносить **важный вклад** в ядерное разоружение (A/C.1/73/PV.14).

Коннотативный аспект оценочной семантики находит проявление прежде всего в частнооценочных единицах, в значении которых представлена оценка объекта с определенной точки зрения, или по определенному основанию (важность / неважность, опасность / безопасность, польза / вред, эффективность / неэффективность и т. п.):

The **effective** implementation of the legal framework, alongside the **promotion** of regulatory arrangements that encourage **safety**, participation and **innovation**, will be increasingly **important** as space activities increase. – По мере расширения космической деятельности **все большее**

значение будет приобретать **эффективное** осуществление нормативно-правовой базы наряду с содействием созданию нормативно-правовых механизмов, способствующих обеспечению **безопасности**, участию и внедрению **инноваций** (A/C.1/74/PV.20).

Оценка в составе коннотации тесно взаимодействует с эмоцией, однако, как отмечает А.А. Романовская, оценочный и эмотивный компоненты не тождественны, их необходимо разграничивать. Субъективность высказывания часто формируется под влиянием эмоций, однако эмоциональная сторона может уступать место этическим, эстетическим, интеллектуальным и другим компонентам значения. Термин *эмотивность* не включает все субъективные смыслы, которые выявляются в семантике языковой единицы. Наиболее емким представляется термин *оценка* [3, с. 52]. Невозможность отождествления данных компонентов проявляется и в том, что оценочность слова возможна при отсутствии эмотивности (так называемая «несогласованная коннотация») [1, с. 61]: *effective* ('producing a successful result') 'эффективный', *important* ('having a great effect on people or things') 'важный', *progress* ('the process of improving or developing') 'прогресс', *success* ('the fact that you have achieved sth that you want and have been trying to do or get') 'успех':

*For those instruments to function **effectively**, it is **vital** that they receive the **necessary support**, especially financial.* – Для обеспечения **эффективного** функционирования этих документов **крайне важно**, чтобы они получили **необходимую поддержку**, в том числе финансовую (A/C.1/72/PV.17).

*Working together, we can realize the potential of a **free, open, peaceful and secure** cyberspace.* – Мы сможем совместными усилиями реализовать цели **свободного, открытого, мирного и безопасного** киберпространства (A/C.1/74/PV.17).

Эмотивность, в свою очередь, всегда оценочна, то есть имеет положительный или отрицательный оценочный знак [8, с. 178], [9, с. 26] (*aggression* ('feelings of anger and hatred that may result in threatening or violent behaviour') 'агрессия', *atrocities* ('a cruel and violent act, especially in a war') 'зверство', *shock* ('a strong feeling of surprise as a result of sth happening, especially sth unpleasant') 'шок', *vulnerable* ('weak and easily hurt physically or emotionally') 'уязвимый'):

*We should show the same **confidence** to hold accountable those responsible for the **appalling atrocities**.* – Мы должны с не меньшей решимостью привлечь к ответственности виновных в совершении **ужасных злодеяний** (A/73/PV.8).

*The most **vulnerable**, including women and girls, are being hit **hardest**.* – Наиболее **уязвимые** группы населения, включая женщин и девочек, страдают **сильнее всего** (A/75/PV.42).

В дипломатическом дискурсе обнаруживаются единицы, первичные значения которых не содержат никакой оценки. В таких словах доминирует дескриптивный аспект: *cornerstone* ('a stone at the corner of the base of a building, often laid in a special ceremony') 'фундаментальный элемент', *hurdle* ('each of a series of vertical frames that a person or horse jumps over in a race') 'препятствие', *transparent* ('allowing you to see through it') 'прозрачный', *narrow* ('measuring a short distance from one side to the other, especially in relation to length') 'узкий'. Оценочные признаки таких слов проявляются в рамках других лексико-семантических вариантов, что наглядно демонстрируется при актуализации их в контексте:

*Some nations have proposed a draft treaty to prevent the placement of weapons in space, but it is too **narrow**.* – Некоторые государства предложили проект договора о предотвращении размещения оружия в космосе, но у него слишком **узкая направленность** (A/C.1/74/PV.17).

*There are 100 potential vaccines that are trying to clear the **hurdles** of safety and efficacy.* – В настоящее время **проверку** на безопасность и эффективность проходят 100 потенциальных вакцин (A/75/PV.12).

В данных примерах в словах с дескриптивной семантикой активируется оценочный компонент при употреблении таких слов в переносном (метафорическом) значении (*narrow* 'limited in a way that **ignores important issues** or the opinions of other people'; *hurdle* 'a **problem or difficulty** that must be solved or dealt with before you can achieve sth'). При функционировании таких лексических единиц в контексте оценочность не возникает случайно или стихийно; она актуализируется в той части лексического значения, которая содержит оценку.

Таким образом, как установлено на основании анализа исследуемого материала, оценочный компонент в структуре лексического значения слова может относиться как к денотации, так и к коннотации. Дескриптивность оценочной семантики проявляется в словах общей

оценки и в словах с высокой степенью интенсивности. Функционируя в дискурсе, такие лексические единицы придают оценочный характер всему высказыванию. Коннотативный аспект оценочной семантики ярко выражен в частнооценочных единицах. Оценка в составе коннотации находится в тесном взаимодействии с эмотивностью, однако данные понятия не тождественны. Анализ материала исследования показал, что оценочность слова возможна без эмотивности, в то время как эмотивность всегда оценочна. При контекстуальном анализе оценочных единиц прослеживается употребление дескриптивных слов в переносном значении, что приводит к активации части лексического значения, содержащей оценку.

Литература

1. Попова, З. Д. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания) / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд. – М. : URSS, Книжный дом «Либроком», 2011. – 176 с.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Романовская, А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки / А. А. Романовская. – Минск : МГЛУ, 2013. – 132 с.
4. Charaudeau, P. Dictionnaire d'analyse du discours / P. Charaudeau, D. Maingueneau. – Paris : Seuil, 2002. – XIV, 666 p.
5. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
6. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с.
7. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та, 1979. – 156 с.
8. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. ин. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк. ; Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
9. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – М. : Книжный дом «Либроком», 2019. – 206 с.
10. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики : учеб. пособие / М. В. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.
11. Система официальной документации ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://documents.un.org/>. – Дата доступа : 07.01.2023.
12. Roget's International Thesaurus / ed.: R. L. Chapman. – 5th ed. – New York : HarperCollins Publishers, 1992. – 1141 p.
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. S. Wehmeier. – 7th ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. – 1780 p.

Философия

УДК 130.3:316.46

Духовное лидерство в социальном измерении

Д.В. Корнюхов

Статья посвящена исследованию духовных моделей лидерства. Духовное лидерство понимается автором как изменение сознания последователей на основе ценностей и смыслов, которые, проходя через уникальный опыт лидера, способствуют социокультурному прогрессу и не связаны напрямую со сферой материального производства, а также политической властью. Сделан акцент на связи духовного лидерства и ценностных оснований общества. Основными духовными моделями лидерства названы лидерство в науке и образовании, культуре и искусстве, а также лидерство в сфере религии. Сделан вывод о том, что все модели духовного лидерства способствуют всестороннему социокультурному развитию, но не связаны напрямую с политической властью и материальным производством. Во всех духовных моделях лидерства лидерские цели находятся за пределами уровня чисто утилитарных интересов и материальной прибыли, в отличие от политических и экономических моделей данного феномена.

Ключевые слова: лидерство, общество, культура, религия, наука, образование.

The article is devoted to the study of spiritual models of leadership. Spiritual leadership is understood by the author as a change in the consciousness of followers based on values and meanings, which, passing through the unique experience of a leader, contribute to sociocultural progress and are not directly related to the sphere of material production, as well as political power. Emphasis has been made on the connection between spiritual leadership and the value foundations of a society. The main spiritual models of leadership are leadership in science and education, culture and art, as well as leadership in the field of religion. It has been concluded that all models of spiritual leadership contribute to comprehensive sociocultural development, but are not directly related to political power and material production. In all spiritual models of leadership, leadership goals are beyond the level of purely utilitarian interests and material profit, in contrast to the political and economic models of this phenomenon.

Keywords: leadership, society, culture, religion, science, education.

Духовность является одним из наиболее распространенных и многозначных понятий в социально-гуманитарном знании. Словарная интерпретация этого понятия (по В.И. Далю) связана с понятием «духовное», которое, в свою очередь, относится к душе человека, его умственным, моральным и волевым качествам. В обыденном сознании духовность нередко отождествляется с религиозностью. Но с научной точки зрения такое отождествление является ошибочным, поскольку понятие духовности гораздо шире, чем понятие религиозности. В советской науке духовность трактовалась как то, что относится к психологии, культуре, морали и интеллектуальному творчеству. Согласно словарям С.И. Ожегова и Д.Н. Ушакова, духовность – это свойство души, которое заключается в преобладании духовных интересов (в отрешенности от низменных, грубо чувственных интересов и стремление к саморазвитию). Духовность – это междисциплинарное понятие, которое активно используется в философии, психологии, социологии, культурологии и других науках, поскольку оно позволяет описывать и исследовать широкий круг явлений и процессов. В контексте нашего исследования мы также склоняемся к широкой трактовке понятия духовности как совокупности интеллектуальных, эстетических и волевых проявлений сознания в бытии.

Исследователь лидерства П.А. Печенкин обосновывает классификацию моделей лидерства в соответствии с духовной, материальной и социально-политической подсистемами культуры. Ученый пишет: «В каждой из этих условно выделяемых подсистем, несомненно, есть свои лидеры: выдающиеся мыслители и гениальные творцы – в духовной, великолепные производственники и хозяйственники – в материальной, талантливые политики – в социально-политической» [1, с. 6].

Согласно определению Л.Б. Зубановой, духовное лидерство – это феномен деятельностного преобразования действительности, осуществляемый через взаимозависимость и взаимообусловленность ценностного мира конкретного человека (духовного лидера) и универсальности ценностных перспектив человеческих общностей, а также персонифицированная функция интенционального вектора социокультурного развития [2, с. 11]. Соглашаясь с сутью данного определения, отметим, что духовное лидерство, как и лидерство других видов, может быть не только индивидуальным, но и групповым, что, в целом, не противоречит интерпретации данного феномена как персонифицированной интенциональной направленности развития общества и культуры.

Центральным аспектом духовного лидерства является его опора на ценности, а также способность их формировать и преобразовывать действительность на основе своих ценностных представлений. Мы предлагаем следующее определение: Духовное лидерство – это трансформация сознания группы (сообщества) на основе ценностей и смыслов, которые, проходя через уникальный опыт лидера (группы лидеров), способствуют социокультурному прогрессу и не связаны напрямую со сферой материального производства, а также политической властью. При этом следует отметить, что опосредованные связи с политикой и экономикой у духовных моделей лидерства присутствуют. Исходя из предложенного определения, можно выделить такие духовные модели лидерства как лидерство в сферах науки и образования, культуры и искусства, а также в сфере религии.

Научное лидерство сформировалось как явление задолго до выделения науки в отдельную сферу культуры в эпоху Нового времени. Уже в античном мире были люди, которые благодаря своей интеллектуальной деятельности являлись лидерами и просветителями в своей социокультурной среде. Это и Аристотель, и Архимед, и Гиппократ, и многие другие известные античные мудрецы.

Формальное разделение ученых на исследователей и организаторов науки на сегодняшний день продемонстрировало свою непродуктивность. В современном мире наука не может существовать без государственной поддержки. В развитых странах на потребности науки уходит до 4 % ВВП. Чем ниже этот показатель, тем ниже лидерский потенциал государства как в научных знаниях и технологиях, так и в экономике и международных отношениях. Как справедливо отмечают Н.А. Назарова и С.А. Антонович, «именно в научной деятельности противоречие между внутренним (исследовательским) и внешним (административным) управлением оказывается наиболее острым, и лидер, осуществляющий руководство сообществом, принимает это противоречие на себя» [3, с. 91].

Альтернативой административно-бюрократическому подходу к науке является идейно-когнитивный подход, который дает гораздо больше возможностей для реализации научного лидерства. Академик П.Л. Капица в своем знаменитом докладе 1956 г. «О лидерстве в науке» призывал отечественное научное сообщество ориентироваться на лучшие международные образцы в сфере организации науки, приводя примеры Великобритании и США: «Британская академия наук не имеет никаких административных органов, ни научных институтов, ни гаражей, ни строительства, только ряд научных журналов, которые бесплатно рассылаются ее членам. Таким образом, вся ее основная деятельность – это идейное руководство наукой... американская Академия наук тоже осуществляет идейное влияние на науку, а администрированием занимается другой общественный орган, так называемый Национальный исследовательский совет. Таким образом, там тоже идейное научное руководство не смешивается с администрированием» [4, с. 138–139].

О проблеме бюрократизации научной сферы писал еще И. Кант в своей работе «Спор факультетов», подчеркивая особую роль философии среди других наук. Философия призвана удовлетворять потребность человека в истине, выполнять функции независимой экспертизы знания о природе и обществе. Именно поэтому философия всегда стремилась к автономии (ведь истина, которая невыгодна правящей власти, никогда не станет общеизвестной). Действительность заставляет согласиться с И. Кантом в том, что нельзя ожидать того, чтобы короли философствовали или философы стали королями. Обладание властью неизбежно искажает свободное «суждение разума». Но следует вспомнить в данном контексте еще одну идею И. Канта о том, что «короли или самодержавные (управляемые законом равенства) народы не должны допустить того, чтобы исчез и замолчал класс философов, а должны предоставить ему возможность выступать публично...» [5, с. 272]. Философская рефлексия с

древности и по сей день предотвращает внутреннюю духовную и интеллектуальную инертность и конформизм, побуждает личностное сознание к постоянному критическому анализу окружающей действительности и самого себя. Следовательно, развитая культура философского мышления так же важна для развития науки и формирования научного лидерства, как и грамотно выстроенная государственная политика в сфере науки.

Научное лидерство – это влияние субъекта на научную среду, реализуемое на основе научных достижений, социальной значимости результатов научной деятельности, а также признания в академической среде. В качестве субъекта научного лидерства может выступать как один ученый, так и группа исследователей. Научным лидерством может обладать большое объединение ученых, например, одной страны. Для успешного развития науки и реализации научного лидерства, основанного на поиске истины и научном творчестве, важны как государственная поддержка и грамотное управление, так и сохранение автономии и демократических отношений в учреждениях науки.

Еще одним проблемным аспектом научного лидерства является сопоставление его динамики с показателями цитируемости научных публикаций. Сам по себе индекс цитируемости может быть интерпретирован весьма неоднозначно. Как справедливо отмечает Г.Г. Дюментон, важен не только сам факт цитирования, но и ответ на вопрос о том, зачем автор той или иной работы ссылается на данного ученого – критикует ли он его, использует ссылку как аргумент для доказательства собственной теории, на какие виды научных результатов делается ссылка – на идею, теорию, методы, экспериментальные данные и т. п. [6, с. 93]. Эти проблемы научного лидерства ведут к вопросу о том, существуют ли некие закономерности формирования научного лидерства.

По мнению известного ученого и историка науки И. Лакатоса, научный прогресс – это результат свободной конкуренции научно-исследовательских программ [7]. При этом какие-то программы выдвигаются научным сообществом на первый план и становятся общепринятыми. Из этого логически вытекает идея о том, что авторы такой научной программа-лидера сами выступают лидерами научного сообщества. По мнению И. Лакатоса, выдвижение той или иной программы в лидерскую позицию происходит по совершенно случайному стечению обстоятельств и сами ученые не в силах рационально объяснить свой выбор. Если же опираться на существующие классификации компетенций ученых-лидеров, их личностных качеств и так далее, то лидерский статус в науке представляется закономерным результатом наличия этих качеств, компетенций, характеристик и т. п. Вероятно, на практике формирование феномена научного лидерства, как и любого другого проявления данного феномена, зависит как от внутренних свойств самого субъекта – носителя лидерских качеств, так и от внешних факторов, в том числе – наличия определенных тенденций, социального контекста, государственной поддержки и т. д.

Лидерство в образовании тесно связано с научным лидерством. В сфере образования лидерство может рассматриваться тройко: 1) как лидерство субъектов образовательного процесса (обучаемого или обучающего); 2) как лидерство в среде обучающихся (например, лидерство среди педагогов) и в среде обучаемых (лидерство в среде сокурсников, одноклассников и т. д.); 3) как лидерство образовательных систем.

Согласно глубокому и оригинальному выводу М.Ю. Ананченко, «лидерский габитус индивида формируется под воздействием образования» [8, с. 198]. Между самими феноменами лидерства и образования существует много общего, а именно: 1) достижение изменений; 2) обучение навыкам; 3) взаимодействие с окружающими; 4) влияние на других; 5) выражение ценностей; 6) мотивирование к деятельности.

По поводу лидерства в аспекте субъектов образовательного процесса сложились две парадигмы образования – субъект-объектная (классическая) и субъект-субъектная (неклассическая либеральная). Классическая образовательная парадигма, сложившаяся в XVII в. на базе воззрений Я.Н. Коменского, И.Ф. Гербарта и других известных педагогов, роль лидера в образовательном процессе отдавала обучающему. Эта парадигма ориентировалась на передачу опыта и знаний ученику как объекту педагогического воздействия. От ученика же требовалось усердие в копировании действий мастера и послушание. Такая парадигма образования соответствовала социуму, в котором человек, овладевший определенной профессией, мог заниматься ею всю жизнь. Но на рубеже XX–XXI вв. в связи с глубокими изменениями, затро-

нувшими все сферы общественного бытия, появилась новая парадигма образования, которая соответствовала новым задачам – обеспечить возможности личностного самоопределения и самореализации в условиях постоянно и интенсивно меняющегося социально-экономического контекста. Во многом своим появлением субъект-субъектная парадигма образования обязана Д. Дьюи, который был глубоко убежден, что студент сам должен принимать решения по поводу того, чему и как его будут обучать. По инициативе Д. Дьюи в 1903 г. началась реформа американской системы образования. В новой субъект-субъектной парадигме лидером является обучающийся, которого обучающий стремится научить не столько устоявшимся образцам мышления, сколько принципам и способам построения собственной картины мира и реализации себя в предметной деятельности. Неклассическая либеральная парадигма образования к концу XX в. стала доминировать в странах с рыночной экономикой.

Лидеры в образовательном сообществе – это наиболее продвинутые в профессиональном и личностном аспектах специалисты, которые способны не только быстро адаптироваться к меняющимся условиям образования, но и формировать тенденции этих изменений, ведущие к совершенствованию образовательного процесса. Формирование лидерских качеств педагогов происходит в профессиональной среде под влиянием различных факторов – общения со сверстниками и более опытными педагогами, развитие творческих и организаторских способностей. Педагогическое лидерство – это стратегическая задача государства, также как обеспечение условий для формирования лидеров среди обучающихся – задача педагога. Для того, чтобы сформировать лидерские качества в среде обучающихся, важно показать живой пример лидерства.

Лидерство в образовании можно определить следующим образом: это способность наиболее эффективно и творчески реализовывать образовательную деятельность с позиции субъект-субъектных отношений, которая реализуется в трех аспектах: в аспекте позиций обучающего и обучаемого; в аспекте педагогической и ученической среды; в аспекте образовательной системы.

Все виды лидерства зависят от образования в широком понимании этого слова, включающего не только обучение в тех или иных учреждениях, но и самообразование. Именно в процессе получения образования у личности формируются ценности и качества, которые необходимы для того, чтобы быть лидером. Лидерство в образовании – наиболее проактивная модель духовного лидерства, поскольку ее эффекты всегда направлены в будущее и реализуются в перспективе.

Лидерство в сфере культуры и искусства как тип социокультурных моделей лидерства характеризуется спецификой этой сферы общественного бытия, которая ориентирована на досуг. Досуг – это важнейший ресурс, который человек мог использовать для своего развития уже в античном обществе.

Российский исследователь философского аспекта досуга Л.Н. Волобуева обосновала феномен досуга как форму социального времени, наряду с другими его формами – рабочее время и свободное время. Если рабочее время основано на биологической потребности в жизнеобеспечении, а свободное время – в рекреации (отдыхе физическом и психологическом), то досуг – это время, которое личность использует для «насыщения своей интеллектуальной и эмоциональной сферы новой социально и культурно значимой информацией» [9, с. 8]. Чем более осознанной и развитой является личность, тем большей автономией в сфере организации своего досуга она обладает. Представители творческих профессий, к которым относятся не только деятели искусства, но и ученые, и журналисты, в период досуга усваивают социокультурные смыслы, которые выходят за пределы их непосредственной профессиональной деятельности.

Лидерство в сфере культуры и искусства – это трансформация сознания людей посредством организации их досуга с использованием художественных образов, которые опираются на ценности лидера. В социально-психологических исследованиях используется термин «творческое лидерство», под которым понимается персонализирующее влияние субъекта на других субъектов на основе актуализации индивидуальности (индивидуализации) членов группы, отражения и принятия (интеграции) индивидуальности лидера, обеспечивающих эффективную совместную творческую деятельность [10, с. 147]. С одной стороны, исследование творческого лидерства – это предметная сфера психологических исследований путей снятия конфликтности между творческой личностью и социальным окружением, и с этой позиции данный термин является достаточно узким. С другой стороны, творческое лидерство – это более широкое по-

нятие, чем лидерство в культуре и искусстве, и характеризует феномен лидерства в целом. Творчество – это качество любого лидера, поскольку лидеры всегда трансформируют отношения, ситуации, социальные, экономические, политические, культурные процессы и т. п.

Феномены культуры и искусства воздействуют на сознание человека, формируя в нем идеальные образы – репрезентации объектов внешнего мира как совокупности качеств и состояний в сознании человека. Как пишет исследователь проблемы идеальных образов В.Н. Александровская: «формирование идеального образа в сознании личности идет параллельно с формированием самой личности и ее сознания со всеми их атрибутами» [11, с. 201]. Идеальные образы формируются тремя путями – стихийно, целенаправленно и путем самоформирования. Самоформирование идеальных образов требует высокого уровня внутренней культуры и личностной осознанности. Чаще идеальные образы формируются стихийно или целенаправленно (например, при целенаправленном мифотворчестве для создания национальных, политических, экономических и других мифов).

Роль лидеров в сфере культуры и искусства наиболее ярко проявляется в целенаправленном и стихийном формировании идеальных образов, поскольку они задают основные тенденции культурного развития, которые в свою очередь, воздействуют на сознание членов социума через образы и эмоционально-чувственное восприятие. Лидеры целенаправленно или стихийно закладывают смысловые схемы в сознание индивидов, формируя тем самым, их внутреннюю психическую культуру, восприятие действительности и способы интерпретации процессов и феноменов социокультурного бытия.

В связи с этим лидерство в культуре и искусстве предполагает большую ответственность за развитие общества, о которой говорили уже теоретики Нового времени. Э. Шефстбери и Д. Дидро писали о социальном значении искусства. Деятели искусства, создавая художественные образы – идеальные образы, интерпретирующие мир с позиции определенного эстетического идеала, тем самым формируют общественное мировоззрение, нравственность, мотивацию к определенной деятельности.

Современные исследователи лидерства часто говорят о сторителлинге как инструменте лидерского влияния, в том числе через культуру и искусство. Через кино, театр, литературу, а также журналистику и другие сферы культурной деятельности происходит презентация тех или иных нарративов, которые не заставляют непосредственно занять определенную позицию, но могут влиять на сознание людей, обращаясь к их эмоциям, вдохновляя, мотивируя и объединяя вокруг транслируемых идей.

Не секрет, что современное искусство и многие сферы культуры на сегодняшний день представлены коммерческими продуктами. Коммерциализация культуры, проявляющаяся в сфере СМИ, а также в деятельности культурно-досуговых учреждений, часто не отвечает критериям морали и социальной пользы [9, с. 146]. В среде креативного сообщества культуру часто называют «новой нефтью». Как пишет Г.Л. Тульчинский: «Учреждения культуры расположены в престижных местах, представительных зданиях и помещениях, музейные фонды, театральные костюмы и декорации, оборудование и инвентарь имеют определенную стоимость. Недаром “продвинутая” часть делового мира стремится получить объекты культуры в “доверительное управление”, видя в них еще одну ренту – помимо нефти, газа и леса» [12, с. 97]. Разумеется, с нефтяным рынком доход от продажи продуктов культуры несопоставим, но все же коммерциализация культуры является весьма впечатляющей. По данным издания «Форбс», опирающимся на отчет ЮНЕСКО за 2018 г., креативный сектор зарабатывает мировой экономике \$2,250 млрд. и экспортирует около \$250 млрд., создавая новые рабочие места для женщин, людей в возрасте от 15–29 лет и, по прогнозам, в скором времени будет отвечать за 10 % мирового ВВП [13].

Религиозное лидерство является одной из самых ярких страниц в истории лидерства в человеческом обществе. Уже в первобытном обществе лидерами выступали люди, которые имели статус носителя сакральных знаний – шаманы. Позже роли вождя и шамана разделились, хотя и сегодня в племенах Океании, среди аборигенов черной Африки и американских индейцев вождь и шаман – это одно и то же лицо.

Религия – это тип общественного сознания, мировоззрения, а также поведения и действий (культ), основанный на вере в сверхъестественное. Исходя из этого определения рели-

гии, феномен религиозного лидерства можно определить как влияние лидера на сознание, мировоззрение и поведение последователей на основе веры в сверхъестественное.

Нередко понятие религиозного лидерства отождествляется с понятием харизматического лидерства. Безусловно, между этими явлениями есть много общего. Но отождествлять их, на наш взгляд, нельзя, так как харизматическое лидерство проявляется не только в религиозной, но и в других сферах социокультурного бытия. В свою очередь, религиозное лидерство не всегда является харизматическим. Так, религиозным лидером может быть грамотный теолог, лидерство которого основано, скорее, на официальном статусе в религиозной иерархии, эрудиции и рациональности, чем на харизме. Харизма (от греч. *χάρισμα* – «помазание», «дар Бога») – это совокупность эмоционально-психических и интеллектуальных способностей человека влиять на мировоззрение и поведение своего окружения, а также высочайший авторитет и притягательность для окружающих.

Ярким и все еще требующим глубокого изучения феноменом является харизматическое религиозное лидерство. Словарное определение этого феномена выглядит следующим образом: «это авторитетное положение каких-либо индивидов в том или ином религиозном объединении, обусловленное восприятием их со стороны верующих как обладателей благодати (харизмы), имеющей сверхъестественное происхождение» [14]. Харизматический лидер – это всегда революционер, приносящий новый социальный уклад. Величайший религиозный лидер и одновременно величайший революционер в истории человечества – Иисус Христос, говорил: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришёл Я, но исполнить» (Матф. 5: 17).

Феномен религиозного лидерства тесно связан с моделью государственно-конфессиональных отношений. К базовым моделям отношений религиозных систем и государственной власти относятся: 1) теократическая модель, в которой политическое и религиозное лидерство совпадают (Тибет, Ватикан, частично Иран); 2) кооперационная модель, предполагающая равенство и сотрудничество политического и религиозного лидерства (Греция, Грузия); 3) сегрегационная модель, которая характеризуется резко-негативным отношением государственной власти к религии и репрессиям в отношении верующих и религиозных лидеров (отдельные периоды истории СССР, Албании, Камбоджи); 4) сепарационная модель, характеризующаяся отделением религии и церкви от государства и школы, а государства – от религии и церкви (США, Франция, Россия). Религиозное лидерство в контексте каждой из этих моделей является глубоко укорененным в национальных традициях, историческом опыте, картине мира, а также отношениях социума с природной средой.

Выводы: 1) Духовность – это сложное междисциплинарное понятие, охватывающее многие сферы бытия общества и личности; 2) Духовность может быть определена как феномен преобразования действительности на основе ценностной системы лидера, персонифицирующего смыслы, ценности и мировоззренческие интенции социальных общностей; 3) Основными духовными моделями лидерства являются лидерство в сфере науки и образования, культуры и искусства, а также в сфере религии. Три данных направления способствуют социокультурному развитию, но в то же время не связаны напрямую с политической властью и материальным производством. В отношении религиозного лидерства важно отметить, что оно является духовным лидерством, которое основано на вере в сверхъестественное происхождение лидерских способностей, авторитета, влияния и т. п. Но при этом понятие духовного лидерства как сферы проявления человеческого духа (воли, характера, интеллекта, чувств, эмоций и так далее) выходит далеко за пределы сферы религии.

Литература

1. Печенкин, П. А. Феномен лидерства : социокультурный концепт и актуальные культурные модели : дис. ... канд. культурологи : 24.00.01 / П. А. Печенкин. – Челябинск, 2006. – 199 с.
2. Зубанова, Л. Б. Духовное лидерство в современной России / Л. Б. Зубанова. – Челябинск : ЧГАКИ, 2009. – 240 с.
3. Назарова, Н. А. Развитие института лидерства в научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях России / Н. А. Назарова, С. А. Антонович // Актуальные социально-политические и гуманитарные исследования. – 2019. – № 9 (6). – С. 90–94.
4. Карлейль, Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Т. Карлейль. – М., 2011. – 412 с.

5. Капица, П. Л. О лидерстве в науке. Выступление на собрании актива Академии наук СССР 8 мая 1956 г. / П. Л. Капица // Эксперимент. Теория, Практика. – М. : Наука, 1977. – С. 132–139.
6. Дюментон, Г. Г. Проблемы оценки научного лидерства: критерии, динамика и ранняя диагностика / Г. Г. Дюментон // Науковедение. – 1999. – № 4. – С. 89–107.
7. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. – М. : Медиум, 1995. – 236 с.
8. Ананченко, М. Ю. Введение в философию и практику лидерства / М. Ю. Ананченко. – Архангельск : Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2005. – 277 с.
9. Волобуева, Л. Н. Досуг в структуре образа жизни : философско-культурологические аспекты : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. – М., 2004. – 152 с.
10. Грязева-Добшинская, В. Творческое лидерство в деятельности субъектов / В. Грязева-Добшинская // Развитие личности. – 2014. – № 2. – С. 146–158.
11. Александровская, В. Н. «Идеальный образ» и «формирование личности» как полифункциональный синтез / В. Н. Александровская // Вестник СамГУ. – 2014. – № 1 (112). – С. 198–206.
12. Тульчинский, Г. Л. Роль и значение сферы культуры, ее вклад в социально-экономическое развитие / Г. Л. Тульчинский // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2005. – № 2 (8). – С. 97–106.
13. Слудский, В. Как искусство меняет жизнь города и работает на прибыль [Электронный ресурс] / В. Слудский // Forbes. Kazakhstan. – Режим доступа : https://forbes.kz/life/observation/kak_iskusstvo_menyaet_jizn_goroda_i_rabotaet_na_pribyil/. – Дата доступа : 28.10.2022.
14. Лидерство харизматическое религиозное [Электронный ресурс] // Социология религии. Словарь ; под. ред. М. Ю. Смирнова. – Режим доступа : <https://voluntary.ru/termin/harizmaticheskoe-liderstvo-religioznoe.html>. – Дата доступа : 28.10.2022.

Социально-политические измерения философии и теологии «после Освенцима»

Д.В. МАЛАХОВ

Статья посвящена анализу философских и теологических форм рефлексии о событии Холокоста и Освенцима как его предельного символа в современном социально-политическом пространстве. При анализе философского дискурса «вины и прощения» в перспективе формирования нарративов исторической памяти устанавливается теологическая форма корреляции между ними и формами социально-политической институционализации прощения. Делается вывод об их нерелевантности свидетельствам узников лагерей смерти, в которых предметом выступает не только зло, но деяние самих узников, получающее в статье теологическое обоснование.

Ключевые слова: Освенцим, событие, политика, теология, вина, прощение, дар, свидетельство.

The article is devoted to the philosophical and theological forms of reflection on the event of the Holocaust and Auschwitz as its ultimate symbol. In the analysis of the philosophical discourse of guilt and forgiveness from the formed perspective of historical memory's narratives, a theological form of correlation is established between them and the forms of social and political institutionalization of forgiveness. It is concluded that their irrelevance to the testimonies of prisoners of death camps, in which the subject is not only the evil, but the deed of the prisoners themselves, which receives a theological justification in the article.

Keywords: Auschwitz, event, policy, theology, guilt, forgiveness, gift, testimony.

Как предельная форма выражения зла и бесчеловечности, явленных в событии Холокоста, лагерь смерти Освенцим является исключительно важной, знаковой темой для послевоенной западной философии и теологии. В то же время, это также предмет боли и памяти, а в немецком обществе – памяти мучительной и жестокой, проблема примирения с которой до сих пор стоит весьма остро. Вопрос о том, может ли прощение за содеянное и исторически беспрецедентное зло исходить от другого человека, другой человеческой общности, Бога или же от разума, т. е. собственно от теологии как рационально создаваемой системы понятий, считается крайне сложным, противоречивым, парадоксальным. Поиск возможных форм его прояснения выступает предметом настоящей статьи.

Французский феноменолог П. Рикер, посвятивший значительную часть своих исследований феноменам смыслополагания истории и исторической памяти, склонен считать, что прощение за исторически совершенное зло является более сложным явлением, нежели естественно присущее социуму забвение событий, осмысление которых сопряжено с общественным покаянием и возобновлением чувства вины. Согласно П. Рикеру, *истинное* прощение не может стать результатом экстерниорного конструирования социальных действий, позволяющих *как бы* нивелировать память о содеянном зле [1, с. 644–646]; прощение суть чудо и безвозмездный дар, заслужить который посредством выработки и усвоения нарративных стратегий, стиля мышления или нормативного социального действия невозможно. По этой причине прощение в принципе не может рассматриваться в качестве нормативной или нормализующей социальную жизнь формы, но *само по себе* есть чрезвычайное, исключительное событие, «опыт невозможно-го» (П. Рикер здесь полностью солидаризуется с известным императивом Ж. Деррида [1, с. 648]).

Вследствие этого, политические стратегии работы с исторической памятью, включающие в себя сегменты «вины и прощения», рассматриваются П. Рикером в качестве *иллюзорно* конструируемого пространства памяти, паразитирующего на теме исторической вины: «Если признать вместе с Деррида, что существует “универсальная потребность в памяти” и что “нужно обратиться к прошлому”, то неизбежно встанет вопрос о включении этого морального требования в историю. Деррида с этим соглашается, когда требует, чтобы этот акт памяти, самообвинения, “покаяния”, вынесения на суд осуществлялся сразу и без участия политических инстанций и государства-нации. <...> В этом отношении понятие преступления против человечности всегда стоит “на горизонте всей геополитики прощения”» [1, с. 648]. То есть сопротивление геополитики памяти *икономии* «невозможного» прощения, конституирующего интериорные формы экзистенциальной сосредоточенности как неготовности к дару (условию его *невозможной возможности*) остается неизменным фактором инициации иллюзорных форм и тривиальных смыслов прощения вины.

На первый взгляд, христианская теология, подвергающаяся в современном западном мире явной обструкции, не оказывает существенного влияния на формирование стратегий прощения. Вместе с тем, следует учесть, что существуют усвоенные на имманентном, архетипическом уровне общественного сознания и культуры привычки и навыки к удостоверению присутствия божественного, проявляющиеся в зачастую неосознаваемых стремлениях личности и социума к теологически фундированным решениям и конструкциям. Поэтому теология и историческая память связаны глубже, чем это может показаться на первый взгляд. В данном контексте хотелось бы указать на весьма значимый способ перенесения понятия «жертва» в немецкую, а затем и общеевропейскую культуру. Как отмечает авторитетный исследователь генезиса исторической памяти о Холокосте в ФРГ А.И. Борозняк, середина 80-х гг. прошлого столетия становится поворотной точкой социально-политического самосознания Германии и, как это представляется ясным теперь, всего западного социально-политического проекта: «Знаком идейно-политической ориентации консервативных сил стало – вопреки многочисленным публичным протестам – совместное посещение канцлером Колем и президентом Рейганом кладбища солдат и офицеров войск СС в Битбурге (Рейнланд-Пфальц) 5 мая 1985 г. Рейган (при полном одобрении Коля) назвал нацистов “такими же жертвами, как и жертвы концлагерей”» [2, с. 153–154]. Значение и последствия этого *чрезвычайного* события трудно переоценить. Согласно А.И. Борозняку, «призрак Битбурга» следует рассматривать как тень, заволакивающую разум. От себя хотелось бы добавить: как тень, в которой гаснут возможности конституирования благородства и милосердия интериорно преодолеваемой «жестоккой памяти».

«Индугенция», выданная Германии президентом Рейганом, означает, на наш взгляд, инициацию сакрального по своей сути проекта снятия исторической вины как учреждения политического господства. Для нас последствия этого события становятся ясными только сейчас. Оправданию подлежит не само событие нацистских лагерей смерти, хотя оправдание легионеров СС в некоторых европейских и постсоветских странах давно является нормой, но тот тип социума, в котором событие Холокоста выступает ценностным маркером истинности социальных и политических решений, которые были невозможны ещё в краткосрочной исторической ретроспективе. Создается впечатление, что перед нами предстает социально-политическая метаморфоза классической теологической схемы *выкупа* своего спасения в обмен на признание за определенной политической силой, а, по сути, сакральным субъектом дара прощения, *права и власти предоставить* прощение осознающему себя «непоправимо» виновным социуму.

Может показаться, что подобная трансформация входит в прямое противоречие с содержательными аспектами философских дискурсов, в которых утверждается необходимость толерантности, заботы и дара по отношению к Другому, отвержение всех форм тоталитаризма, готовность радикально пересмотреть собственные догматические основания и т. п. В действительности это не так. Подлинное благо милосердия и прощения усваивается социумом (в том числе и в первую очередь посредством теологии) только в том случае, если *есть предмет религиозной веры и если этот предмет Благ*. В данном случае речь может идти либо об открытии теологией прежде неизвестных сторон традиционного предмета религиозной веры, либо о его радикальном обновлении, но никоим образом не о его секуляризации и социально-политической профанации. Однако новый предмет веры как вечное Благо попросту не возникает. Основная причина этого, на наш взгляд, связана с одной существенной чертой, которую несет в себе западная религиозно-философская мысль, рефлексирующая о событии Холокоста, безусловно являющимся *чрезвычайным* событием, *разделяющим* мировоззренческие, религиозно-философские и теологические основания социально-политического и ценностно-гуманитарного единства исторически сложившихся контуров цивилизационного взаимодействия.

Согласно авторитетному исследователю историографии Холокоста в западной теологии, философии и социологии Дж. Фишелу [3], основной массив публикаций на английском языке можно тематически классифицировать следующим образом: история трансформации европейского антииудаизма в антисемитизм; моральные и религиозные формы обоснования геноцида еврейского народа; влияние христианского социума и христианской догматической теологии на развитие антииудаизма и антисемитизма; влияние института католической церкви на развитие антииудаизма, антисемитизма и национал-социализма; догматические основания геноцида еврейского народа в христианской Европе; радикальный пересмотр теологических оснований христианства; смысл религиозного «удара», «поражения» (*impact*), нанесенных Холокостом христианству и западно-христианской цивилизации; развитие феминистического движения;

история уничтожения еврейского народа в отдельных странах Европы. Отметим, что в классификации Дж. Фишела практически полностью отсутствует такая существенная теологическая проблема, как *молчание, бездействие* Бога в лагерях смерти. С нашей точки зрения, именно этот самый сложный момент религиозно-философского осмысления Холокоста является *единственным истинным предметом* теологии «после Освенцима», поскольку имплицитно содержит в себе вопрос о *теодицее*, являющийся, как известно, ключевым для всякой теологии.

Как следует из приведенной классификации, в теологии «после Освенцима» доминирует совершенное нацизмом зло, исторические формы ненависти к еврейскому народу и его вековые преследования, обуславливаемые, как предполагается, догматическими основаниями христианской веры. Отметим, что в прочитанном нами массиве изданий и публикаций по данной теме, глубочайшей тайной нацистских лагерей смерти считается *бесчеловечность палачей и бессилие жертв*. Злодейство и необходимость его преодоления в исторической памяти и общей европейской судьбе становится исходным принципом построения богословских концепций, распространяющихся на ценностные основания социально-политических теорий и практик. Указанная черта делает поиск безусловной религиозно-философской истины и нерелятивизируемого в социально-политической плоскости смысла события, т. е. построение теологии как таковой, крайне затруднительным предприятием. Она же, в конечном счете, негативно влияет и на выработку действительно нового религиозно-философского понимания предельных смыслов человеческой жизни и тех форм страданий, усилий и стремлений сохранить человечность, достоинство, любовь и религиозную веру, свидетельства о которых буквально пронизаны рассказы и строки, оставшиеся от погибших и выживших узников лагерей смерти.

Зло, однако, не только подавляет сознание и память своими образами, но и очаровывает их, выступая необходимым условием пролиферации ценностей и смыслов сознанием. По мнению П. Рикера, «преимущество соединения идеи вины и идеи зла состоит в том, что эта связь заставляет оставаться в рамках великого культурного воображаемого, питавшего мышление в его мифической форме. Ни одна тема, кроме любви и смерти, не вызывала такого многообразия символических построений, как зло» [1, с. 643]. Действительно, торжествовавшее в нацистских лагерях смерти зло представляется абсолютным, всепроникающим и беспощадным, оно словно подтверждает нерушимость древней догмы, в свете которой узник оказывается слишком малой величиной, чтобы предстать «краеугольным камнем» новой теологии. Отстраниться от образов зла, вывести их за пределы конститутивных форм рациональной деятельности трудно, практически невозможно, а с учетом процесса наращивания аффективно обусловленных нарративов памяти, неолиберальных ценностных дискурсов, практик социально-политических перформансов – и нежелательно.

Выслушаем действительно мощное слово – свидетельство о лагере смерти выдающегося писателя и мыслителя Элиэзера Визеля: «Путь к печам под равнодушными небесами. Грудных младенцев, которых бросали в огонь, разведенный во рвах... Я не уточнил, были ли они *живы* или уже мертвы. Думал, что жгли живых, но говорил себе: нет, это невозможно, иначе я бы рехнулся. А ведь другие заключенные тоже это видели и утверждали, что дети были живы... Я не сошел с ума» [4, с. 19]. «Ночь. Никто не молился, чтобы она прошла быстрее. Звезды казались отблесками вселенского огня, уничтожавшего нашу жизнь. Стоит пламени угаснуть и на небе останутся только звезды, подобные потухшим глазам мертвецов» [4, с. 54]. *Какая* теология возможна в контексте увиденного, пережитого, описанного Э. Визелем и нами прочитанного, воспринятого? Ведь даже личное свидетельство талантливого художника слова оказывается невозможным, поскольку невозможно понять, *о чем именно* свидетельствовать как о Благе? «Как рассказать о столкновении с безумным ледяным миром, где бесчеловечность была обычным делом, где дисциплинированные, воспитанные люди в военной форме убивали других людей, а насмерть перепуганные дети и изможденные старики появлялись там, чтобы встретить смерть? Возможно ли создать картину расставания в огненном мраке, когда рвутся связи, распадаются семьи, гибнет целая людская общность? Кто рискнет поведать о маленькой еврейской девочке с золотыми волосами и печальной улыбкой, очень умной и красивой, которую сожгли вместе с матерью в ночь прибытия в концентрационный лагерь? Рука дрожит, сердце грозит разорваться» [4, с. 11–12].

О чем можно свидетельствовать, кроме загнанности человека в немыслимое по масштабам и изощренности уничтожение? Кроме *самого* зла, всевластие которого проявляется даже в отношении Бога (в ночной трилогии Бог умирает на виселице – вместе с повешенным мальчиком и в качестве это мальчика), свидетельствовать, казалось бы, не о чем. Многие современные авторы признают, что релевантная событию Освенцима теология вряд ли воз-

можно: сознание, пытающееся осмыслить событие рационально и категориально, коллапсирует, облики зла и мук застилают глаза, рассмотреть религиозно-философский смысл события невозможно, а в глубине разума и души – недопустимо, почти преступно.

С другой стороны, Э. Визель признает, что помыслить немислимое *после* лагеря смерти было для него сверхважной жизненной задачей, истоком его решимости изучать философию в Сорбонне (этим намерениям не суждено было сбыться, Э. Визель не стал профессиональным философом, он стал лауреатом Нобелевской премии по литературе): «Философия привлекала меня – я хотел понять смысл недавних событий и чувства, испытанные мной в лагере: боль и гнев на Бога и человека, уподобившегося Творцу в одной лишь жестокости. Вопль, исторгшийся из моей груди под небом Буны, требовал переосмысления и анализа с позиций мирного времени. Я терзался вопросами. Где искать Бога? В страдании или самоотречении? Что человечнее – сказать “да” или выкрикнуть “нет”? Страдание очищает человека или растормаживает в нем звериную сущность? Я надеялся, что философия поможет мне найти ответы, рассеет сомнения, прогонит воспоминания и чувство вины» [4, с. 191]. Действительно, возможно ли построить «новую» теологию и, как следствие, конституировать формы ее социально-политического воплощения, основываясь *не* на категории зла? Для этого нужно уловить истинное свидетельство о событии Холокоста, выводящее разум за пределы тех ценностных, экзистенциальных апорий, к которым религиозно-философская мысль оказалась приученной инициаторами и сторонниками вышеуказанной формы его социально-политической объективации. Но тогда получается, что свидетельство должно быть не о жертвах и не о бесчеловечности. О чем же?

В произведениях Э. Визеля *есть* откровение о Боге и человеке, есть свидетельства о высочайших взлетах человечности и об истинном существе Бога. Но об этом Э. Визель говорит *не от своего имени*. От первого лица он повествует о расчетливости, изощренности и беспощадности актов уничтожения, где смерть при жизни зачастую предшествует смерти на проволоке, на краю ямы или в газовой камере; о том, о чем человек меньшей силы духа предпочел бы умолчать – собственных черствости, страхе, а порой и жестокосердии в отношении умирающего рядом с ним, в лагере, отца (линия «отец–сын» является ключевой в первой части трилогии). Истинная глубина свидетельства отдана другим людям – он говорит от их имени, вкладывая свидетельство в их уста, словно считая себя не вправе обладать подобным знанием – «откровением» о происшедшем. И это отнюдь не литературный прием, дело обстоит серьезнее, глубже, убедительнее. Он словно уходит в сторону, освобождая место и давая слово *другим* – истинным свидетелям происшедшего, которые *как бы* в отличие от него, знают истину и верят в нее. В рассказе «Первый гонорар» он вспоминает слова безымянного учителя, ставшего в лагере его учителем Торы: «...все раввины, все мудрецы, все святые с самого начала нашей истории готовились к тому, что здесь происходит. Здесь наша новая иешива, новый дом Торы и Шехины» [5, с. 81–82]. Это свидетельство на самом деле не безымянно, за титулом «рабби» в нем звучат *все* имена еврейского народа; как ни странно – кроме имени его самого, словно отстраняющегося от немислимого прежде свидетельства *во имя* всех остальных, говорящих устами учителя Торы: «Здесь, дружок, у нас нет выбора. Хотим мы того или нет, каждый из нас должен быть одновременно и раби Йохананом бен Закай, и раби Акивой, и раби Йегудой» [5, с. 81].

В философии и теологии присутствует идея о том, что подлинными свидетелями Холокоста могут быть только те, кто не выжил, стал «прахом и пеплом», иное же свидетельство в принципе невозможно: о безднах ада не может говорить не спустившийся в них *до конца*. На наш взгляд, это ложное понимание. Свидетельство, если оно не просто рассказ очевидца, осуществляется *от имени и во имя* тех, кто не может свидетельствовать здесь и сейчас непосредственно сам и в сложной, драматически насыщенной экзистенциальной связи *с ними самими*. Для этого не обязательно быть очевидцем. Свидетельство в полной мере *человечно* – со всеми свойственными человеческому разуму и языку изъянами. К примеру, устами каббалиста Калмана Э. Визель говорит о смысле происшедшего предельно ясно и точно, но делает это, опять же, не от себя лично, дистанцируясь как человек видевший, испытавший, умерший. Свидетельство Калмана о Боге и человеке суть предельно, большего сказать невозможно, здесь последние тайны судьбы и божественного супружества еврейского народа и здесь – ответ, но это не ответ самого Э. Визеля. Истинное свидетельское слово здесь – это *собственное слово еврейского народа*, слагающееся многоголосие, в котором словам Калмана и словам безымянного учителя Торы оказываются созвучны в гармонии и диссонансе все иные слова, безмолвные взгляды, молитвы, стоны и проклятия, все *имена* Израиля. Об истине свидетельствуют люди, в конечном счете, Народ, но не отдельный человек Элиезер Визель. Вот это свидетельство:

«Однажды я спросил моего учителя Калмана-каббалиста:

– Зачем Бог создал человека? Человек нуждается в Боге. Но что может дать Ему человек?

Учитель закрыл глаза, и тысячи ран, артерий и вен, истерзанных ужасной правдой, паутиной выступили у него на лбу. Несколько минут он был погружен в благоговейную отрешенность, потом на губах появилась тонкая, “потусторонняя” улыбка.

– Священные книги учат: осознай человек собственное могущество, он утратил бы либо веру, либо рассудок, ибо в нем заложена недоступная его пониманию функция. Бог нуждается в человеке, чтобы быть ЕДИНЫМ. Мессия, призванный освободить человека, сам может быть освобожден только им. Мы знаем, что свободу получают не только человек и Вселенная, но и Тот, кто назначил законы и установил отношения. Вот и получается, что человеческое существо – пригоршня праха – способно воссоединить время и его исток, вернуть Господу его собственный образ.

В то время я был слишком молод и не постиг глубину рассуждений учителя. Мысль о том, что существование Господа может быть связано моим, наполнила душу тщеславной гордостью и глубоким состраданием.

Несколько лет спустя я увидел, как благочестивые мудрецы идут на смерть, распевая: “Нашим огнем мы сокрушим цепи изгнанного Мессии”. И меня осенило, я наконец понял символический смысл речей Калмана. Да, Бог нуждается в человеке. Обреченный на вечное одиночество, Он создал человека, чтобы тот смешил Его, был игрушкой. Философы и поэты не желали признавать, что вначале было не Слово и не Любовь, но смех – вечный громкий смех, чье эхо обманчивее миражей пустыни» [4, с. 322–333].

Как показывает данный фрагмент «Ночной трилогии», полифоническая экзистенциальная и теологическая сложность свидетельства недостижима в том случае, если его предметом выступает только зло. Так что, в сравнении с симфонической сложностью слова народа слово философа и теолога оказывается заведомо в проигрыше, а уловить смысл события в понятиях подразумевает обессилить немыслимую сложность жизни, а, в данном случае, жизненную человечность свидетельства? Все зависит от того, для чего и во имя чего ищется смысл и взыскивается его религиозно-философская полнота. Если для облегчения участи, вины и страданий, то Э. Визель прав и теология вкупе с философией оказывается сродни бездушному эху события как вселенское эхо божественного смеха в приведенном отрывке. (Об этом, собственно, и предупреждает П. Рикер.) В словах Калмана им, судя по всему, отвергается несовпадение величия религиозной истины и увиденного, прожитого самим Э. Визелем уничтожения начала человеческого – в самых простых, а, значит, и самых глубоких проявлениях любви, заботы, тепла. В следующих за откровением каббалиста собственных словах им отвергается религиозная *идея*, за которую приходится платить столь страшную цену, а в словах Калмана видится, скорее, *приговор* человечеству – необходимость и неотвратимость бесчеловечности. И все же это свидетельство обретает художественную плоть и кровь и колоссальную религиозно-философскую мощь в перспективе осмысления события Освенцима будущими поколениями.

Философия и теология не могут свидетельствовать сами по себе, опыт лагерей смерти, как в этом убеждают строки Э. Визеля, не поддается категориальной рефлексии. Как справедливо отмечает М. Рафаэль, известные конструктивные положения теологического дискурса о сокрытии Бога в феномене человеческой свободы сталкиваются с действительным опытом богооставленности и обезбоженного мира лагерей смерти («*While theological discourse may construe the absence or hiddenness of God as that which preserves human freedom, in actuality, numberless Jews would have experienced the absent God as not-God in Auschwitz*» [6, p. 45]). Снова тупик? Нет. Попытки западной теологии осмыслить Холокост крайне редко связываются с вопросами, которые могут указать на истинное значение этого события: что именно сделали жертвы, а не их палачи? Может ли запредельное претерпевание физических и духовных мук быть воспринято и осознано как действие или, правильнее сказать, *деяние* в отношении мира, жизни, Бога? Именно в этих вопросах и свидетельствах, подобных свидетельству Э. Визеля, следует искать как новые горизонты и предмет обновленной теологии, так и их социально-политические измерения. В этом смысле философия оказывается в состоянии дотянуться до высоты свидетельства, выступив категориальной формой, раскрывающей заложенные в свидетельстве знания о человеке и Боге, а, в конечном счете, способствовать исполнению «завета» всякой теологии в отношении теодицеи.

В заключение поставим вытекающий из вышесказанного вопрос: манифестируя необходимость теологии «после Освенцима» как ценностного основания культуры и социума, нужда-

ется ли в действительности современное западное общество в истинном осознании события Холокоста, *невзирая* на собственные исторические и экзистенциальные травмы, или же в лице своих политических элит выстраивает систему *само-* и *социодицеи*, в которых трагедия еврейского народа выступает лишь формой огранки социально-политического проекта и теологическим основанием для перераспределения исторической вины? С нашей точки зрения – нет, не нуждается; более того, следует констатировать последовательно проводимую и получающую со стороны западного социума полное одобрение, а в контексте социально-политической прагматики и необходимую секуляризацию идей священного, прощения, искупления.

В этом смысле вопрос Э. Фэкенхайма, поставленный им перед христианским миром непосредственно после события Холокоста, звучит и как собственно философский и теологический вопрос, направленный в догматические средоточия религии, и как предостережение о недопустимости распыления мысли и экзистенции на прагматически оправданных контекстах кажущегося преодоления совершенного зла: «Голокауст нанёс травму сегодняшним еврейско-христианским отношениям. Но причинил ли он травму также и самому христианству, независимо от этих отношений? Здесь мы обращаемся ко второму вопросу, который Голокауст поставил перед христианской верой. Она утверждает, что Бог во Христе взял на Себя *всякое возможное* в будущем страдание и заместительно искупил *всякий возможный* в будущем грех. Но, как мы уже видели, в Голокаусте «реальностью стало невозможное». Голокауст – это мир зла, антимир, прежде невообразимый и немыслимый. Он нанёс удар по философской мысли. Он также нанёс удар по искусству и литературе. Так неужели не пострадали от него христианская теология и вера? Разве *тот* грех заместительно искуплен?» [7, с. 273].

Подобные вопросы, хотя и в менее заостренной форме, присутствуют и в западном философском и теологическом дискурсах. Как отмечалось в начале настоящей статьи, «дар прощения» выступает одной из основных конститутивных ценностных форм феноменологического дискурса. Кроме того, потенциал философской рефлексии в социально-политическом ракурсе был обозначен также в близком, но все же альтернативном по отношению к феноменологии дара проекте – постмодернизме. Существо этого элитарного интеллектуального проекта в целом как раз и состоит в дискурсивном освоении новых условий личного и общественного бытия европейцев – бытия «после Освенцима». Трудно не согласиться с А.Б. Ковельманом в том, что философии постмодернизма были хорошо известны понятия «абсолютной жертвы» и «жертвы чистого духа», а также с тем, что в этом типе философствования «втайне речь идет о *холокосте* и даже о Холокосте (с большой буквы), о сожжении без остатка и о кризисе европейского сознания, слишком легко мирившегося с “хитростью жизни, то есть разума”, с исторической необходимостью сакральной жертвы» [8, с. 66]. Однако в ситуации экзистенциальной растерянности послевоенных европейских поколений, отягощенных жестокой памятью, данный тип мышления инициировал и инициирует, скорее, мировоззренческую индифферентность к тривиальным и откровенно ложным социально-политическим проектам прощения и примирения.

Литература

1. Рикер, П. Память, история, забвение / П. Рикер ; пер. с франц. И. И. Блауберг [и др.]. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с. – (Серия «Французская философия XX века»).
2. Борозняк, А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века / А. И. Борозняк. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 354 с.
3. Fishel, Jack R. The Holocaust and Its Religious Impact : A Critical Assesment and Annotated Bibliography / Jack R. Fishel, Susan M. Ortmann. – Connecticut–London : Praeger Publishers, 2004. – 355 p.
4. Визель, Э. Ночь. Рассвет. День / Э. Визель. – М. : Книжники, 2021. – 429 с.
5. Визель, Э. Следующее поколение / Э. Визель. – М. : Текст, 2001. – 191 с.
6. Raphael, M. The female Face of God in Auschwitz / M. Raphael. – Londo–New York, 2005. – 228 p.
7. Факенхайм, Э. О христианстве после Голокауста / Э. Фэкенхайм // Социально-политическое измерение христианства : Избранные теологические тексты XX в. (Переводы) ; сост. С. В. Лёзова, О. В. Боровой. – М. : Восточная литература, 1994. – С. 267–281.
8. Ковельман, А. Б. Вознесение, всесожжение, связывание. К генеалогии Холокоста / А. Б. Ковельман // Вопр. Философии. – 2019. – № 3. – С. 56–68.

Погляды Юзэфы Кодзіс-Крыжаноўскай на жаночае пытанне: «Сямейнае пытанне ў жаночай справе»

І.М. НОВІК

Артыкул прысвечаны Юзэфе Кодзіс-Крыжаноўскай – польскамоўнай філосафке беларускага паходжання, псіхалагу і педагогу, вучаніцы Р. Авенарыюса. Аналізуецца яе погляды на будучыню сям’і і праблему выхавання ў кантэксце ўласцівых самой аўтарцы і шырока прадстаўленых у тагачасным грамадстве лева-радыкальных феміністычных поглядаў. Паказана, што, нягледзячы на ў цэлым характэрныя для фемінізму першай хвалі асноўныя ідэі Кодзіс-Крыжаноўскай, ёй былі ўласцівы і некаторыя адметныя для яе часу і культуры погляды: падкрэслена становячая роля адведзена чалавечай індывідуальнасці, адмаўленне неабходнасці і магчымасці «нацыяналізацыі» выхаваўчых функцый ад сям’і на карысць масавага дзяржаўнага выхавання.

Ключавыя словы: Кодзіс-Крыжаноўская, фемінізм, жаночае пытанне, эмпірыякрытыцызм, гісторыя беларускай філосафіі.

The article is dedicated to Józefa Krzyżanowska-Kodisowa, a Polish-speaking philosopher of Belarusian origin. Her views on the future of the family and the problem of education are analyzed in the context of the author left-radical feminist views widely represented in the society at that time. It is shown that, despite the main ideas of Krzyżanowska-Kodisowa, which are generally characteristic of the first-wave feminism, she had some distinctive views on the problem: the positive role assigned to human individuality, the denial of the need and possibility of «nationalization» of educational functions from the family in favor of mass public education.

Keywords: Krzyżanowska-Kodisowa, feminism, women's issue, empiricism, history of Belarusian philosophy.

Поўнае забыццё, якое напаткала імя Юзэфы Кодзіс-Крыжаноўскай (Józefa Krzyżanowska-Kodisowa, 1865–1940 гг.) у беларускай навуцы і культуры, можа быць параўнана бадай толькі з гэткай жа абсалютнай беспадстаўнасцю такой грамадскай амнезіі. Насуперак вядомаму выслоўю Г. Ахматавай, якая прыпісала чалавечай памяці добры густ, у дадзеным выпадку мусім рашуча запярэчыць такому няведанню асобы і тэкстаў філосафкі, нават сярод, здавалася б, найболей зацікаўленых даследнікаў: беларусаведаў, айчынных феміністак...¹ Між тым тэксты гэтыя прадстаўляюць сабой хоць і досыць радыкальную і экзатычную (эмпірыякрытыцызм, паяднаны з сацыялістычнай крытыкай культуры), але, бяспрэчна, цікавую і паслядоўна праведзеную філасофскую пазіцыю, якая патрабуе самага пільнага гісторыка-філасофскага вывучэння.

Яшчэ большую цікавасць уяўляе сама асоба Ю. Кодзіс-Крыжаноўскай – філосафкі, псіхалага, педагога, актыўнай дзяячкі жаночага, сацыялістычнага і пацыфіскага руху.

¹У кантэксце беларускай навукі можам казаць толькі аб некалькіх спарадычных згадках: успаміны аб мужы і жонцы Кодзіс у кантэксце культурнага жыцця перадрэвалюцыйнага Менску [1, с. 19]; згадкі аб Юзэфе раскіданыя ў нарысе, прысвечаным ейнаму мужу [2, с. 223–230]; або некалькі словаў аб ёй у артыкуле пра беларускіх студэнтаў у швейцарскіх універсітэтах [3, с. 90]. Параўнальна лепш біяграфія філосафкі асветлена ў польскамоўных тэкстах, але і тут можна канстатаваць: маштабы асобы вымагаюць большага. Найперш і перад усім варта сказаць аб свежым даследаванні Монікі Беднарчук, адлюстраваным у тэксце «Канстэляцыі непакорнай» [4] – дыхтоўным біяграфічным нарысе, які адрозніваецца як паўнатай ахопу, так і наватарствам метадалогіі. Варта згадаць таксама сціслы нарыс Цэцыліі Валеўскай. Бадай першая з біёграфак Кодзіс-Крыжаноўскай, Валеўская адводзіць ёй некалькі старонак у сваёй брашуры «Польская жанчына ў навуцы» [5, с. 15–16, 40].

Адносна тэкстаў датычных яе філасофскай творчасці, а пагатоў прысвечаных аналізу апошняй, бадай не знойдзецца іншага слова апроч «катастрофа». Стасоўна беларускай навукі змушаны казаць пра адсутнасць падобных тэкстаў як класа. Небагата дае і зварот да сусветнага кантэксту. Досыць падрабязны і спагадлівы да думкі аўтаркі артыкул Рышарда Ядчака [6], прысвечаны яе эпістэمالагічным поглядам; некалькі старонак з апісаннем поглядаў Кодзіс-Крыжаноўскай на гісторыю і філосафію гісторыі ў тэксце Ежы Матэльніскага [7, с. 85–88]; сціплая характарыстыка яе ідэй у кнізе Даніэлы Стэйлы, прысвечанай рэцэнцыі ідэй эмпірыякрытыцызму ў рускім кантэксце [8, с. 58–59] – спіс на які, як казаў той, стае пальцаў адной рукі.

Нарадзілася ў маёнтку Залучча (сучасны Стаўбцоўскі раён Мінскай вобласці), навучалася, а пасля і сама настаўнічала ў таемных польскіх школах Менска. Па вышэйшую адукацыю выправілася ў Жэневу, пасля – у Цюрых, дзе вучылася ў Р. Авенарыуса. Пад кіраўніцтвам апошняга піша і ў 1893 г. паспяхова абараняе дысертацыю «Zur Analyse des Apperceptions begriffes» («Аб аналізе паняцця аперцэпцыі» [9]). Здабытая ступень зрабіла яе першай у свеце жанчынай доктарам псіхалогіі.

Апроч вучобы актыўна ўдзельнічае ў Цюрыху ў жыцці польскамоўнага студэнцтва радыкальна сацыялістычных поглядаў [10], [11, к. 84–85]. Знаёміцца бадай з усімі галоўнымі прадстаўнікамі будучай польскай левіцы. У тым ліку – з Габрыелем Нарутовічам. З будучым першым прэзідэнтам Польшчы філосафку аб'ядналі не толькі палітычныя погляды і агульнае месца навучання, але і сваяцкія повязі: за яго выйдзе замуж родная сястра Юзэфы – Ева Крыжаноўская. Тут жа, у Цюрыху, наша гераіня знаёміцца ўжо са сваім уласным абранкам і мужам Тэадорам Кодзіс. Муж Юзэфы і сам быў асобай незвычайнай: таленавіты і самаадданы хірург у ім сумяшчаўся з тэрарыстам-бамбістам, гуманістычная спагада ўсялякаму бядуячаму чалавеку суседзіла з патрабавальнасцю і нават жорсткасцю да сябе і сваіх крэйных... [падрабязней гл. у 14, с. 223–230].

З-за пераследу Тэадора ў Расейскай імперыі сужэнцы змушаны ў 1891 г. з'ехаць у ЗША. Абодва настаўнічалі ў народным універсітэце для польскіх эмігрантаў і абодва шукалі працаўладкавання ў афіцыйных амерыканскіх універсітэтах. Шанцавала ў апошнім толькі мужу. Саму Юзэфу, нягледзячы на самыя лепшыя і станоўчыя рэкамендацыі, напісаныя не толькі Р. Авенарыусам, але і зоркамі тагачаснай амерыканскай псіхалагічнай і філасофскай навук Уільямам Джэймсам і Джонам Дзьюі (гл. [12] і [13]), ніводны са шматлікіх амерыканскіх універсітэтаў, куды яна звярталася па прафесарскую працу, не ўзяў, з-за панавалых тады сярод іх кіраўніцтва гendarных забабонаў.

У 1901 г. Юзэфа Кодзіс-Крыжаноўская вяртаецца ў Менск, дзе ў 1904 г. да яе далучаецца і Тэадор. Сям'я актыўна залучаецца ў менскае жыццё – культурнае, палітычнае, грамадскае. Менавіта ў Менску будуць напісаны ўсе асноўныя працы Юзэфы Кодзіс-Крыжаноўскай. Пасля смерці мужа (далося ў знакі знясіленне падчас аперыравання шматлікіх параненых на франтах Першай сусветнай вайны), ратуючыся ад віру рэвалюцыі, з'язджае ў 1918 г. у Варшаву, дзе і жыве да свайго спачыну ў 1940 г. Увесь міжваенны перыяд самым актыўным чынам прымала ўдзел у шматлікіх пацыфісцкіх арганізацыях і рухах, лічачы, што толькі поўная дэмілітарызацыя і раззбраенне Еўропы (а ў перспектыве – і ўсяго свету) можа выратаваць яе ад катастрофы.

Апроч акадэмічнай кар'еры філосафа-эмпірыякрытка, залучанасці ў сацыялістычную палітыку і яе дбанні ў на ніве адукацыі, вядомасць Юзэфе Кодзіс-Крыжаноўскай прынёс і актыўны ўдзел у жаночым руху. Меркаваць аб адметнасцях яе падыходу і прапанаваных ёй развязанняў так званага «жаночага пытання» можам на падставе тэксту «Kwestya rodziny w sprawie kobiecej» («Сямейнае пытанне ў жаночай справе») – невялікай брашуры, выдадзенай аўтаркай у 1909 г.

Але перад тым, як перайсці да непасрэднай характарыстыкі брашуры, спынімся на момант на яе кантэксце і прысвецім некалькі абзацаў польскамоўнаму жаночаму руху канца XIX – пачатку XX ст. у цэлым.

У найбольш шырокай перспектыве кажам пра частку буйной гістарычнай падзеі – руху за гendarную роўнасць правоў, які на зломе стагоддзяў ахоплівае ў адносна сціслыя тэрміны, амаль аднамомантна, усю еўрапейскую культурную прастору – нягледзячы на ўсю яе эканамічную і сацыяльна-палітычную гетэрагеннасць і стракатасць. Апроч відавочнага комплексу ідэй і патрабаванняў – раўнапраўе мужчыны і жанчыны, павелічэнне (а часцяком і проста наданне ўпершыню) палітычных правоў для апошняй, скасаванне ўсіх адукацыйных і прафесійных гendarных бар'ераў – актывістак на ўсім гэтым абшары лучыла і пэўнае адзінства генеалогіі: абapіраліся на актыўнае развіццё сацыялістычнага і ліберальнага рухаў у палітычным полі, на знаходкі і канцэптуальныя распрацоўкі новапаўсталай антрапалогіі і ідэі сацыяльнага эвалюцыянізму ў навуковым асяроддзі [14, р. 815]. Нарэшце, спасылаліся на адзіны корпус «класічных» тэкстаў – «Падпарадкаванне жанчыны» (1869) Джона Сцюарта Міля, «Жанчына і сацыялізм» (1879) Аўгуста Бебеля і «Паходжанне сям'і, прыватнай уласнасці і дзяржавы» (1884) Фрыдрыха Энгельса.

Польскамоўны фемінізм першай хвалі быў часткай агульнаеўрапейскага жаночага руху канца XIX – пачатку XX ст., з аднога боку, і ў пераважнай сваёй большасці кантэкстуальна прыналежаў да палітычнага ландшафту Расейскай імперыі з адметным для яе «жаночым пытаннем», з другога, меў і некаторыя адметнасці, якія адрознівалі яго ад першага і адасаблялі яго ў другім.

Па-першае, кажам пра трансгранічную і нават транснацыянальную адносна тагачаснай палітычнай мапы з'яву. Польская мова яднала актывістак па ўсёй тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай, тымчасова раз'яднанай паміж Расейскай, Аўстра-Вугорскай і Прускай імперыямі, і

давала магчымасць лавіраваць і карыстацца адрозненнямі ў палітычных сістэмах і сацыяльна-эканамічных варунках гэтых трох дзяржаваў. Па-другое, адносна ўжо Расейскай імперыі, тая ж самая мова выступала як *lingua franca* для ўсяго стракатага ў этнічным, канфесіянальным і культурным плане грамадства «заходніх губерняў», стымулюючы такім чынам актыўны абмен ідэямі і практыкамі барацьбы за гендарную роўнасць сярод актывістак, прыналежных да (патэнцыйна) розных нацыянальных кантэкстаў.

Па-другое, адносна першай хвалі польскага фемінізму трэба казаць аб адметных сацыяльным паходжанні яго актывістак і эканамічна-палітычных матывах іх далучэння да руху. У абсалютнай большасці маем справу з жанчынамі шляхецкага паходжання – прадстаўніцамі эліты, калі не ў эканамічным, то прынамсі ў культурным значэнні слова [14, р. 801]. Што датычыць прычынаў – прынамсі ўскосных – іх далучэння да руху, то апроч калізій адносна высокага ўзроўню першаснай адукацыі, амбіцыяў, звязаных з гэтым іх сацыяльным паходжаннем, з аднаго боку, і шматлікіх перапонаў, пастаўленых грамадствам на шляху атрымання вышэйшай адукацыі і прафесійнай кар’еры, з другога, не малую ролю адыгрывалі і адметныя сацыяльна-эканамічныя варункі: параза паўстання 1863–1864 гг., накладзеная на аграрную рэформу. Менавіта той «вялікі ўпадак шляхты» [11, к. 2], пра які піша ў сваіх успамінах наша гераіня, – прычым, упадак раптоўны, гвалтоўны і навочны – змушаў шукаць новых стыляў жыцця, спараджаў незадаволенасць старым і традыцыйным ладам.

Паўстанне 1863–1864 гг., з яго знакамітым лозунгам «За нашу і вашу свабоду!», было апошняй спробай універсальнага разняволення пад адзіным сцягам «адраджэння Рэчы Паспалітай». Ужо падчас саміх падзей розныя ідэалагічныя сцэжкі, якія на момант згуртавалі ўдзельнікаў, пачалі разыходзіцца ў процілеглыя бакі. Параза і спароджаная ёй фрустрацыя грамадства толькі прыспешылі далейшае адасабленне розных ідэалогіяў, сама ж прага да эмансipaцыі засталася і яшчэ болей запалала ў варунках яе незадаволенасці. Нехта вырашыў, што прычына няўдачы ў тым, што да волі быў пакліканы не той народ, і пачаў усведамляць раней незаўважаную стракатасць краёвай «польскасці». Нехта палічыў, што заклік быў скіраваны не да тых сацыяльных стратаў... Іншыя ж каналізавалі свой эмансipaцыйны імпульс у рэчышчы «жаночага пытання»².

У папаўстанніцкія часы шмат што змянілася ў гендарных (дыс)балансах беларускай культуры. Шмат хто з былой інтэлігенцыі і эліты Краю – у тагачасных абставінах у абсалютнай большасці мужчыны – аказаўся ў сасланні, змушанай эміграцыі, а сама меншае – перад перспектывай згубы свайго былога грамадскага і эканамічнага статусу. Пэўную ролю адыгрывалі і чыннікі сацыяльна-псіхалагічнага характару: расчараванне, крах спадзеваў, адначасна і патрэба рэзка змяняць свой гаспадарчы ўклад – усё гэта спрыяла распаўсюджанню апатыі, пасіўнасці і асацыяльных паводзінаў сярод некалі «моцнага» полу, на тле чаго, тым больш навочным, становілася несправядлівае становішча «слабога». Адылі дамо слова самой нашай гераіні. Вось яе юнацкія ўспаміны: «У той час на Белай Русі гэта быў нармальны стан: вельмі разумныя жанчыны і недасведчаныя мужчыны <...>. На гэтым прынцыпе мы з сястрой пабудавалі сабе цэлы погляд на свет. На нашу думку, жанчыны былі <...> разумнейшыя за мужчынаў. Такім чынам, яны павінны кіраваць светам <...>. Гэта быў час, калі праблема раўнапраўя жанчын лілася з-пад зямлі. Інакш і быць не магло, бо жанчыны былі больш маральныя і больш разумныя за мужчынаў. Апошнія не мелі тады звычкі вучыцца. Выключэннем было толькі заканчэнне сярэдняй школы. Потым п’янства, карты, жанчыны. У перспектыве быў толькі параліч сталага ўзросту. І калі ў пэўнай сям’і жанчына не магла заняць пасаду кіраўніка, гэтая сям’я была на мяжы распаду» [311, к. 53–54; тут і далей пераклад з польскай наш – Н.І.].

Пяройдзем да характарыстыкі самой брашуры «*Kwestya rodziny w sprawie kobiecej*».

Калі параўнаць з тагачасным станам гендарных спрэчак, брашуру і прадстаўлены ў ёй погляд на жаночую справу адрознівае як незвычайная пастаноўка пытанняў, так і адметнасць прапанаваных адказаў. Агулам тэкст гучыць досыць зладзённа, нібы пісаны не ў 1909 г., але, калі не нашай прамой сучасніцай, то, прынамсі, прадстаўніцай другой паловы ХХ ст.

Нягледзячы на назву брашуры, Кодзіс-Крыжаноўскую рупіць не так сама сям’я, як праблема выхавання. Тэкст ставіць пытанні аб гендарнай справядлівасці не толькі ў сінхранічным зрэзе роўнасці правоў, але і з дыяхранічнага пункту гледжання пераемнасці пакаленняў, механізмаў узнёўлення культуры і дзіцячай адукацыі, у якой жанчына адыгрывае вырашальную і – на думку Кодзіс-Крыжаноўскай – непазбыўную ролю.

²Больш падрабязна і грунтоўна пра ролю Паўстання 1863–1864 гг. для першага пакалення польскамоўных феміністак гл. у [15].

Аўтарка пачынае тэкст з уласнага подзіву: жаночы рух ужо паспеў на момант напісання брашуры стаць заўважнай і сталай сацыяльнай з'явай, шматлікія яго прадстаўніцы змусілі грамадства звярнуць на сябе і свае патрабаванні ўвагу, але, у той жа час, здавалася б навочнае і першаснае пытанне аб будучыні сям'і і звязаная з ім праблема дзіцячага выхавання абыходзіцца дзячакмі руху пераважна маўчаннем.

Тысячы вуснаў – рытарычна заўважае Кодзіс-Крыжаноўская [16, s. 1] – штодня і безупыну абвешчаюць жанчыне: твае месца ў сям'і, ёй мусяць абмяжоўвацца твае мэты і мары, сям'я – тое зачараванае кола па-за якім ты не можаш нават уяўляць сябе. Здавалася б, усё, што тычыцца сям'і, павінна быць у цэнтры ўвагі і думак тых сучасных жанчын, якія наважыліся патрабаваць сваіх палітычных правоў і сацыяльнай роўнасці. Замест гэтага бачым, як піша Кодзіс у 1909 г., жанчыны прамаўляюць аб свабодзе ў каханні, працы, адукацыі, але бадай не маюць што сказаць аб будучай арганізацыі сям'і.

Нават калі заўтра жанчына здабудзе тыя свабоды і правы, аб якіх яна марыць і якіх патрабуе сёння, нават тады неабходнасць нараджэння і гадавання дзяцей нікуды не знікне, застаецца біялагічным фактам чалавечай прыроды [16, s. 2].

Сярод сучасных ёй людзей прагрэсіўных перакананняў Кодзіс-Крыжаноўская заўважае спадзеў: функцыю выхавання новых пакаленняў возьме на сябе сацыялістычная дзяржава будучыні і вызваліць тым самым жанчыну прышласці ад гэтага цяжару [16, s. 2]. На гэта аўтарка па-першае і мімаходам заўважае, што самі радзіны звязаныя з істотнай стратай фізічных сілаў і гэты факт таксама мусіць быць улічаны пры абмеркаванні будучага раўнапраўнага грамадства [16, s. 2]. Але ж асноўная праблема тычыцца не столькі самога нараджэння, колькі патрэбы ў выхаванні дзяцей.

Гэта толькі сёння, як разважае Кодзіс-Крыжаноўская ў сваім 1909 г., можа здавацца, што перакласці на кагосьці іншага ўсе турботы па выхаванні і гадаванні ўласнага дзіця – прыемна і выгодна. Так, кажа аўтарка, у сучасным класавым грамадстве, сярод ягоных вышэйшых станаў існуюць адпаведныя інстытуты матак, гувернантак і д. п. Але, калі ўзняцца на сацыялагічны пункт гледжання, такая практыка нічога не змяняе ў становішчы жанчыны як сацыяльнай адзінкі або грамадскай істоты. У выпадку карміцелькі або гувернанткі адзінка жаночай сілы ўсё адно губляецца для грамадскіх спраў. Гэта «развязанне» можа мець толькі індывідуальна-псіхалагічнае значэнне, бо не ўсе жанчыны аднолькава здатныя адчуваць у сабе пакліканне да выхавання і гадавання дзяцей. Але ж на абстрактна-сацыялагічным узроўні адна жаночая адзінка проста замяняецца на іншую. Значыць для грамадства будучыні, якое захоча вызваліць жанчыну ад адпаведных функцый, застаецца адзінае выйсце: замена індывідуальнага выхавання на выхаванне масавае, так бы мовіць «фабрычнае» [16, s. 3].

Але ж, як разважае далей Кодзіс-Крыжаноўская, утрыманне маладых чалавечых адзінак як аднастайнай і не дыферэнцыраванай масы (а менавіта такі погляд і прадугледжаны масавым выхаваннем) не толькі не можа быць паспяховым, але і наагул не мае месца быць, як этычна заганнае [16, s. 3].

Квазі-фабрычныя і рамесніцкія аналогіі, якія аўтарка знаходзіць у тэкстах сваіх сучаснікаў, у пытанні выхавання новых людзей відавочна хібяць. Чалавек ёсць жывой істотай, пры тым, як заўважае Кодзіс-Крыжаноўская, найболей складанай і дасканалай з усіх нам вядомых, а таму – надзвычай зменлівай і індывідуальнай. Маладыя людзі патрабуюць разнастайнасці і дыферэнцыяванасці ў падыходах да свайго выхавання [16, s. 3]. Адзіны шаблон і адзіная схема выхавання, якія б аднолькава добра пасавалі да любога, былі б магчымыя толькі ў выпадку прынцыповай аднастайнасці чалавечых адзінак – а гэтага няма і быць не павінна, цвердзіць аўтарка. Індывідуальнае выхаванне адпавядае самой прыродзе рэчаў.

Адзначым тут пэўнае ваганне Кодзіс-Крыжаноўская між дэскрыптыўным і нарматыўным падыходамі: або масавая, квазі-фабрычная «прадукцыя» новых людзей прынцыпова немагчымая і супярэчыць самой істоце рэчаў і натуральным законам; або яе не можа быць, бо пры наяўнасці яе ўмоўнай магчымасці, такі праект гамагенізацыі трэба адрываць як супярэчны этычным нормам. Хаця на маўленчым узроўні Кодзіс-Крыжаноўская, здаецца, схіляецца да першай інтэрпрэтацыі, яе наступнае разважанне, прысвечанае зменлівасці ўяўленняў аб выхаванні і іх залежнасці ад сацыяльнага стану жанчыны, хутчэй прыналежыць да другой.

Сучасная жанчына, як кажа Кодзіс-Крыжаноўская, неўнікнёнасці індывідуальнага выхавання не бачыць і не хоча яе зразумець. Чаму? Таму, што і сама жанчына сёння разглядаецца толькі як адна з множнасці, як істота без індывідуальнасці, бо і сама не звykла покуль цаніць уласную асабістасць, дбаць пра яе. Яна выконвае тыя самыя абавязкі, што і кожная з жанчын, убiраецца ў тыя строі, якія дыктуюць сённяшняя мода і агульныя густы, яе

разглядаюць як падлеглую тым жа агульнапрынятым маральным абавязкам, паводле якіх судзяць любую з кабет... Як вынік – не шануе ні сваёй уласнай індывідуальнасці, ні ўнікальнасці сваіх дзяцей [16, s. 3–4].

Таму, як заўважае Кодзіс-Крыжаноўская, разняволенне жанчыны, яе вызваленне з сучасных грамадскіх кайданоў павінна пачынацца са змены яе ўяўленняў і паняццяў. Менавіта жанчыны, якія сёння маюць справу з фармаваннем «жывога матэрыялу» [16, s. 4], першымі мусяць зразумець: да яго нельга ставіцца паводле законаў «мёртвай» прыроды.

«Усялякі шаблон ёсць ворагам жыцця» («Wszelaki schemat jest wrogiem życia» [16, s. 4]), нібы прадугадваючы ідэі І. Канчэўскага і ягонага эсэ «Адвечным шляхам», якое з'явіцца дванаццаццю гадамі пазней за «Kwestya rodziny...», абвешчае Кодзіс-Крыжаноўская.

Нават, калі ў мэтах аргументацыі дапусціць магчымасць рэалізацыі планаў аддання выхаваўчых функцый на карысць будучай сацыялістычнай дзяржавы, нават тады паміж сённяшнім станам і грамадствам прышласці пралёжа даўгі і разлеглы пераходны перыяд, падчас якога яшчэ не «нацыяналізаваныя» выхаваўчыя абавязкі жанчыны мусяць быць улічаны і пэўным чынам (у імя справядлівасці) кампенсаваныя.

«Трэба мець нейкі план», – падводзіць падрахунак сваім разважанням і аргументам Кодзіс-Крыжаноўская [16, s. 4]. Па-першае, жанчыне мусіць усвядоміць свае прыродныя схільнасці і свае натуральнае пакліканне да сямейнага жыцця і выхавання новых людскіх пакаленняў. Большасць жанчын не жадае поўнага аддалення ад свайго патомства. Але жадаючы застацца маці і выхавацелькай сваіх дзяцей, сучасная жанчыны не хоча быць і цалкам залежнай ад свайго мужа. Гэта значыць, што жанчыны прагнуць не вызвалення ад сваіх абавязкаў перад уласнымі дзецьмі, але ж разняволення ад эканамічнай залежнасці ад мужчын. І менавіта тут узнікае задача для грамадства – не муж мусіць забяспечваць жыцці жонкі і дзяцей падчас першых год па нараджэнню, але ж дзяржава.

Фактычна, Кодзіс-Крыжаноўская разважае аб нечым падобным на сучасную практыку дэкрэтных выплат і дэкрэтнага адпачынку – кампенсаваных з боку грамадства часу і сродкаў, страчаных жанчынамі падчас і ў першыя гады пасля цяжарнасці.

Кодзіс-Крыжаноўская задаецца пытаннем: адкуль могуць быць пазычаны гэтыя – відавочна не малыя – сродкі на падобную кампенсацыю, асабліва калі казаць не пра мройную сацыялістычную дзяржаву прышласці, але ж пра сённяшняе грамадства [16, s. 6]? Фактычна, як заўважае філосафка, такія сродкі, магчыма, у недавальняючай, але ж значнай колькасці, ужо спаганяюцца эканомікай, але ж у парадку адваротным справядлівасці.

Сёння жанчына сплачвае своеасаблівы падатак на сваю цяжарнасць – праз няроўную аплату працы. Калі за аднолькавы працоўны час лекар атрымлівае болей за лекарку, калі заробак настаўніка большы за заробак настаўніцы, калі кравец атрымлівае болей за швачу, а лёкай – за пакаёўку, чым гэта ёсць, калі не коштам утрымання сям'і, які жанчына змушана аплочваць замест мужчыны? Менавіта гэтыя грошы і мусяць быць пераразмеркаваныя на карысць будучых матак, для таго, каб яны маглі выконваць свае функцыі.

Кодзіс-Крыжаноўская, такім чынам, прапануе эканамічную гіпотэзу (праўда ў асертарычнай мадальнасці): назіраная ў грамадстве гендарная дыспропорцыя заробкаў насамрэч ёсць прыхаваным падаткам – кампенсацыяй фізічных і працоўных сіл жанчын, страчаных імі падчас цяжарнасці і выхавання дзяцей. Існы эканамічны лад грунтуецца на ўяўленні, што дадатковыя сродкі, заробленыя мужчынамі, мусяць пайсці на ўтрыманне сям'і.

Кодзіс-Крыжаноўская, калі разгарнуць яе думку, прапаноўвае наступнае: у справядлівым грамадстве заробкі жанчын і мужчын не толькі мусіць быць зраўнаны. Апроч таго, прыблізна тая ж прапорцыя, на якую яны адрозніваюцца зараз, мусіць быць зарэзервавана (відаць, у форме адпаведнага падатку) за дзяржавай для выплат будучым маткам. Тады, як прарочыць Кодзіс-Крыжаноўская, жанчына стане сапраўды незалежнай у шлюбе і знікне сённяшняе сацыяльнае няроўнасць між жонкай і каханкай, між народжаным у шлюбе і пазашлюбным дзіцём [16, s. 6]. Сённяшняе ж грамадства падмяняе гэтакія фактычна эканамічнае пытанне ўдаванымі маральнымі праблемамі.

З аднаго боку, перад намі характэрны лева-радыкальны феміністычны дыскурс пералому XIX і XX ст.: спадзева на дзяржаву будучыні і апалогія больш актыўнага і кіраванага ідэаламі справядлівасці ўмяшальніцтва дзяржавы ў рынкавыя стасункі; рэдукцыянісцкі падыход (індывідуальныя і асабістыя адрознасці мусяць быць зняты абстрактна-сацыялагічным поглядам, патрэбы жанчын зводзяцца да пераважна біялагічных); развядзенне этычных і эканамічных пытанняў з перавагай відавочна адданай апошнім – большасць, здавалася б, невырашальных маральных дылемаў сучаснасці знаходзяць свае

развязанне ў простым пераразмеркаванні сродкаў. Нават істотнае для думак Кодзіс-Крыжаноўскай разрозненне паміж сапраўднымі прагненнямі і мэтамі жанчын і іх сённяшнімі памылковымі ўяўленнямі аб сабе вельмі падобнае і, відаць, сканструявана па аналогіі з характэрна марксісцкай дыхатаміяй «класа ў сабе» і «класа для сябе».

З другога боку, у аўтаркі «Сямейнага пытання...» не назіраецца характэрнага для таго ж марксізму гістарычнага эсхаталагізму. Яна выступае не столькі за рэвалюцыйнае пераўладкаванне ўсяго грамадства, колькі за яго рэфармаванне, лічыць, што яго праблемы можа развязаць адпаведная падатковая і субсідыяльная палітыка.

Але найбольш ярка адметнасць падыходу і ідэй Кодзіс-Крыжаноўскай на тле тагачаснага лева-радыкальнага фемінізму праступае акурат у яе развязаннях асноўных праблем брашуры: паслядоўна бароніць выхаваўчую і адукацыйную ролю жанчын-маток. Не толькі апрагэстоўвае саму ідэю магчымай «нацыялізацыі» гэтых функцый грамадствам, але наадварот – менавіта ў сямейным, мацярынскім гадаванні бачыць засцярогу ад празмернага апіякунства, а значыць, і ідэалагічнага кантролю з боку дзяржавы. У якасці гіпотэзы выкажам здагадку: рашучую ролю ў станаўленні такіх нехарактэрных для яе часу і атачэння поглядаў адыграла ўласная біяграфія аўтаркі і культурна-палітычныя рэаліі «заходніх губерняў», дзе толькі сямейнае выхаванне і мацярынскія ўплывы маглі захаваць у дзіцяці багатыя і размаітыя культурныя традыцыі краю, пагроза якім сыходзіла акурат ад адзяржаўленай гаманегізуюча-русіфікатарскай школы.

Нечакана і арыгінальна для тыхчасовага сацыялістычнага дыскурсу гучыць і ўшанаванне аўтаркай чалавечай індывідуальнасці, якая ў яе вачах уяўляе каштоўнасць і мэту саму па сабе і павінна быць падтрыманай і культываванай як у жанчыне, паняволенай густамі і меркаваннямі грамадства, так і ў выхаванні наступных пакаленняў чалавецтва. Супярэчнасць жа культурных шаблонаў і жыцця, лапідарна, але станоўка праведзеная Кодзіс-Крыжаноўскай, наогул гучыць як папярэдняя рэпетыцыя «Адвечным шляхам» Ігната Абдзіраловіча.

Літаратура

1. Долотова, О. В. Культурно-просветительская работа интеллигенции в Беларуси (1907–1914 гг.) / О. В. Долотова // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. – Мінск, 2015. – Вып. 10. – С. 17–27.
2. Грицкевич, В. П. С факелом Гиппократы : из истории белорусской медицины / В. П. Грицкевич. – Минск : Наука и техника, 1987. – 270 с.
3. Банькоўскі-Цюліг, М. Студэнты і студэнткі з Беларусі ў швейцарскіх універсітэтах (XVI – пачатак XX ст.) / М. Банькоўскі-Цюліг // Беларусіка 6 : Беларусь паміж Усходам і Захадам. Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. – Мінск, 1997. – Ч. 2. – С. 83–90.
4. Bednarczuk, M. Konstytucje «niepokornej». Wokół biografii Józefy Kodis z Krzyżanowskich / M. Bednarczuk // Sztuka Edycji. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 133–167.
5. Walewska, C. Kobieta polska w nauce / C. Walewska. – Warszawa, 1922. – 33 s.
6. Jadczyk, R. Teoriopoznawcze podstawy filozofii józefy kodisowej / R. Jadczyk // Acta Universitatis Nicolai Copernici Filozofia VI. – Nauki humanistyczno-społeczne. – 1982. – Zeszyt 130. – С. 47–66.
7. Maternicki, J. Filozofowie o historii 1899–1918 (Adam Mahrburg, Józefa Kodisowa, Florian Znaniecki) / J. Maternicki // Przegląd Humanistyczny. – 1979. – № 9. – С. 79–90.
8. Стейла, Д. Наука и революция Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.) : рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.) / Д. Стейла ; пер. с итал. О. Поповой. – М. : Акад. Проект, 2013. – 363 с.
9. Kodis, J. Zur Analyse des Apperceptions begriffes : Eine Historisch Kritische Untersuchung / J. Kodis. – Berlin : Verlag Von S. Calvary, 1893 – 202 s.
10. Kodisowa, J. Ze wspomnień osobistych / J. Kodisowa // Gabriel Narutowicz : pierwszy Prezydent Rzeczypospolitej. Księga pamiątkowa. – Warszawa 1925. – С. 33–49.
11. J. Kodisowa z Krzyżanowskich [Wspomnienia z lat ok. 1870–1890] // Biblioteka Narodowa. – Rps akc. 13.660.
12. List Williama Jamesa do Józefy Kodis // Biblioteka Narodowa. – Rps akc. 13661.
13. List Johna Deweya do Rektora Jordana // Biblioteka Narodowa. – Rps akc. 13661.
14. Blobaum, R. E. The «Woman Question» in Russian Poland, 1900–1914 / R. E. Blobaum // Journal of Social History. – 2002. – Vol. 35, № 4. – P. 799–824.
15. Stegmann, N. Die Töchter der geschlagenen Helden. Feminismus und Frauenbewegung in Polen 1863–1919 / N. Stegmann, – Wiesbaden 2000. – 283 s.
16. Kodisowa, J. Kodisowa Kwestya rodziny w sprawie kobiecej / J. Kodisowa. – Warszawa 1909. – С. 1–6.

Социокультурная обусловленность саморазвития личности

А.С. РОМАНОВА

Статья посвящена философскому анализу внешних факторов, которые детерминируют саморазвитие личности. Сделан акцент на социокультурных факторах, таких как инкультурация и социализация. Автор также подчеркивает, что к экстермальным факторам саморазвития личности относятся также биогенетические факторы (наследственность) и влияние внешней физической среды. Сделан вывод о том, что социокультурный и личностный прогресс тесно связаны. С одной стороны, развитие общества и культуры обусловлено уровнем развития качеств и характеристик личности как субъекта социокультурного бытия. С другой стороны, процесс саморазвития личности требует определенных возможностей и среды, которая создает как препятствия, так и возможности.

Ключевые слова: личность, общество, культура, саморазвитие, развитие.

The article is devoted to the philosophical analysis of external factors that determine the self-development of the individual. The emphasis has been placed on socially cultural factors such as enculturation and socialization. The author also emphasizes that external factors of personality self-development also include biogenetic factors (heredity) and the influence of the external physical environment. It has been concluded that sociocultural and personal progress are closely related. On the one hand, the development of a society and culture is determined by the level of the development of the qualities and characteristics of the individual as a subject of sociocultural existence. On the other hand, the process of personal self-development requires certain opportunities and an environment that creates both obstacles and opportunities.

Keywords: personality, society, culture, self-development, development.

Саморазвитие личности – это процесс самоуправляемого становления, развития и совершенствования качеств, свойств и функций личности, относящихся к физическому, социальному и духовному аспектам ее бытия под влиянием различных факторов. Вопрос личностного развития в современном научном знании является достаточно актуальным, и различные его аспекты были рассмотрены многими авторами – представителями не только философского знания, но и психологии, педагогики, социологии, истории и других наук. При этом постоянно сохраняется потребность в научных работах, которые систематизируют проблемы, связанные с динамикой личностного бытия в глобальном социокультурном контексте.

Факторы личностного саморазвития можно разделить на две группы – экстеральные и интернальные. Данное разделение осуществляется нами по отношению к сознанию и воле личности. Следуя избранной логике, к внешнему (экстеральному, социокультурному) аспекту саморазвития личности относятся разнообразные биогенетические факторы (наследственность), влияния и вызовы внешней среды, с которыми сталкивается личность в процессе физического роста и развития, а также инкультурации и социализации. К внутреннему (интеральному) аспекту относятся, прежде всего, мировоззрение личности и система ценностей как его опора, восприятие мира и себя в нем, мотивы и эмоционально-чувственная сфера личности, ее собственная активность, направленность и способность к самовоспитанию и самосозиданию. Важно понимать, что экстеральный социокультурный аспект саморазвития – это не только социальная среда и вся совокупность институтов социализации, хотя социальные факторы очень важны для становления и саморазвития личности. Это также, отчасти, и биологическая данность, и природная среда, и историко-культурный контекст, в котором пребывает личность. Интериоризируясь и преломляясь через личностное сознание, целый ряд экстеральных факторов развития личности становятся для нее интернальными факторами саморазвития. Но, в целом, изначально движущие источники развития личности находятся за ее пределами – во внешней реальности. Так, не случайно вплоть до описанного многими авторами «бунта подросткового возраста», когда происходит постепенный переход от состояния ребенка к состоянию взрослого, человек нуждается в заботе, воспитании и обучении извне. Изначально, рождаясь, ребенок не может выжить и развиваться без внешней помощи – кормления, ухода, общения и т. п.

Структурно феномен саморазвития личности включает следующие элементы: 1) субъект; 2) объект; 3) характер субъект-объектных отношений [1, с. 58]. Если в случае

развития личность выступает объектом развивающего воздействия для неких внешних сил и факторов, то в случае саморазвития личность сама для себя одновременно является и субъектом и объектом процесса развития.

Для полноты картины в контексте философского исследования феномена личностного саморазвития необходимо учитывать методологические наработки в области психологии личности, накопленные благодаря трудам Л.С. Выготского [2], [3], Э. Геккеля, И.С. Кона [4], С.Л. Рубинштейна [5], З. Фрейда [6], С. Холла и др.

В психологии принято разделение факторов развития и саморазвития личности на биогенетические факторы и факторы среды (факторы воспитания). Вопрос о том, какие же факторы являются доминирующими в становлении личности, не имеет однозначного ответа. Вероятно, потому, что оба типа факторов одинаково важны и играют в личностном саморазвитии свою неповторимую роль. В историческом порядке первым сформировался биогенетический (эволюционно-генетический) подход. Его сторонниками были многие представители психоанализа и бихевиоризма, в том числе – З. Фрейд, С. Холл, Б. Бюллер и др. В основе данного подхода лежал биогенетический закон Э. Геккеля, который звучит следующим образом: «в онтогенезе каждый индивидуальный организм непосредственно воспроизводит путь филогенетического развития; происходит повторение развития предков от общего корня, к которому данный организм относится» [7, с. 52]. По мнению С. Холла, вся историко-культурная эволюция человеческого общества задана генетически и повторяется на уровне каждой отдельной личности, в связи с чем, в личностном развитии можно выделить определенные стадии, последовательное прохождение которых в течение жизни неизбежно. З. Фрейд и его последователи полагали, что базовые направления для последующего личностного развития закладываются в раннем детстве (до 5 лет). И именно в раннем детстве следует искать пути к исцелению всех психических травм. В контексте эволюционно-генетического подхода саморазвитию личности большого внимания не уделялось, поскольку считалось, что развитие личности зависит, прежде всего, от биогенетических факторов, а дальнейшее ее саморазвитие носит спонтанный характер.

В советской и российской науке XX в. утвердился подход, согласно которому, наряду с неоспоримым влиянием биогенетической основы, на развитие личности накладывает отпечаток социальное воздействие (прежде всего, воспитание и образование). В.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и другие ученые усматривали в социальном воздействии механизмы, которые способны расширить диапазон возможностей развития личности до неограниченных пределов. В этом заключался огромный гуманистический потенциал отечественной науки в воззрениях на человека.

Отечественные традиции психологии, педагогики и философской антропологии делали акцент на том, что с помощью системного и направленного воздействия на личность, ее обучение и воспитание, можно исправить большую часть недостатков, обусловленных даже биогенетическим фактором. В то же время на Западе гораздо больший акцент делался на генотипе и наследственности как таковой, что нередко обостряло вопросы социальной несправедливости, расовой сегрегации и пр. Ярким примером этого служит евгеника – учение о селекции людей путем улучшения их наследственных свойств, разработанное Ф. Гальтоном – двоюродным братом знаменитого Ч. Дарвина. В дальнейшем стали говорить о «положительной евгенике», занимавшейся исследованием воспроизводства людей с общественно полезными признаками (высоким интеллектом, крепким здоровьем и так далее) и «отрицательной евгенике», направленной на формирование мер прекращения воспроизводства лиц с биогенетическими дефектами развития. Как первая, так и вторая ветви евгеники реализовывались на практике в нацистской Германии, в связи с чем, репутация этого учения весьма пострадала. Несмотря на это, идеи, лежащие в основе евгеники, влияли и продолжают оказывать влияние на социальные отношения и даже политику многих современных стран. Термин «евгеника» при этом не используется.

Известным образцом реализации идей положительной евгеники на уровне государственной политики в современном мире является Сингапур. Развитию личности и общества в правительстве Сингапура уделяется особое внимание. Ведущую роль при этом играет концепция воспитания, разработанная в 1984 г. премьер-министром Ли Куан Ю. Сингапурские социологи в конце XX в. пришли к выводу, что большой процент высокообразованных женщин отказывается от создания семьи. Соответственно большой процент мужчин берет в жены бедных и необразованных женщин. В связи с чем премьер-министр Ли Куан Ю издал указ, призванный обеспечить основу для формирования в сингапурском обществе полноценных семей, способных растить здоровое и интеллектуально развитое потомство [8].

Формально в Европе и США евгеника не является мировоззренческой основой для формирования государственной политики. В статье 3 Хартии основных прав европейского союза от 7 декабря 2000 г. запрещена практика селекции человека. Конвенция о биомедицине и правах человека (2005 г.) также запрещает любую форму дискриминации по признаку генетического наследия, а также модификацию генома человека. Но в политической реальности многих стран мира (в особенности – развитых стран Запада) присутствует биополитика, которая опирается на многие идеи, используемые евгеникой. Как отмечают в своей статье Е.В. Андриенко и И.М. Горбачева, еще до появления термина «биополитика» феномен биологической власти как власти над жизнью и стремление государства управлять жизнью личности и социума существовал в политической практике эпохи Нового времени. Это выражалось в формировании и функционировании таких общественных институтов, как армия, школа, система здравоохранения (в частности, практика массовой вакцинации населения), спортивные организации и т. п. [9, с. 41].

По мнению М. Фуко, начиная с XVIII в. государство рассматривает нацию как единое коллективное биологическое тело, которым можно управлять, санкционируя те или иные телесные практики посредством системы здравоохранения, демографической политики, учреждений физической культуры и политики в области сексуальных отношений. Кроме того, государство располагает легитимным и монопольным правом на насилие. В связи с выводами М. Фуко и других авторов (А. Негри, Д. Чэндлера и так далее), может показаться, что биополитика касается только общества в целом и не затрагивает вопросы личности и ее развития. Но это далеко не так. Дж. Агамбен показывает, что биополитика зародилась еще в Древнем Мире. Для его описания в Античной Греции использовались два понятия – *zoe* (жизнь в широком смысле слова) и *bios* (индивидуальный образ жизни) [10, с. 142]. Внутри правовой системы государства, согласно концепции Дж. Агамбена, индивид представляет собой *homo sacer* (соответственно его жизнь – это *vita sacra*, включенное исключение, находящееся одновременно внутри и вне правового поля). Граница правового поля является сферой власти суверенного правителя. Он может приостановить действие правовых норм и ввести чрезвычайное положение, в случае чего в полной мере проявляется *zoe* – жизнь сама по себе, полностью зависящая от решений суверена. Субъектом права личность становится лишь тогда, когда добровольно передает свою жизнь официальной государственной власти и становится *homo sacer*. В таком случае любой государственный режим является биополитическим, направленным на контроль и «схватывание» жизни как таковой (*zoe*). Уровень и характер развития государства в этом аспекте как раз определяется уровнем развития осознанности и свободы, которыми располагает в нем отдельно взятая личность, становящаяся субъектом биополитики, или же выступающая только лишь ее пассивным объектом.

В философском исследовании саморазвития личности как социокультурного феномена особую роль играет анализ влияния социокультурной среды на этот процесс. Но это нисколько не призвано нивелировать или принизить роль биогенетических оснований личностного развития. Личность является сложной и целостной системой, в которой биологическое и социокультурное начала практически неразделимы.

Мы придерживаемся традиций, заложенных отечественными науками о человеке, которые обосновали, что именно от социокультурного фактора в итоге зависит личностное становление и самосовершенствование человека. В связи с этим остро стоит вопрос знаний о механизмах личностного развития и саморазвития, этапах и динамике этого процесса, которые позволяют родителю, педагогу или воспитателю оказывать максимально конструктивное воздействие на личность ребенка с первых этапов его личностного развития.

Развитие личности в результате социализации предполагает диалектический процесс взаимосвязанных количественных и качественных изменений, затрагивающих телесную и психическую организацию, познавательную, творческую и другие сферы психики, становление личностного мировоззрения.

Движущими силами личностного развития в процессе социализации и инкультурации являются противоречия внешнего и внутреннего характера. Там, где нет противоречий и препятствий (а значит – их преодоления), нет и самого процесса развития. Внешние противоречия обусловлены конфликтами личности и социальной, природной и культурной среды, с которой она сталкивается. Внутренние противоречия формируются как внутренние конфликты с самим собой (борьба мотивов, побуждений, чувств). К основным типам внутренних противоречий, возникающих на пути личностного развития, относятся: 1) противоречия между потребностями и ресурсами для их удовлетворения; 2) противоречия между новым

уровнем физического, психологического и духовного потенциала и прежними формами выстраивания социальной активности и отношений; 3) противоречия между возрастающими социальными требованиями и актуальным уровнем развития личности.

В соответствии с определением Э.В. Снимшиковой, социализация – это «процесс развития и становления личности, который включает в себя трансляцию социокультурного опыта от общества к личности, усвоение личностью требований общества, присвоение норм, правил поведения, в результате чего происходит адаптация; и собственную интерпретацию полученного опыта, то есть индивидуализацию» [11, с. 115]. Социализация – это процесс, который не прерывается никогда, пока личность взаимодействует с социальной средой. Особое значение социализация имеет в период начального становления личности. Но и в дальнейшем процесс социализации продолжается. Общество находится в процессе непрерывных изменений, к которым личность адаптируется, одновременно оказывая влияние на общество. Иными словами, социализация – это всегда процесс коэволюции, в результате которого развивается как личность, так и окружающая социальная среда. Усваивая социальный опыт, личность преобразует его в собственные установки, ценности и мировоззренческие ориентиры, способы деятельности и мышления, делая их основой для своего саморазвития.

Институты социализации делятся на первичные (семья, учебные учреждения, малые социальные группы) и вторичные (СМИ, религия, политика, право, армия и т. д.). В процессе социализации личность получает инструменты, с помощью которых творит свое Я на протяжении всей жизни.

Механизмами социализации выступают не только обучение и воспитание, но и освоение ролевых моделей, неосознанное подражание образцам мышления, реагирования, действия, осознанная имитация этих аспектов, а также идентификация – соотнесение себя с определенной группой (семьей, этносом, нацией) и усвоение принятых в этой группе ценностей и мировоззренческих идей. Личность в современном обществе стремится к динамичному равновесию двух векторов – социальной идентификации и индивидуальной реализации. Во многих постсоветских обществах существует проблема недоразвитости второго вектора, что в целом свидетельствует о недостаточно мощном личностном начале в обществе. Без преодоления этого дисбаланса дальнейший социальный прогресс не представляется возможным. Личность реализует сущность своих мировоззренческих представлений именно в индивидуальных действиях, но разворачиваются эти действия в социальной плоскости. Идентификационный вектор личностного саморазвития ориентирован наружу, а индивидуальный вектор – внутрь личностной экзистенции. Идентификационный вектор несет в себе элемент пассивности, а индивидуальный вектор воплощает собственную активность личности. В условиях нарастания глобальной нестабильности современного мира личности следует искать опору в своем внутреннем мире, ориентироваться в своем развитии именно на идею индивидуальной реализации, а не только идентифицировать свое Я с теми или иными политическими, этническими, социальными или другими группами.

В ходе социализирующей деятельности проявляются сущностные свойства личности, и реализуется ее творческий потенциал. В психике личности содержатся необходимые для саморазвития задатки и механизмы, но актуализироваться они могут, только сталкиваясь с определенными препятствиями, сложностями и опытом, который подталкивает личность к раскрытию ее потенциала.

Как в зарубежной, так и в российской науке процесс социализации личности принято рассматривать, преимущественно, через призму сознания и сознательных процессов. Но современные исследования все больший акцент делают на неосознаваемых аспектах социализации и личностного саморазвития. С. Белухина описывает результаты зарубежного исследования, опубликованные в научном издании «*Frontiers of Psychology*» в 2017 г., на тему «Погоня за радугой: бессознательная природа бытия» [12]. Основная идея этого исследования заключается в том, что опыт сознания – это не ведущий опыт личности, а пассивное сопровождение бессознательных процессов «внутреннего вещания» и создание личного поведения. Человеческий мозг ориентирован в первую очередь на распознавание собственных чувств и ощущений, и только во вторую очередь – на формирование выводов, обобщений и умозаключений. Итак, внутреннее наполнение сознания не полностью происходит из сознательного опыта, а берет начало в неосознанной мозговой деятельности. Личностное сознание, согласно выводам данного исследования, подобно радуге, которая сопутствует физическим процессам в атмосфере, но не оказывает на них никакого влияния. Насколько справедливы эти выводы, покажет время и дальнейшие исследования личности, но важная роль бессознательных процессов была обоснована еще основателями психоаналитической философии. В связи с

этим, все больше современных специалистов в области образования и воспитания, психологов, педагогов и социальных работников, говорят о необходимости развития эмоционального интеллекта личности. К сфере чувств и умению считывать собственные ощущения как к источнику познания мира и личностного саморазвития призывают обращаться и представители философской и политической аналитики (например, А.П. Девятков [13]).

Наряду с социализацией, неотъемлемым экстернальным аспектом саморазвития личности выступает инкультурация. В результате инкультурации как усвоения социокультурных достижений, идей и универсалий своей эпохи, формируется личностная культура. В культуре личности можно выделить три основных уровня: 1) когнитивный уровень (включает систему знаний личности о природе, обществе и себе самой); 2) эмоционально-чувственный уровень (включает чувства, эмоции, переживания, стремления); 3) деятельностный уровень (включает умения и навыки, применяемые в различных сферах деятельности личности – в том числе, умения и навыки коммуникации, реагирования на окружающий мир, совладания с кризисными ситуациями и т. д.). Первые два уровня можно условно назвать «внутренними», а третий – «внешним», поскольку знания, мысли и чувства личности проявляются вовне именно в деятельности. Но очевидно, что ни один из уровней культуры личности не является автономным, а здоровая личность, способная к саморазвитию, представляет собой целостность мышления, чувствования и поведения.

Культуру личности можно разделить на типы согласно с различными критериями. По критерию уровня проявления выделяется культура мышления, поведения (социальная культура), коммуникации, деятельности и др. По критерию сферы деятельности – культура личности может быть политической, правовой, экономической, религиозной, эстетической.

В.А. Ремизов определяет культуру личности как «то надприродное образование в человеке, которое делает его созидателем» и включает в нее образованность, воспитанность, нравственность и духовность [14, с. 14]. Нравственность здесь трактуется в гегелевском понимании – как внутренний аспект личностного сознания, связанный не со страхом общественного осуждения в случае нарушения моральных норм общества, а с внутренним чувством справедливости и внутренних убеждениях. Духовность может быть как религиозной, так и светской. При этом в личностном сознании даже светская духовность, такая как гуманизм (с его идеей человека как цели социокультурной деятельности, а не ее средства), во многом основывается на моральных принципах, отраженных в мировых религиозно-мировоззренческих системах. Усвоение этих принципов происходит естественным образом – через сферы самой культуры, в том числе – через литературу, пословицы и поговорки, систему норм и ценностей. Так, современная секулярная культура Запада невозможна без целого ряда христианских ценностей, лежащих в ее основе и ставших частью научного мировоззрения (идея упорядоченности и рациональности мира), этики, искусства и т. п. Уровень культуры личности тем выше, чем выше ее творческое созидательное развитие. По мнению В.А. Ремизова, в контексте светской духовности можно говорить, с одной стороны, об эстетической, этической, художественной, экологической, экономической, политической, правовой духовности; с другой стороны – о рационалистической, чувственно-созерцательной и абстрактно-виртуальной; с третьей стороны – об аполлонической и дионисийской [14, с. 15]. Эту типологию можно продолжить, основываясь на широком разнообразии моделей мышления, сфер общественного сознания и форм культуры. От духовности и гуманизма следует отличать псевдодуховность и псевдогуманизм как гипертрофированный антропоцентризм, культу эгоистических наклонностей и оправдание любых средств личностного самоутверждения.

Возможности личностного саморазвития и личностной самореализации в социуме определяются также факторами экономического и политического характера. Не случайно наиболее индивидуалистическими и личностно-центрированными являются страны «золотого миллиарда». Рост финансового состояния способствует росту психологической и социальной независимости, поэтому индивидуалистическое мировоззрение более развито в богатых западных странах по сравнению с менее развитыми в экономическом смысле странами Востока. Уровень развития личности не определяется непосредственно уровнем благосостояния, но очевидно, что в странах с благополучной политической и экономической обстановкой возможностей и ресурсов для личностного саморазвития больше, чем в странах, переживающих кризисную ситуацию. Обратной стороной развития личности в обществе экономического благосостояния и

политической стабильности является культивация эгоизма и стремления к наживе. В то же время, именно в результате проявления этих аспектов западное общество сформировало ряд таких выдающихся личностей как Дж. Рокфеллер, Г. Форд, Г. Хаджес, Р. Веско и др.

Существует позиция, наиболее ярко представленная в трудах М. Вебера, согласно которой не финансово-экономическое благополучие является фактором формирования индивидуализма и высокого уровня личностного развития, а именно индивидуалистическое мировоззрение и развитое личностное сознание граждан выступает фактором успешного экономического развития. Примером является описанное М. Вебером в работе «Протестантская этика и дух капитализма» прогрессивное влияние индивидуалистического и личностно-ориентированного протестантизма на экономику стран, в которых он распространился. Следовательно, данный вопрос открыт для дальнейшего обсуждения. В целом, очевидно, что в развитом обществе экономическая, социокультурная и политическая сферы должны соотноситься не только с материальными целями, но и с духовными смыслами, наполняющими личностное сознание. Именно в этом случае создается социокультурная среда, обеспечивающая коэволюцию как общества и культуры, так и личности.

Таким образом, в развитии и саморазвитии личности можно выделить экстернальные и интернальные факторы. К экстернальным факторам относятся влияния и вызовы внешней среды (как природной, так и социокультурной), а также биогенетические детерминанты развития. К внутренним факторам относятся мировоззрение личности и система ценностей как его опора, восприятие мира и себя в нем, мотивы и эмоционально-чувственная сфера личности, ее направленность и способность к самовоспитанию и самосозиданию. Социокультурный и личностный прогресс тесно взаимосвязаны. С одной стороны, развитие общества и культуры обусловлено уровнем развития качеств и характеристик личности в различных ее проявлениях – как гражданина, как члена семьи, как производителя и потребителя, как познающего и ценностно-ориентирующего субъекта социокультурного бытия. С другой стороны – процесс саморазвития личности требует определенных возможностей и среды, которая создает как препятствия и противоречия для данного процесса, так и конструирует возможности.

Литература

1. Щукина, М. А. Субъектный подход к саморазвитию личности: возможности теоретического понимания и эмпирического изучения / М. А. Щукина // Психология. Журнал ВШЭ. – 2014. – Т. 11, № 2. – С. 7–22.
2. Выготский, Л. С. Вопросы детской психологии / Л. С. Выготский. – М., 2019. – 160 с.
3. Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. – М., 1956. – 519 с.
4. Кон, И. С. В поисках себя : Личность и ее самопознание / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 1984. – 335 с.
5. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2017. – 288 с.
6. Фрейд, З. Бессознательное / З. Фрейд. – СПб. : Питер, 1998. – 407 с.
7. Микрюкова, Т. Ю. Факторы саморазвития личности / Т. Ю. Микрюкова // Сибирский психологический журнал. – 2003. – № 18. – С. 52–54.
8. Козлов, Н. И. Сингапур. Евгеника. Процветание [Электронный ресурс] / Н. И. Козлов // Психологос. – Режим доступа : <https://www.psychologos.ru/articles/view/singapur-evgenika-procvetanie>. – Дата доступа : 17.07.2022.
9. Андриенко, Е. В. Мировоззренческие измерения биополитики : социально-философский анализ / Е. В. Андриенко, И. М. Горбачева // Экономич. и соц.-гум. исследования. – 2020. – № 3 (27). – С. 39–46.
10. Агамбен, Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – М., 2011. – 256 с.
11. Снимщикова, Э. В. Социализация и позитивные девиации личности / Э. В. Снимщикова // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 1. – С. 114–116.
12. Белухина, С. «Сознание – лишь радуга над бездной» : как бессознательные процессы формируют нашу личную историю [Электронный ресурс] / С. Белухина // Моноклер. – Режим доступа : <https://monocler.ru/kak-vzaimodeystvuyut-soznatelnoe-i-bessoznatelnoe/>. – Дата доступа : 19.07.2022.
13. Девятов, А. П. Разведка сознания и времени. Новые грезы о земле и небе / А. П. Девятов. – М. : Жигульский, 2022. – 224 с.
14. Ремизов, В. А. Культура личности как ресурс развития общества / В. А. Ремизов // Вестник МГУКИ. – 2011. – № 5 (43). – С. 13–18.

Перспективы глобального моделирования деформаций социобиосферного комплекса

В.К. СТЕПАНЮК

В статье рассматривается проблема безопасного существования человечества в условиях техногенной среды обитания. Обращается внимание на то, что современное общество постоянно сталкивается с проблемой технологических рисков. Особенностью данных рисков является то, что катастрофические последствия причиненного обществу вреда вызывают изменения во всей социальной системе. Показано, что перспективным направлением работ в области прогнозирования и предотвращения воздействия опасных техногенных факторов на окружающую среду является разработка и внедрение концепции риска. Это предполагает использование эвристического потенциала методов глобального моделирования социобиосферных процессов.

Ключевые слова: глобальное моделирование, синергетический эффект, социальная система, техногенная сфера, технологический риск, экологический мониторинг, экосистема.

The article deals with the problem of mankind safe existence in a technogenic environment. The author draws the attention to the fact that the modern society is constantly facing with the problem of technological risks. These risks are extraordinary as the catastrophic consequences of harm caused to the society cause changes in the entire social system. It is shown that the development and implementation of the concept of risk is a promising area in the field of forecasting and preventing the impact of hazardous technogenic factors on the environment. This involves using the heuristic potential of methods for global modeling of socio-biospheric processes.

Keywords: global modeling, synergetic effect, social system, technogenic sphere, technological risk, ecological monitoring, ecosystem.

Своеобразие современного этапа во взаимодействии человека и природной среды заключается в глобализации и переплетении всех экологических проблем: как тех, которые и раньше беспокоили человечество, так и новых, характерных для настоящего времени. Предметом особой тревоги являются потенциальные экологические опасности, грозящие человечеству, поскольку их специфика заключается в том, что они могут актуализироваться в любое время, принося огромные потери.

Основной задачей, которая встает перед цивилизацией, является проблема оценки предельных нагрузок на природу, которые еще разрешены человечеству. В условиях усложняющейся действительности социально приемлемым и перспективным методом познания объективной реальности становится глобальное моделирование. Оно открывает широкие возможности не только для теоретического познания природной и социальной реальности, но и для практического решения вопросов, связанных с разрешением глобальных проблем.

Многие социологи определяют современное состояние, в котором пребывает глобальный социум, как «общество риска». По мнению У. Бека: «мы живем в “обществе риска”, которое чревато катастрофами. Его нормальным состоянием является чрезвычайное положение, а главной ценностью – безопасность» [1, с. 27].

Английский социолог Э. Гидденс утверждает, что риск является «ключом к пониманию базовых характеристик современного мира» [2, с. 17]. Он выделяет два вида риска: внешний по отношению к обществу, связанный с объективными законами природы; производный, возникающий в результате деятельности человека. В сложных системах, где взаимодействует человек и техника, может происходить слияние этих рисков, в результате чего усложняется их регулирование.

Риски существуют в любом обществе. В традиционном обществе риски были связаны преимущественно с факторами природного характера. Для современного этапа развития человеческого общества характерно бурное развитие техногенной сферы. Это развитие сопровождается появлением принципиально новых технологий, созданием новых отраслей науки и техники. Обратной стороной столь стремительного научно-технического прогресса стало появление ранее не существовавших реальных и потенциальных угроз для человека и среды его обитания.

С развитием человеческой цивилизации к природным катаклизмам прибавился техногенный фактор, связанный с нарушением целостности экосистем в результате промышленно-производственной деятельности человека и техногенных катастроф. Полностью избежать техногенных катастроф и аварий невозможно, но снизить их число, уменьшить масштабы последствий таких аварий и катастроф для человека, окружающей среды и экономики вполне возможно.

Современное общество постоянно сталкивается с проблемой технологических рисков. При расчете технологических рисков часто не учитывается, какое отрицательное воздействие сегодняшние научные эксперименты или рискованные инженерные действия могут оказать на последующие поколения людей. «Причиной этому, отмечает В.Г. Горохов, могут стать легкомыслие, халатность или злой умысел, освоение новых еще недостаточно изученных технологий или же рутинная деятельность по обслуживанию уже давно функционирующих технических систем. Все это накладывает свой отпечаток на оценку рисков» [3, с. 82].

Отличительной особенностью современных технологических рисков является то, что катастрофические последствия причиненного обществу вреда вызывают изменения в социальной системе в целом. Пример тому – Чернобыльская катастрофа. «Начавшись как чисто “техническая проблема”, спровоцированная “человеческим фактором” (ошибками в работе персонала, обслуживающего атомную станцию), эта авария внесла немалый вклад в развал всей советской социально-политической системы, так как обнажила многие ее слабые места и продемонстрировала неспособность системы к саморазвитию в условиях нового этапа НТР, роста глобальной конкуренции» [4, с. 235].

Чернобыль многому научил: атомные электростанции стали модернизировать и повышать безопасность их эксплуатации. Была введена система не только внутреннего, но и внешнего радиационного контроля – экологического мониторинга в санитарно-защитной тридцатикилометровой зоне вокруг АЭС.

На наш взгляд, целесообразно рассматривать критерии адекватного реагирования на технологические вызовы с точки зрения их влияния на сложившиеся в человеческом обществе виды деятельности. «Можно выделить четыре базовых критерия для их оценки: продуктивность, безопасность, удовлетворенность и развитие субъектов и самих видов деятельности. По аналогии эти же критерии можно применить к оценке реагирования на технологические вызовы, что позволяет выделить четыре направления реагирования на них» [5, с. 73].

Атомная энергетика – сложный и многоотраслевой комплекс. В случае аварии материальный ущерб измеряется огромными суммами, а цена человеческой жизни и ущерб природе просто не поддаются измерению. Экологичность любой АЭС находится в прямой зависимости от степени ее безопасности. Безопасность самой АЭС – это безопасность лишь одной части всего механизма ядерно-энергетического комплекса, включающего в себя промежуточные хранилища радиоактивных отходов, их транспортировку, безопасность могильников радиоактивных шлаков и т. д. К катастрофе может привести авария в любом из звеньев ядерно-энергетического комплекса.

Перспективным направлением работ в области прогнозирования и предотвращения воздействия опасных техногенных факторов на население и окружающую среду является разработка и внедрение концепции риска. На наш взгляд, основными этапами анализа и управления риском должны быть:

- идентификация опасного техногенного воздействия, в том числе вероятностей реализации различных сценариев развития аварий;
- идентификация экономических показателей объектов до и после воздействия (оценка ущерба);
- комплексная оценка риска;
- сравнение и выявление относительной значимости рисков;
- основные принципы принятия управленческих решений.

Следует отметить, что прогнозирование катастроф любой природы представляет собой очень сложную задачу. Это вызвано неполнотой исходной информации, трудностями математического и вычислительного характера и т. д. «Математические модели катастроф сами

по себе не предотвращают катастрофы, однако они указывают на некоторые общие черты самых разных явлений скачкообразного изменения режима системы в ответ на плавное изменение внешних условий» [6, с. 98].

Принципиальное значение для обеспечения максимальной безопасности АЭС имеет вопрос о ее размещении. АЭС и окружающая ее среда представляют собой единую систему, состоящую из двух подсистем – подсистемы «АЭС» и подсистемы «окружающая среда». Гармоническое взаимоотношение этих подсистем возможно только при условии управления всей системой в целом. Целью этого управления является обеспечение такого состояния, при котором воздействие одной системы на другую не приводит к ее неустойчивости, к нарушению ее нормального функционирования.

Для того чтобы достичь оптимального взаимоотношения антропогенного объекта АЭС с природными объектами – экосистемами региона АЭС, необходим экологический подход. Этот подход подразумевает прежде всего разработку норм допустимого воздействия загрязнителей АЭС, учитывая их синергетические эффекты. Экологический подход к нормированию взаимоотношений АЭС и окружающей среды ставит своей задачей обеспечить здоровое существование биоценозов региона АЭС и нормальное функционирование АЭС. Нормирование воздействий АЭС на биоценозы ее региона, а также решение проблемы управления радиационным состоянием системы «АЭС – окружающая среда» ставят перед специалистами задачи организации и осуществления в регионе АЭС радиационного экологического мониторинга.

Радиационный экологический мониторинг в регионе АЭС имеет своими целями:

- определение возможных последствий радиационных воздействий радиоактивных поступлений с АЭС на наземные и водные экосистемы;
- получение и накопление информации для выработки экологических норм радиационного воздействия на экосистемы;
- получение информации для прогноза и оценок длительных радиационных воздействий; информации и параметров для построения математических моделей, используемых, в частности, в системе управления радиационным состоянием системы «АЭС – окружающая среда»;
- установление показателей, характеризующих состояние экологической системы, то есть выбор тех величин и определение их значений, которые позволяют оценить, находится ли экосистема в устойчивом состоянии;
- обеспечение в конечном итоге сохранности (в допустимых пределах) природных объектов региона АЭС при оптимальных условиях ее эксплуатации [7].

Аварии на ЧАЭС и ряде других зарубежных атомных станциях указывают на необходимость более тщательного экологического обоснования выбора площадок для атомных станций, оптимизации проведения экологического мониторинга с использованием биоиндикаторов, более углубленного изучения воздействия АЭС на флору и фауну. Более глубокое экологическое обоснование выбора потенциальных площадок поможет значительно уменьшить возможные расходы на природоохранные мероприятия, уменьшить риск исчезновения редких видов, сохранить для рационального использования биологические ресурсы региона.

Неотъемлемой чертой общества риска является рефлексивность, то есть способность осознавать складывающуюся ситуацию, осмысливать появляющиеся возможности развития. «В настоящее время от изучения изолированных объектов мы переходим к глобальным системам с неопределенными границами. Проектирование сдвигается от технических объектов к техноприродным и человеко-машинным системам, поскольку при проектировании и сооружении сложного инженерного объекта (например, АЭС) необходимо учитывать массу нетехнических факторов, в первую очередь социальных. Учет этих тенденций требует совершенно иного подхода к планированию сложного инженерного объекта (или системы) и управлению информацией о различных этапах его создания и функционирования» [8, с. 100].

Принятие решений на основе целостного видения всех аспектов жизненного цикла сложной технической системы предполагает подготовку высококвалифицированных инженерных кадров. Они должны обладать компетенциями системного проектирования, системного анализа, системного синтеза знания. Есть надежда, что способность к рефлексии позволит сохранить баланс общества и природы, а также определить пути дальнейшего существования человечества.

Литература

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс : Традиция, 2000. – 383 с.
2. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 120 с.
3. Горохов, В. Г. Жизнь в условиях технологических рисков / В. Г. Горохов // Философские науки. – 2012. – № 2. – С. 82–86.
4. Широканов, Д. А. Трансформация «общества риска» и современное белорусское общество / Д. А. Широканов // Системная трансформация общества: инновации и традиции : сб. научн. тр. кафедр соц.-гум. наук. – Брест : УО «БрГТУ», 2011. – Вып. VIII. – С. 232–236.
5. Лепский, В. Е. Проблема сборки субъектов развития в контексте эволюции технологических укладов / В. Е. Лепский // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. – М. : ООО «Издательство МБА», 2013. – С. 67–81.
6. Арнольд, В. И. Теория катастроф / В. И. Арнольд. – М. : Наука, 1990. – 128 с.
7. Методы биоиндикации окружающей среды в районах АЭС / Под ред. Д. С. Павлова. – М. : Наука, 1988. – 162 с.
8. Бояркин, С. А. Онтология жизненного цикла сложных систем. Новые концепции управления в атомной энергетике / С. А. Бояркин, Д. А. Чегодайкин, П. Г. Щедровицкий // Философские науки. – 2012. – № 2. – С. 93–102.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 23.03.2023

Информационная этика: актуальные проблемы и поиск новых стандартов

В.Н. ЯХНО

Статья посвящена анализу проблем воздействия информационных технологий на социальную реальность. В настоящее время цифровая среда в значительной мере стала жизненным миром человека. В этом новом жизненном пространстве трансформируются фундаментальные параметры бытия человека, включая сферу нравственности. Автор прослеживает, как все эти процессы способствуют формированию новых этических запросов и стандартов. Предполагается, что моральные дилеммы информационного общества могут находить варианты решения, благодаря становлению новых направлений в области прикладной этики.

Ключевые слова: цифровое общество, информационные технологии, информационная этика, цифровые ценности, моральные дилеммы.

The article is devoted to the analysis of the problems of the impact of information technologies on social reality. Currently, the digital environment has largely become the life world of a person. In this new living space, the fundamental parameters of human existence, including the sphere of morality, are transformed. The author traces how all these processes contribute to the formation of new ethical requests and standards. It is assumed that the moral dilemmas of the information society can find solutions through the formation of new directions in the field of applied ethics.

Keywords: digital society, information technology, information ethics, digital values, moral dilemmas.

Вся жизнь человека связана с обществом. Современный социум – сложный объект исследования, он изменчив, многогранен и может определяться как общество гражданское, демократическое, глобальное, постиндустриальное, наконец, информационное. Очевидно, что главными трансформирующими факторами современности становятся такие взаимосвязанные процессы как глобализация и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий [1]. Так, согласно данным Международного союза электросвязи (ITU), население нашей планеты сегодня прочно связывает и объединяет мобильная связь и интернет. В настоящее время 97 % населения Земли живет в зоне досягаемости мобильного сотового сигнала, а 63 % женщин и 69 % мужчин пользовались в 2022 г. интернетом. Почти три четверти мирового населения в возрасте десяти лет и старше теперь владеют мобильным телефоном, а молодежь в возрасте 15–24 лет является движущей силой подключения: 75 % молодых людей во всем мире в настоящее время могут пользоваться интернетом [2].

Мировая глобальная сеть изначально формировалась как пространство, где, прежде всего, решаются профессиональные задачи управления данными. Однако со временем «Мировая паутина» стала социальным и коммуникативным инструментом эпохи, а также областью формирования новых этических проблем. Актуальным содержанием современного направления этики – этики информационной – стали не только фундаментальные моральные ценности, среди которых безопасность, ответственность, справедливость, конфиденциальность и личная свобода, но и абсолютно неизвестные ранее, такие как информированное согласие пользователей, цифровая самоидентификация, вариативная идентификация, буллинг, хактивизм, виртуальная анонимность и многие другие.

Данная статья нацелена на исследование современной динамики этической мысли, проявляющейся в возникновении новых «прикладных» направлений в области этических знаний. Статья выполнена на основе анализа, обобщения и систематизации отечественных, российских и зарубежных публикаций Д.Г. Доброродного, А.Е. Войскунского, Е.Ю. Журавлевой, И.Ю. Алексеевой, Дж. Мура, Д. Джонсон, Л. Амур и других.

В связи с актуальностью и востребованностью развития прикладных направлений этики, в том числе исследований, связанных с профессиональной инженерно-технической деятельностью, в настоящее время наиболее интенсивно развивается этика информационная или цифровая, а ее современным течением является компьютерная этика, которая по многим содержательным аспектам пересекается с виртуальной или киберэтикой [3]. Предметом исследования всех этих новых отраслей этики являются такие значимые проблемы, как информационная доступность, сбор информации, безопасность, конфиденциальность или приват-

ность, анонимность, секретность, информационное неравенство и многие другие [4]. Следует подчеркнуть, что новые научные направления всегда опосредованы конкретными социальными запросами. Сегодня они вызваны стремительными изменениями информационно-коммуникационных технологий. Особенностью будней современного человека стала постоянная «привязанность» к нашим телефонам и/или компьютерам. Да и сам человек стал пользователем или юзером. Наши девайсы каждый день что-нибудь нам предлагают: прочитать новости, с кем-то встретиться, забронировать билет, что-то купить, с кем-то познакомиться и т. п. Все эти действия совершаются на основе демографического анализа и истории наших предыдущих коммуникаций с телефоном, ноутбуком и другими приборами.

Современный человек не только постоянно «на связи», он полностью доверяет искусственному интеллекту все свои жизненные помыслы, планы и тайны, в том числе личные привязанности и банковские счета, становясь, по существу, *Homo Virtualis*. Виртуал – «это тип человека, который может быть наделен всеми физическими характеристиками, но освобожден от ограничивающих его существование свойств и условий» [5, с. 56]. Не удивительно, что футуристическая литература, особенно научная фантастика, антиутопии, постоянно отсылают нас к Дж. Оруэллу и Е.И. Замятину, напоминая о тесте Тьюринга. И если в 50–60-е гг. XX в. в области разработок по искусственному интеллекту лишь разрабатывались рабочие программы, то в 2014 г. искусственный интеллект впервые прошел тест Тьюринга [6, с. 95]. Информационные технологии будут развиваться и дальше, а потому многие прогнозируют скорое наступление ситуации превосходства когнитивных возможностей компьютера в сравнении с человеком.

Среди последних достижений цифрового пространства – активный рост так называемых облачных технологий. Разработки в области платформ облачных вычислений привели, одновременно, как к уникальным возможностям, так и к серьезным этическим размышлениям. Облачные вычисления отображают развертывание вычислительных ресурсов через интернет, обеспечивая гибкие и масштабируемые вычисления по требованию из удаленных мест. Примеры включают веб-сервисы электронной почты и календаря, онлайн-платформы для повышения производительности, хранения и обмена файлами. Потребители активно используют платформы и услуги облачных вычислений для обработки, сбора, хранения данных, а также для оказания помощи в решении различных задач. Но по мере роста востребованности облачных вычислений растут и затруднения этического характера. Любая загрузка данных стороннему пользователю, допустим, в рамках научных исследований, требует внимания к необходимому уровню шифрования и доступа к данным, который может быть разрешен внешним агентам, например, страховым компаниям, правоохранительным органам или рекламодателям. Собственно функционирование алгоритмов, которые направляют наше внимание на тот или иной вариант, допустим, рекламы последнее время изучается все чаще, поскольку именно реклама выступает одним из главных раздражителей в информационном обществе.

Алгоритм можно понимать как совокупность вопросов и сложных инструкций для решения какой-либо проблемы. Однако, когда мы имеем дело с алгоритмами, которые получают доступ к личной информации пользователя и на ее основе решают, что ему показывать или не показывать, возникает ситуация, в рамках которой вопрос управления данными смещается к ориентированным на человека проблемам обеспечения безопасности данных и приватности, а, следовательно, к моральным дилеммам.

Таким образом, опасения по поводу безопасности использования личных данных и конфиденциальности связаны и с этическими стандартами по управлению этой информацией, находящейся в облачном хранении. Проблема в том, что облачные провайдеры могут использовать центры обработки данных, разбросанные по всему миру, а они, в свою очередь, могут оказаться за пределами страны гражданства пользователя и ее юрисдикции. Как следствие, это может привести к нарушению прав и свобод граждан, преследованию инакомыслящих. Следует учитывать и то, что в разных местах могут создаваться резервные копии личных данных пользователей. Когда, как, зачем и кем они будут использоваться в дальнейшем – также область безопасности пользователя.

Наибольшее беспокойство морального контекста, связанное с распространением алгоритмов, вызывает тот факт, что искусственный интеллект – это машина, которая обладает автономией в принятии решений, а механизм ее работы не вполне понятен и прозрачен. Проблематике облачных технологий посвящено исследование профессора политической географии Университета Дарема Луизы Амур. Её книга «Облачная этика: алгоритмы и атрибуты, наши и

других» предлагает многочисленные примеры, демонстрирующие нам то, как могут быть не объективны поисковые системы и алгоритмы при принятии решений. Л. Амур убеждена, что алгоритмы не являются ценностно нейтральными, рациональными и свободными от предубеждений. Профессор исследует вопросы безопасности, проблемы правового регулирования и трансформации политической сферы в связи со стремительным внедрением в повседневность информационно-коммуникативных технологий. Она указывает как на новые риски, так и на новые возможности практически во всех сферах жизнедеятельности современного общества, особенно в политической области. Автор анализирует алгоритмы как инструменты апертуры, то есть то, что имеет свойство сужать и/или направлять наше внимание определенным образом. Следовательно, алгоритмы упорядочивают и упрощают окружающий мир, сокращают его разнообразие, в том числе и с целью «облегчить» пользователю принятие решения [7].

Много внимания уделено автором алгоритмам, которые применяются при решении таких деликатных вопросов, как кредитоспособность, здравоохранение, миграция – это жизненно важные аспекты существования человека, его безопасности, поэтому этическая составляющая при принятии решений очевидна. Акцентируется проблема влияния алгоритмов на сферу политики и возможностей современного человека получить достоверную информацию, быть свободным, чувствовать себя в безопасности, содействовать улучшению общества. Поэтому Амур поднимает вопрос о необходимости компьютерной этики, которую она определяет как «облачную». «В этой книге я предлагаю другой способ мышления об этико-политическом аспекте роли алгоритмов. То, что я называю облачной этикой, связано с политическим вариантом формирования отношений, как с самим собой, так и с другими, что происходит все чаще благодаря алгоритмам» [7, с. 7].

Профессор Амур также предлагает новые «моральные соображения», связанные с гометрической обработкой больших данных (Big Data). По ее мнению, распространенное общественное мнение, что они обязательно связаны с массовой слежкой очевидно и справедливо. Большие данные становятся «большими» в результате их размера и скорости поступления. Они не могут быть обработаны обычными методами, а требуют, например, параллельных вычислений тщательно отобранной значимой информации [8, с. 51–52]. Наибольшие опасения со стороны этики, в данном случае, вызывает требование соблюдения конфиденциальности. Специалист по компьютерной этике американский профессор интеллектуальной и моральной философии Дартмутского колледжа Джеймс Мур назвал бы данную сложную ситуацию «концептуальной путаницей», так как не существует нормативного определения «частной информации». Например, публикации в социальных сетях, как правило, считаются публичными, а не приватными. Особенно если пользователи не предпринимают видимых, ответственных шагов по ограничению доступа к своим личным данным. В результате агенты больших данных могут прийти к выводу: пользователь не обозначил требования к конфиденциальности и личная информация свободна для использования.

Полученные с различных онлайн-платформ данные формируют историю поисковых запросов и в реальности могут быть каналом контроля, который обладает свойством детерминаторности и называется «цифровой тенью». Существуют и такие технологии, как цифровой или «виртуальный близнец» – эта модель имитирует особенности поведения пользователя благодаря постоянным дополнениям отслеживаемых сведений и точностью прогнозирования, которая превосходит естественные способности человека. Согласно прогнозам в ближайшей перспективе примерно половина всех этических нарушений будет связана именно с большими данными, особенно в экономической сфере, в бизнесе [5, с. 60].

Однако, следует заметить, при всей вариативности этико-аксиологических понятий, используемых в компьютерной этике, ключевыми категориями были и остаются «ответственность» и «право». Конечно, моральная ответственность и моральное право виртуального пространства находятся в сложных отношениях с юридическими правами, но все современные направления информационной этики, включая киберэтику, постоянно ставят задачу изменения правовых актов, связанных с широким кругом ситуаций, вызванных стремительным развитием технологий [9, с. 48].

Этические вопросы возникают и в связи с проблемой информационного равенства. Так, равенство в доступе к информационно-коммуникационным технологиям становится важнейшим аспектом равенства как социальной ценности. Модель доступности информации нашла отражение в Хартии глобального информационного общества, которая была принята в 2000 г. в Окинаве, в пункте 9 она провозглашает: «Каждый человек должен иметь возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям» [10].

Особенно остро проблемы доступа к технологиям и информации заявляют о себе, когда речь идет о получении доступа к секретным знаниям, защите интеллектуальной собственности, онлайн-терроризме, о политически мотивированных взломах (так называемый хактивизм). Кроме того, нельзя не упомянуть проблему обеспечения технологической анонимности, как для пользователей, так и для тех, кто предоставляет доступ к информации. Анонимность и простота доступа интернет-платформ часто обеспечивают тиражирование «фейковых новостей», создавая условия для кибермошенничества и киберпреступлений.

С удивительной скоростью развиваются и компьютерные вирусные угрозы, вредоносные программы, программы-шпионы. А когда они создаются государственными субъектами, мы входим в мир информационной войны и нового набора моральных дилемм. Сегодня каждая развитая страна в мире ежедневно подвергается кибератакам. Недаром в США, начиная с программного документа 2003 г. Д. Аткинса, было провозглашено о создании киберинфраструктуры. В настоящее время приставка «кибер» чаще всего применяется в военно-политическом контексте, как то кибервойны, киберкоманда, кибершпионаж, киберполицейские, кибератака, кибербуллинг и т. п. Согласно современным исследованиям, в ближайшие десятилетия, скорее всего, будет больше кибер-оружия, развернутого государственными субъектами вдоль известных политических линий разлома. Моральная задача здесь состоит в том, чтобы определить, когда эти нападения можно считать достаточно серьезным вызовом суверенитету нации, чтобы оправдать военные реакции и реагировать на них оправданно и этично. Главной моральной задачей информационной войны является определение того, как использовать оружейные информационные технологии таким образом, чтобы выполнять обязательства по справедливой и правовой войне. Но сам феномен войны уже является сомнительным с моральной точки зрения событием, потому было бы предпочтительнее, если бы информационные технологии использовались только для того, чтобы уменьшить насильственные боевые действия [11, с. 88].

Таким образом, этическая интерпретация проблем виртуального пространства, интернета в глобальном плюралистическом мире, где разные культурные, религиозные, политические сообщества существенно расходятся в оценках и понимании хорошего и плохого, правильного и неверного чрезвычайно сложна. А потому необходимы поиски решений в рамках широких дискуссий и глубокого анализа. В том числе, с позиций информационной, компьютерной, возможно облачной, виртуальной или киберэтики, а также всех иных течений в современной философии морали.

Литература

1. Чумаков, А. Н. Глобализация и цифровизация: социальные последствия кумулятивного взаимодействия / А. Н. Чумаков // Вопросы философии. – 2021. – № 8. – С. 36–46.
2. Международный союз электросвязи [Электронный ресурс] – Режим доступа : https://www.itu.int/hub/publication/D-PHCB-DIG_AGE-2021/ – Дата доступа : 01.02.2023.
3. Яхно, В. Н. Современные проблемы и новые направления в области прикладной и профессиональной этики / В. Н. Яхно // Вестник ПГУ. – 2019. – № 15. – С. 97–100.
4. Войскунский, А. Е. Становление киберэтики : исторические основания и современные проблемы / А. Е. Войскунский, О. А. Дорохова // Вопросы философии. – 2010. – № 5. – С. 69–83.
5. Лешкевич, Т. Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифр / Т. Г. Лешкевич // Вопросы философии. – 2022. – № 3. – С. 53–63.
6. Крушанов, А. А. Искусственный интеллект – освобождение человека от трудностей или его вытеснение? / А. А. Крушанов // Вопросы философии. – 2022. – № 11. – С. 87–98.
7. Amoore, L. Cloud Ethics : Algorithms and the Attributes of Ourselves and Others [Electronic resource] / L. Amoore – Mode of access : https://www.dukeupress.edu/Assets/PubMaterials/978-1-4780-0831-6_601.pdf. – Date of access : 07.04.2022.
8. Журавлева, Е. Ю. Вызовы технологий «больших данных» для современных социогуманитарных наук / Е. Ю. Журавлева // Вопросы философии. – 2018. – № 9. – С. 50–57.
9. Алексеева, И. Ю. Что такое компьютерная этика? / И. Ю. Алексеева, Е. Н. Шклярник // Вопросы философии. – 2007. – № 9. – С. 60–72.
10. Окинавская хартия глобального информационного общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://docs.cntd.ru/document/901770887>. – Дата доступа : 31.05.2022.
11. Журавлева, Е. Ю. К типологии методов интернет-исследования / Е. Ю. Журавлева // Вопросы философии. – 2013. – № 5. – С. 84–93.

Технический редактор: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *Е.Н. Ермакова, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 10.07.2023. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 17,21. Уч.-изд. л. 14,99. Тираж 25 экз. Заказ № 386.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.